
Борис ПОНОМАРЕВ

ПЛЮСКВАМФУТУРУМ, ИЛИ РОССИЯ-2057

Роман

Одно я скажу правдиво: я буду писать лживо... я буду писать о том, чего не видел, не испытал и ни от кого не слышал, к тому же о том, чего не только на деле нет, но и быть не может. Вследствие этого не следует верить ни одному из следующих приключений.

Лукиан из Самосаты. Правдивая история

...Сия рукопись, как то видно из заглавия, есть запись разговоров во сне. В этих рассказах имеется и такое, что стоит послушать, а коли что окажется и не так, то отнеситесь к этому как к сонному бреду и не посетуйте на него.

*Оросиякоку суймудан
(Рассказ сонных видений о России),
японская рукопись XVIII века*

Калининград

Небо было розовым, вода — бурой, воздух — холодным, а время — предрассветным. Я, вечный студент и вечный странник двадцати семи лет от роду, сидел на бетонных ступенях лестницы, спускавшейся к реке, и вокруг меня был Калининград. В метре передо мною флегматично и невозмутимо текла Преголя, а за моей спиной уходило в небо здание бывшей Кёнигсбергской биржи. Штукатурка стены была рыхлой от речной сырости.

Прошлым вечером я даже не мог представить, что через десять часов окажусь на берегах реки в глубоком разочаровании. Я отправился в гости к знакомой переводчице с намерениями амурного толка. Зная ее характер, и трезво оценивая себя, проще было бы сразу идти домой. Вначале мы весело проводили время, распивая коньяк, шутя и беседуя. Увы, в пятом часу утра, в тот самый момент, когда я уже готовился обнять даму за плечо, прекрасное создание с черными волосами сказало мне, что от-

---

Борис Александрович Пономарев родился в 1988 году в Калининграде. В 2005 году получил гран-при регионального литературного конкурса для детей и юношества «Янтарное перо». В 2018 году окончил Санкт-Петербургский институт культуры и искусств. Публиковался в разделе «Научная фантастика» журнала «Химия и жизнь» в 2015 и 2016 годах. Участник XVIII Форума молодых писателей России.

правляется спать, и если я хочу, то могу допить коньяк и постелить себе в гостиной на диване. Глубоко разочаровавшись в собственных способностях дамского угодника, но все еще сохранив чувство собственного достоинства, я попрощался и, взяв с собой бутылку с остатками коньяка, направился к реке любоваться красками предрассветной зари.

Что-то было неладное в моей жизни. Она совершенно не двигалась, а если это все-таки происходило, то результат чаще всего разочаровывал меня. Не получалась учеба: за неполные девять лет я поступал три раза в университеты и один раз в колледж. К сожалению, природная лень перетягивала чашу экзаменационных весов, и я раз за разом покидал стены учебных заведений. Не ладилось с карьерой: все те поденные, без трудовой книжки, работы со скудными зарплатами вызывали у меня лишь отвращение и пожелание скорейшего разорения для фирм. И что сейчас было обиднее всего, совершенно не ладилась личная жизнь: с положением двоечника без нормальной работы я еще мог смириться, но женский подчеркнuto унижающий отказ бил ниже пояса почти в прямом смысле.

Вздыхнув, я взял в руку бутылку коньяка, желая поставить точку в сегодняшней ночи и возвратиться домой, пусть без щита, но и не на щите. Мне было очень грустно от ощущения того, что жизнь, подобно этому рассвету, проходит мимо меня.

— Доброе утро, — внезапно сказал кто-то.

Я оглянулся. Наверху лестницы, в нескольких метрах от меня стоял очень высокий мужчина, одетый с головы до ног в одежду черного цвета. Незнакомец с тонкими, аристократическими чертами лица, выглядел не просто элегантно, но подчеркнuto элегантно. Светлые волосы были подстрижены столь аккуратно, будто незнакомец только что вышел из лучшей в городе парикмахерской. Его безупречное черное однобортное пальто и черные брюки из какой-то очень дорогой ткани дополнялись такого же цвета идеально вычищенными полуботинками, всем своим видом словно бросающими вызов окружающей октябрьской сырости и прошедшим ливням. В руках он сжимал черный кожаный саквояж. Определить его возраст было затруднительно; я бы предположил, что незнакомцу было от тридцати пяти до сорока пяти лет.

— Доброе утро, — несколько настороженно ответил я. Почему-то моя память медленно извлекла из своих архивов воспоминание о том, как давным-давно на втором курсе своего первого университета я и трое моих друзей пили красное вино в уютном палисаднике, из которого нас откровенно хамским образом выгнал жилец с первого этажа.

— О нет, я не буду протестовать по поводу распития спиртных напитков в общественном месте, — прекрасно поставленным голосом сказал незнакомец, спускаясь по лестнице. Безукоризненное произношение Человека в Черном почему-то показалось мне таким же пугающим, как и его идеальный костюм. — Нет ничего плохого в том, что человек, встретивший столь прямолинейный отказ со стороны дамы, будет испытывать некую потребность в коньяке.

— Однако должен сказать, что меня определенно пугает ваша осведомленность...

— Пусть это пугает вас меньше всего, — сказал Человек в Черном. — Я не читаю мысли людей без приглашения. Ваши же были, фигурально выражаясь, просто на виду...

Я внимательно посмотрел на моего собеседника. Наверное, я зря выпил столько коньяка. Скорее всего, белая горячка приходит к интеллигентам именно в виде столь безупречно одетого и прекрасно воспитанного джентльмена, который словно только что вышел из палаты лордов.

— ...Однако я замечу, — тут же продолжил он, — что *delirium tremens* проявляется спустя два-три дня после прекращения обильного и длительного употребления го-

рячительных напитков, а не сразу же после бутылки коньяка, да еще разделенной на двоих. Помимо этого, галлюцинации при этом драматическом состоянии носят совершенно иной характер.

— Я тоже об этом подумал, — сказал я, — но в таком случае у меня не остается никаких предположений о том, кто же вы.

Человек в Черном хмыкнул, немного приподняв левую бровь, но ничего не сказал.

— Впрочем, возможно, вы дьявол?

— Упаси боже, — негромко сказал Человек в Черном, улыбаясь одной половинкой лица. — Здесь есть небольшое затруднение. К моему глубокому сожалению, я не могу подобрать должной метафоры для того, чтобы пояснить, кто же я, поскольку нормальное человеческое сознание попросту не располагает таким образным рядом. Как следствие, сказанное мною будет весьма затруднительно осмыслить без каких-либо пагубных последствий для этого самого сознания.

Человек в Черном снова дипломатично улыбнулся половинкой лица.

— Этот разговор, — продолжил он, — хорошо вести в джентльменском клубе, у растопленного камина, с чашкой кофе в руке... А здесь от реки тянет утренней сыростью, и обстановка не столь располагает, как хотелось бы, поэтому давайте просто перейдем к делу.

— Полагаю, что вы сегодня не заняты? — спросил он. Этот вопрос был задан словно невзначай.

Я коротко кивнул, не вдаваясь в подробности. В прошлом месяце я пересдал на осенней комиссии экзамен по социологии и теперь мог позволить себе немного расслабиться до декабря. Что же касается книжного магазина, в котором я работал все лето, то, к моему сожалению, он закрылся еще в августе, и новой работы с тех пор я не нашел. Таким образом, я более чем располагал своим временем.

— Превосходно. Вам не кажется, что ваша учеба в университете несколько подзатынулась?

— К сожалению, у меня не ладится вся моя жизнь, так что мне больше ничего не остается делать, — ответил я истинную правду. — На учебе хотя бы весело.

— Этот ответ уже ближе к тому, что я ждал, — снова чуть улыбнулся мой собеседник. Меня немного насторожила его улыбка. В ней крылся какой-то подвох. — Так вот, я предлагаю вам учебу в куда как более жизненных университетах. Я хочу предложить вам одно путешествие, — сказал он, чуть помедлив. — Если даже быть точнее, то целых два путешествия. В общем, я хочу предложить вам отправиться в Москву будущего. Если говорить детальнее, то я планирую переместить вас (разумеется, с вашего согласия) в будущее на сорок лет и четыре часа, в 31 октября 2057 года. К сожалению, путешествовать в Москву вам придется самостоятельно. Перенести вас прямо в столицу я не могу: за пределами нашего с вами края мои полномочия несколько ограничены, поскольку я — лицо сугубо неофициальное.

Ощущение нереальности происходящего абсурда усилилось до крайности. Этого просто не могло быть, потому что этого не могло быть. Меньше чем в метре от меня сидел совершенно настоящий Человек в Черном и предлагал мне невозможное.

— Любому историку, — сказал Человек в Черном, чуть склонив голову, — Впрочем, как и любому человеку, будет бесполезно заглянуть в будущее и посмотреть оттуда на свое настоящее. Я полагаю, вы согласны?

Я внезапно ощутил, что у меня нет другого выхода, кроме как принять вызов судьбы. В самом деле, конечно, я мог сейчас встать, допить коньяк и, вежливо попрощавшись, пойти домой, однако я отчетливо почувствовал, что это будет таким же некрасивым и неписанным нарушением правил, как два хода подряд в шахматах. Так было

нельзя. Я честно просил у судьбы новых приключений, и вот теперь, когда они ко мне явились, было бы поздно давать задний ход. Если сейчас я отвечу отказом, твердо понял я, то до конца своих дней буду проклинать это решение.

— Хорошо, — сказал я после паузы. — Я согласен.

— Прекрасно. Я не сомневался и на минуту. Для путешествия вам понадобятся деньги и документы, — заботливо предупредил он, извлекая из саквояжа красный заграничный паспорт, из которого торчала вложенная синяя банкнота. — Думаю, с учетом цен, двадцати евро вам хватит. Держите.

Чуть дрогнувшей рукой я взял заграничный паспорт и деньги.

— Лучше положите его сразу в карман или в сумку, — сказал Человек в Черном, застегивая с глухим щелчком пряжку саквояжа. — Ничего не бойтесь в дороге. В наших краях я помогу вам, а в большой России у вас появятся другие покровители, хотя, конечно же, не столь могущественные, как я. Я приду за вами тогда, когда без меня будет уже не обойтись, — многозначительно сказал Человек в Черном, поднимаясь со ступеньки лестницы. — Счастливого пути.

— Одну минуту, — сказал я, убирая паспорт и деньги во внутренний карман куртки и тоже вставая. Ноги, затекшие от долгого сидения, кольнуло. — Как же вы меня перенесете в будущее?

— А я не буду вас переносить, — сказал Человек в Черном, на этот раз улыбаясь мефистофельской улыбкой во все лицо. — Вы уже в нем.

Не до конца понимая его слова, я замер на несколько секунд, после чего повернулся направо.

Красок акварельного рассвета не было. Давно поднявшееся над домами солнце скрылось в плотном слое белых облаков. Город шумел дневными звуками автомобильных моторов и голосов людей. Медленно и сонно текла Преголя, и возвышался на острове Кафедральный собор. Пролетающая чайка пронзительно крикнула, не то приветствуя меня, не то требуя кусочек хлеба.

Я вытащил из внутреннего кармана телефон и обмер. 31 октября 2057 года, 11:58, две минуты до полудня. Четверг. Сеть не найдена. Доброе утро, а точнее, добрый день.

Щипать себя было бы слишком простым жестом, поэтому я закрыл глаза, и, выждав пять бесконечных секунд, открыл их снова. Ничего не изменилось, за исключением того, что с меня слетели все остатки коньячного наваждения. Вместе с ним пропало безумное чувство авантюризма, заставившее меня сказать «да» Черному Человеку. Что я наделал? Что это вообще было? Где я?

Деревянными не то от волнения, не то от холода пальцами я убрал телефон в карман куртки, по пути наткнувшись на заграничный паспорт. Я вытащил его и тупо уставился на красную книжечку. Я отчетливо помнил, что вчера не брал с собой ни заграничного паспорта, ни торчащей из него синей банкноты. В принципе можно было допустить, что я позаимствовал и то и другое у переводчицы, но вряд ли я мог об этом забыть.

Я еще пытался внушить себе эту мысль, когда мой мозг уже начал осознавать, что с заграничным паспортом что-то не то. Прямо под золотистым гербом в виде двуглавого медведя, помещенного между двумя изгибающимися снопами пшеницы, шла надпись:

Российская Федерация
Паспорт международного образца
Russian Federation

Почувствовав, что у меня подкашиваются ноги, я медленно сел обратно на бетонную ступеньку лестницы и открыл паспорт. На первой же странице было написано:

Российская Федерация
Москвы
Санкт-Петербурга
Исламского Государства Северного Кавказа
И всей остальной России

Очень осторожно, словно опасаясь тайн, который этот паспорт мог скрывать, я перевернул страницу. Это был мой паспорт или, вернее сказать, паспорт, выданный на мое имя. Фотография в нем полностью повторяла снимок в моем обычном загранпаспорте. Я хорошо помнил этот кадр: именно на нем, если сравнить с другими моими фото на документах, я выглядел лучше всего. Правее шли строчки с моими же именем и фамилией. Единственным, что существенно изменилось, были даты рождения и выдачи паспорта: они были аккуратно сдвинуты на сорок лет вперед: если верить этому документу, я родился в 2030 году.

Отчего-то у меня ужасно начали дрожать руки. Я открыл паспорт на последнем развороте, где была вложена банкнота. Всю страницу заполнял большой штамп:

ПАСПОРТ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБРАЗЦА
ВЫДАН ПО ЛИЧНОМУ РАСПОРЯЖЕНИЮ
АВГУСТЕЙШЕГО ПРЕЗИДЕНТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Дрожащей рукой я закрыл загранпаспорт и уперся взглядом в банкноту. По счастью, в ней не было ничего нового. Я провел подушечкой большого пальца по изображению готической арки, ощущая неровности краски. Нет, это точно не мистификация, сказал я себе. Одно из двух: или мне это снится, или я в будущем. В обоих случаях надо что-то делать.

Вздохнув, я осторожно начал подниматься по лестнице вверх. Там не оказалось ничего сверхъестественного: никто не пролетел надо мною на звездолете и не выстрелил в меня из бластера. Я оказался на набережной. Чуть поодаль сходились прямым углом два девятиэтажных панельных дома, издавна стоящих здесь и знакомых мне еще с раннего детства. В одном из них, на последнем этаже я вчера — или сорок лет назад — пил коньяк с переводчицей, а потом, поникнув духом, спускался по бесконечно долгой лестнице вниз. Сейчас дома были выкрашены в приятный пастельно-зеленый цвет. На обочине дороги стояли десять припаркованных «Жигулей» в ряд. Я изумленно взгляделся в них. Столько российских машин одновременно я видел только по телевизору. На каждой из машин красовался небольшой флажок с российским флагом. Неужели здесь проходит съезд всех десятерых калининградских «жигулистов»?

Вздохнув, я повернулся. Невдалеке, облокотившись на литую ограду набережной, стоял совершенно флегматичный рыболов неопределенного пожилого возраста, одетый в синий спортивный костюм с белыми полосками. Я рискнул обратиться к нему.

— Добрый день, — поприветствовал я рыболова, который скользнул по мне взглядом и вновь вернулся к поплавку, слегка качающемуся в реке. — Простите за вопрос... Я понимаю, что это прозвучит очень странно, но какой сейчас год?

Седые брови рыболова слегка приподнялись. На этот раз его взгляд остановился на мне. Я почувствовал себя свежевывловленным сомом.

— Знаете, молодой человек, — с какой-то отеческой заботой сказал рыболов, — лучше не пейте водку. Это яд, который делают из опилок.

Я устыдился.

— Нет, это не водка, — сказал я. — Я не пьян, я просто немного запутался... Так все-таки какой сейчас год?

— Пятьдесят седьмой, — словно нехотя ответил рыболов и отвернулся к поплавку, все так же едва покачивающемуся на воде.

По всей видимости, моя первая беседа с человеком будущего подошла к концу; он совершенно не отличался от моих современников. На всякий случай я еще раз бросил взгляд на десять «Жигулей». Они все так же стояли шеренгой, словно на авторынке.

Я огляделся еще раз. Наверное, надо выйти чуть поближе к центру, к Ленинскому проспекту. Может быть, там удастся увидеть что-то новое и интересное. Пока я не мог сказать, что за прошедшие сорок лет город изменился до неузнаваемости. Наверное, подумал я, хорошо бы соблюдать инкогнито, чтобы никто не догадался о моем прибытии из прошлого. Кроме того, Человек в Черном рекомендовал мне ехать в Москву, а для этого следовало купить билет и узнать, как вообще сейчас путешествуют люди. Вполне возможно, что научно-технический прогресс позволил людям освоить телепортацию. В крайнем случае, подумал я, глядя на «Жигули», будем надеяться, что московский метрополитен уже прорыли до Калининграда, оснатив при этом сверхзвуковыми магнитопоездами.

Пройдя через сквер с разросшейся за эти годы ивой, я оказался у цели. Ленинский проспект, центральная трасса Калининграда, изменился не очень сильно. Пятиэтажные блочные дома характерной хрущевской архитектуры покрасили в различные цвета зеленых и синих оттенков. Это явно произошло не вчера: изрядно запыленная краска местами отслоилась, обнажая старые швы стыков. В одном месте из скола бетонного блока торчал ржавый крюк арматуры.

Мимо меня неторопливо проехало несколько автомобилей характерно отечественного вида. Уличное движение по сравнению с моими временами явно стало спокойнее. Если бы я захотел, я мог бы спокойно перейти проспект, нисколько не рискуя попасть под автомобиль. Проспект был почти пуст.

Внезапно мой взгляд ухватился за очертания машины, казавшиеся чужеродными в этом скудном транспортном ручейке. По дороге ехал «мерседес», старый, в следах краски поверх шпаклевки, но еще вполне работоспособный. Негромко бурча мотором, он притормозил, чтобы свернуть мимо меня в переулок, и я с удивлением понял, что на его капоте вместо трехлучевой звезды в круге демонстративно торчит эмблема автомобильного завода с берегов Волги.

Рядом прошла пара, держащаяся за руки. Молодой человек в серой полуспортивной куртке и девушка в черном потертом пуховике мельком оглянули меня. Поняв, что я стою на углу дороги и удивленно смотрю на машины, я решил неторопливо пойти дальше. К счастью, я не слишком выделялся своей одеждой. Наряды в пятьдесят седьмом году были достаточно консервативные, так что я в джинсах и куртке-ветровке вполне вписывался в моду будущего. Я шел по бугристому, разбитому асфальту и смотрел налево и направо.

В одном из домов располагалась закусочная «Скатерть-самобранка» с вывеской в псевдорусском стиле. После закусочной следовал магазин бытовой техники. Из его окон на меня смотрела выпуклыми кинескопами шеренга одинаковых ящикообразных телевизоров с двурогими антеннами. Да, это электронно-лучевой телевизор, подумал я, и в голове вспыхнули какие-то сумрачно-далекие фразы «развертка строк», «развертка кадров», а также факт того, что напряжение на кинескопе — двадцать пять тысяч вольт и лезть внутрь надо крайне осторожно. Не таким я себе представлял 2057 год.

Куда я вообще попал? Почему прошло сорок лет, но ничего не изменилось, за исключением покрашенных домов и достижений отечественного автопрома? Да и люди, что проходят рядом, — почему они совершенно не отличаются от тех, что шли здесь полвека назад, разве что одеты немного скромнее?

Я поднял взгляд. Там, где когда-то висела табличка «Ленинский проспект», ныне находился указатель «Проспект Великой России». Нет, это явно не СССР. Что за мир, в который я попал? Почему он одновременно и похож на реальность, из которой я прибыл, и при этом совершенно не похож? Что здесь другое? Может быть, что-то неуловимое в людях?

Я обошел остановку, на которой стояло десятка два человек. Одна женщина посмотрела на меня и тут же отвернулась. Четверо мужчин в одинаковых дутых куртках из болоньи приглушенных оттенков равнодушно скользнули по мне взглядом. Кроме них, никто не обратил внимания на меня, словно я был человеком-невидимкой. Невеселые лица людей были похожи на солнце, пробивающееся сквозь тучи.

Я подумал, что хорошо бы добраться до своего дома. Дойти до него отсюда я мог минут за сорок. Я, правда, совершенно не понимал, что же я хочу там увидеть, но надо было куда-то идти.

Красный свет сменился зеленым, и я перешел дорогу вместе с другими пешеходами. Мне показалось, что раз или два на меня бросили любопытствующий взгляд, но не более. Меня это вполне устраивало. Город жил своей жизнью, не замечая пришельца из прошлого.

Я остановился перед зданием торгового центра и увидел зеленую вывеску с яркими буквами: «Единый государственный банк России».

Судя по плакатам, висевшим на стенах, банк предоставлял самые разнообразные услуги гражданам. Глядя на надписи, я обратил внимание, что рубль все еще в ходу. Здесь можно было оплатить коммунальные услуги, штрафы, совершить переводы и расстаться со своими деньгами еще дюжиной разных способов, однако я не мог найти ничего, что было бы связано с обменом валюты.

Возле одного из окошек висело грозное предупреждение о том, что в случае агрессивного поведения или нецензурных ругательств по отношению к сотрудникам банка будет немедленно вызвана полиция. Я подумал, что далеко ходить за полицией не придется: человек в характерной темно-серой форме (она не очень сильно изменилась за сорок лет) сидел в углу на стуле и, закинув ногу за ногу, читал какой-то детективный роман в яркой обложке. Изображенный на ней спецназовец с автоматом Калашникова (к стволу был примкнут зазубренный, совершенно нереалистичный штык-нож) вел кинжальный огонь от бедра.

Окинув скептическим взглядом очередь еще раз, я обнаружил стоящую рядом сотрудницу банка, миниатюрную женщину с кучерявыми каштановыми волосами, собранными в пучок. Форменная рубашка была ей немного велика.

— Чем я могу помочь? — спросила она, заметив мой взгляд.

— Здравствуйте, — поприветствовал я ее и сразу же взял быка за рога. — Скажите пожалуйста, можно ли у вас поменять валюту?

Мои слова произвели больший эффект, чем если бы я крикнул во весь голос «Это ограбление!» и выстрелом из обрезав свалил бы встающего со стула полицейского. В первое мгновение консультантка смотрела на меня огромными бездонными глазами того же цвета, что и ее каштановые локоны, словно я предложил ей нечто безумно непристойное. Во второй миг я, предчувствуя что-то очень плохое, оглянулся и понял, что мои слова волшебным образом услышали все присутствующие. Очередь странно отшатнулась, будто я вытащил из сумки осколочную гранату. Операционистки испуганными глазами смотрели на меня из своих окошек. Похоже, я сказал что-то явно не то.

— Знаете, пожалуй, я в другой раз зайду, — сказал я консультантке, разворачиваясь к выходу. Полицейский, стоящий поодаль, шел наперерез, и я, набирая скорость, уже начал прикидывать, смогу ли его задержать и прорваться к выходу, если прямо

сейчас швырну в него стулом. По моим расчетам выходило, что нет, и меня это не сильно обрадовало.

— Так, остановись, — сказал полицейский, загородив двустворчатую дверь. Он опередил меня буквально на пару метров. Его властный тон мне откровенно не понравился.

— У меня сейчас нет времени, — мрачно ответил я, сожалея, что Человек в Черном не снабдил меня пресловутым обрезом или чем-нибудь сравнимым. — Мне срочно нужно идти, у меня самолет в Москву.

При этих словах полицейский удивленно замер. Его рука, уже протягивающаяся ко мне, остановилась в воздухе. К сожалению, отодвинуть полицейского от двери я все еще не мог. Ситуация была патовой.

— Что случилось? — спросил я.

— Вы задержаны, — ответил полицейский, кладя руку на свой пояс. По крайней мере, он перешел на «вы», но этого было мало.

— Подождите!.. — раздался чей-то запыхавшийся крик.

Я оглянулся. Большая бронированная дверь, извещавшая своими надписями, что за ней скрывается служебное помещение и куда строго воспрещен вход, была открыта. В ней, отдуваясь и тяжело дыша, стоял мужчина средних лет с раскрасневшимся лицом. Судя по всему, ему пришлось пробежаться на короткую дистанцию. Деловой костюм — не самая удобная одежда для забега, да и, судя по очертаниям брюшка, владелец костюма нечасто занимался физкультурой.

— Куда же вы? — сказал бегун, отпустил ручку двери и быстро направился ко мне. — Пойдемте в кабинет.

Ловким жестом он ухватил меня под локоть и, не отпуская, обратился ко всем присутствующим.

— Уважаемые посетители Госбанка! — громко сказал он. — Вы только что приняли участие в служебных учениях нашего филиала. Все под контролем. Благодарю вас за участие! Прошу всех подписать в кассе бумагу о неразглашении.

Я ничего не понял из этих слов, но меня уже буквально впихнули в коридор за бронированной дверью.

— Скорее, — заговорщицким шепотом сообщил мужчина, торопливо ведя меня за локоть. Мы свернули за угол и поднялись по лестнице на второй этаж.

— Меня ни для кого нет, — сообщил он секретарше, одновременно открывая дверь кабинета. Краем глаза я заметил на дверной табличке гравированные строки «Сергей Петрович Н., директор филиала Государственного...», но дочитать их не успел: мое внимание приковал к себе компьютер секретарши. Я даже не знал, что меня больше удивило: то, что у него был ящикообразный электронно-лучевой монитор из пожелтевшей пластмассы, на черном экране которого ярко зеленели буквы, или то, что у горизонтального системного блока с надписью «ЭВМ КАЗБЕК-5» лежала пара удивительно знакомых по моему детству трехдюймовых дискет? Может быть, я попал не просто в будущее, а в альтернативное будущее? В мир, где двести лет назад Наполеон высадил десант в Англии, и поэтому все пошло немного не так?

Дверь кабинета закрылась за мной. Уже отдышавшийся от забега за мною директор щелкнул замком и широким жестом указал мне на кресло, обитое слегка потертым кожаным материалом.

Только теперь я заметил на стене большой государственный герб. Он в точности повторял рисунок на моем паспорте, только был более крупным, что позволяло лучше различить детали. На красном щите располагался золотой двуглавый медведь. В каждой из своих лап мишка сжимал по снопу золотой пшеницы. Колосья, увитые лентами, изгибались, почти замыкаясь в круг над медвежьими головами. Я перевел взгляд вправо, на добротный портрет с латунной табличкой «Господин президент Российской Федерации». Лицо изображенного на портрете человека показалось мне ужас-

но знакомым, словно я знал его еще с тех времен, когда ходил в школу и все телевизоры имели выпуклые экраны кинескопов. Мне показалось, что я обознался, но уточнять это я не решился.

— Зачем вы пришли ко мне в банк? — спросил банкир таким тоном, которым было бы уместнее произнести «Вы уволены!». Я оторвался от портрета.

— Во-первых, — начал я, стараясь придать своему голосу более твердые интонации, и, кажется, мне это удалось, — я пришел не к вам.

Бдительно оглядев меня, директор взял телефонную трубку, за которой потянул длинный черный витой провод, и нажал какую-то из кнопок на корпусе аппарата.

— Заменить все записи с камер. Поставьте обычную картинку. Если что, объясните скачком напряжения или ошибкой. Да. Да, или так.

Телефонная трубка легла на аппарат. Внимательный, почти рентгеновский взгляд банкира вернулся на меня.

— Я спрашиваю еще раз, для чего вы пришли в банк, и прошу на этот раз мне ответить.

— Мне нужно обменять валюту, — ответил я, вкладывая в голос некий вызов.

Банкир снял с себя очки и закрыл глаза, устало выдохнув.

— Когда мне сообщили о вас, я подумал, что вы провокатор из госфинансконтроля, но сейчас я вижу, что это не так, — сказал банкир, открывая глаза. — Вы не провокатор, а, извините, дурак. Так не поступают. Я могу затереть записи с камер и поручиться, что мои люди будут молчать, но что произойдет, если кто-то из посетителей выйдет из банка и позвонит куда надо, сообщив, что сюда пришел человек с валютой? Мы сделаем так, — голос банкира слегка смягчился, а сам он наклонился ко мне. — Если у нас будут спрашивать уполномоченные лица, то вы нашли валюту в дедушкином портмоне в кладовке. Взяв монеты, вы как законопослушный гражданин немедленно отправились в банк, чтобы сдать валюту в установленный законом двенадцатичасовой срок. Да-да, ведь вы имеете право сдавать деньги не только в полицию внутренних дел, но и в банк. Разумеется, в течение часа мы должны уведомить об этом органы, но электронное письмо затерялось из-за аварии электропроводки. Вам все понятно?

Портмоне, банк и проводка. Мне это показалось каким-то бредом, но на всякий случай я кивнул.

— Что же, теперь, когда мы определились с тем, что происходит, можно перейти ближе делу. Сколько у вас денег?

— Двадцать евро.

Спустя секунду он со словами «позвольте» жестом фокусника вытащил у меня купюру из рук. Я даже не успел моргнуть, а мой собеседник уже достал из ящика стола часовую лупу и внимательнейшим образом изучал мои деньги. Он даже слегка похрустел бумагой и понюхал ее, словно стремясь узнать, пахнут ли деньги, и если да, то чем.

— Сколько вы хотите за них? — поинтересовался банкир. — Я могу дать вам за них двести тысяч рублей. Эта сумма удовлетворит вас?

Двести тысяч? За двадцать евро? Вот это курс нынче!

— Конечно, вы можете обратиться к теневым кругам. Они даже могут пообещать вам большую сумму, но! — он предостерегающе поднял указательный палец, по-прежнему удерживая банкноту. — Валюта — это не тот товар, которым можно свободно распоряжаться. Крайним же в глазах закона будете вы, и на случай, если вы не знаете, то соответствующая статья, — погладил он двадцатку, — предусматривает до четырех лет. Незаконный оборот валюты в крупном размере. Напротив, я, — здесь банкир доверительно понизил голос, — имею возможность обеспечить относительную законность нашей сделки. Вы нашли в дедушкином портмоне крупную сумму валю-

ты и как законопослушный гражданин сдали ее в банк. Я выплачиваю вам компенсацию по официальному равноценному курсу, двадцать рублей. По рублю за евро. Все честно и законно. После этого я выдаю вам двести тысяч наличными в качестве оплаты за консультационные услуги. Юридически вы остаетесь абсолютно чисты.

— Это прекрасная схема, — польстил я своему собеседнику, — и в целом я согласен. Дело в том, что мне нужно попасть в Москву. Сколько стоит билет на самолет?

— Самолеты в Москву не летают уже больше четверти века.

Шпионы попадают на мелочах, а путешественники во времени — на незнании реалий.

— Как же тогда мне попасть в Москву?

— Поезд, — как будто с облегчением ответил банкир. — Поезд Калининград—Москва. Но с этим обратитесь на вокзал. Скажите мне лучше одну вещь. Почему вы не знаете очевидных вещей?

— Знаете, — дипломатично начал я, — я серьезно занимаюсь историей. Начало двадцать первого века и все такое... Помимо изучения этой эпохи по учебникам и историческим свидетельствам, я практикую погружение в быт. Это называется историческая реконструкция. И должен сказать, бывает очень трудно выйти из образа. Очень сильно затягивает.

— Кстати, про реконструкцию. Ваши джинсы — тоже реконструкторские? Судя по всему, они заграничные? Скажите, какой у вас размер брюк?

— Тридцать три.

— Жаль, для меня они малы. А ботинки? Сорок третий? Тоже малы, — расстроено произнес банкир. — Давайте договоримся: если вы вдруг найдете в бабушкином шифоньере какие-то вещи зарубежного пошива, подходящие мне по размеру, я с большим удовольствием приобрету их по сходной цене. Кстати, если вы вдруг обнаружите в кармане дедушкиного пиджака еще одну банкноту, немедленно несите мне. Вот моя визитка, возьмите.

— Итак, вот двадцать рублей равновесного курса, — сказал банкир, кладя на стол две монеты, — а вот двести тысяч, — банкир похлопал по одной из папок. — Вы оказали Госбанку консультативные услуги и получаете гонорар по акту. Кстати, у вас документы с собой?

Мысленно ругая бюрократизм, я достал из кармана заграничный паспорт и открыл его, не выпуская из рук. Банкир замер. Кончик золотого пера повис в воздухе. Пододвинув лупу, он протянул руку за моим паспортом.

— Дайте посмотреть, — его голос стал недовольным. — Когда-то и у меня был заграничный паспорт. Вот только его срок вышел тридцать лет назад, а новых потом уже не выдавали.

Очень бережно, удерживая его через салфетку и испытывая большие неудобства, банкир осмотрел мой паспорт через лупу, после чего перелистал страницы. Дойдя до вклеенной шенгенской визы (у меня в моем оригинальном паспорте была точно такая же), рядом с которой чернели несколько польских штампов, он остановился. Закрыв паспорт и на всякий случай протерев от отпечатков пальцев обложку, банкир положил его на стол и ногтем придвинул ко мне.

Я осторожно заглянул в паспорт. Не появились ли там какие-то Антихристовы письма?

— В общем, вы предъявили мне обычный паспорт. Этого, — указал директор банка на красную книжечку в моих руках, — я не видел. И, прошу вас, уберите его.

Мрачно вздохнув, я взял протянутую мне ручку и в знак протеста оставил на обоих документах подпись Остапа Бендера, после чего, не считая, положил объемную, приятную на ощупь пачку банкнот в сумку.

— Вы хотите ехать в Москву с этим паспортом? — осведомился он с какой-то ноткой в голосе.

— Других документов у меня нет, — честно признался я.

— Давайте тогда мы сделаем так, — сказал он с видимым облегчением. — У меня есть друг на железной дороге...

Банкир достал из ящика стола, словно из машины времени, кирпичеобразный содовый телефон, похожий на уоки-токи. Выдвинув вверх длинную антенну, директор банка набрал номер. Кнопки пощелкивали под его пальцем.

— Я оформил вам билет в Москву. Считайте, что это подарок в надежде на дальнейшее сотрудничество. Вы поедете на уже оплаченном служебном месте, только, прошу, не бравировать своим паспортом. Это слишком опасно. Купейных мест нет вообще, поэтому придется ехать плацкартом. Поезд отходит через час. Это, конечно, неудобно, но ничего не поделаешь: следующий поезд будет только в понедельник.

Покинув гостеприимный кабинет, мы спустились по лестнице. За очередной дверью оказался спуск в подземный гараж, где уже ждал бежевый инкассаторский фургон с широкой зеленой полосой на корпусе. Водитель, немногословный мужчина лет сорока, сидевший за рулем, был одет в камуфляжную униформу сдержанных болотных цветов.

— На вокзал, и поскорее, — сказал ему директор и развернулся ко мне. — Пожалуйста, будьте осторожны со своей исторической реконструкцией.

Водитель со второго раза завел машину, и мы тронулись в путь.

Дороги, по сравнению с моими временами, были практически пустыми. Я смотрел налево и направо, глядя на свой город через призму прошедших сорока лет. Мы обогнали едва движущийся автобус, битком набитый пассажирами. На перекрестке с улицей Багратиона мы остановились перед светофором. Справа теперь возвышалась девятиэтажная «свечка». Во всю ее высоту был нарисован мурал со свирепо оскаленным медведем, держащим в лапах щит и меч. Краски были яркие и сочные; над головой медведя шел броско написанный лозунг:

«ЗАЩИТИМ ОТ ВРАГА ЗАПАДНЫЙ ФОРПОСТ РОССИИ!!!»

Что же произошло за это время? Может быть, война?

По пешеходному переходу прямо перед нами прошла строем группа детей. Почему-то они все были одеты в камуфляжную форму с нарукавными нашивками шестнадцатой школы. Одна из девочек грустно посмотрела на меня из-под берета, словно хотела что-то сказать.

Мы выехали на площадь перед вокзалом; я не сразу узнал его. Здание вокзала было выкрашено в цвета государственного флага. Верхняя часть, которой достался белый цвет, терялась на фоне облаков. Фургон остановился. К нам уже подходил высокий мужчина лет сорока с броскими гусарскими усами. Его форму украшали какие-то позолоченные эмблемы железнодорожного образца. В руках мужчина держал планшетку с бумагами.

— Здравствуйте! — поприветствовал он меня. — Вы от Сергея Петровича? Я от Вячеслава Павловича. Прошу, поезд скоро отправляется. Вот ваш билет. К сожалению, из нижних мест свободным было только тринадцатое. Если хотите, мы можем передвинуть кого-то из обычных пассажиров.

— Ничего страшного, — сказал я. — Я не суеверен...

— Хорошо. Вы без багажа?

— Срочный и неожиданный отъезд. Я даже не предполагал этой поездки, но меня очень ждут в Москве, — немного туманно ответил я, разглядывая билет. Это был плотный картонный прямоугольник, богато украшенный вензелями и узорами. По верху билета шла тисненая надпись «Железные дороги России». Чуть ниже и чуть мельче значилось «Великие дороги великой страны».

— Мы выдадим вам дорожный набор, — предложил мне железнодорожник, протягивая мне планшет с бумагой. — Пожалуйста, распишитесь вот здесь.

Я поставил максимально неразборчивую закорючку в самом низу листа и отдал планшет обратно.

Мы подошли к входу. Стало видно, насколько затерта и обтрепана краска на здании вокзала. По всей видимости, последний ремонт был более десяти лет назад. Единственными новыми элементами декора были металлические таблички, укрепленные на каждой из пяти дверей:

Зона транспортной безопасности
Возможно применение оружия

Железнодорожник прошел внутрь, совершенно не обращая внимания на эти грозные надписи, и я последовал за ним. Нахождение в местах возможного применения оружия не вызывало у меня энтузиазма.

Парадный зал встречал нас рамами металлоискателей, у которых стояли полицейские со строгими лицами.

— Нам сюда, — указал мне железнодорожник, и мы обогнули металлоискательный кордон сбоку. Один из полицейских равнодушно скользнул по нам взглядом и тут же вернулся к своим обязанностям.

— У вас вагон номер пять, — сообщил мне железнодорожник. — Нумерация с головы состава.

Поезд, в котором мне предстояло отправиться в путешествие, был раскрашен в цвета российского флага. Наверное, издавек в движении он выглядел подобно разноцветной зубной пасте, с огромной скоростью выдавливаемой из тюбика. Меня немного смутило то, что все окна вагонов снабжены солидными ставнями из прочных железных листов. Неужели в нашем поезде везут золото?

— Какие надежные ставни, — словно невзначай сказал я. Неужели моя версия о том, что была война, все же верна?

— Да, а как же. Иначе нельзя, — ответил железнодорожник, к моему сожалению, не вдаваясь в подробности. — Документы у вас в порядке? Все оформлено?

— Да, — подтвердил я, прежде чем задумался о том, что документов-то у меня толком и нет. Ладно, решил я, в пути разберемся. Шенгенская виза у меня есть, значит, через Литву меня должны пропустить... В конце концов, Человек в Черном сказал, что мне этого будет достаточно.

Проводница стояла у входа в вагон.

— Служебный билет, — сказала ей железнодорожник. Я протянул документ проводнице, и она, бегло проглядев, вернула мне.

— Документы, паспорт в порядке? — спросила она, отмечая что-то в списке пассажиров.

— Да, — ответил за меня железнодорожник. — Выдайте дорожный набор и оказывайте содействие.

— Хорошо, — сказала проводница, отмечая что-то на следующем листе бумаги.

Вагон был неновым, но чистым и аккуратным, с вытертым линолеумом, раскрашенным под паркет, с белыми, а теперь кремовыми панелями переборок и вишневым, покрытым заплатами дерматином спальными полками. Словом, это был классический плацкарт, совершенно не изменившийся за сорок лет. На пятнадцатом месте, напротив моей полки, сидела невысокая, стройная дама с миниатюрным, изящным лицом и собранными в хвост русыми волосами. На корнях волос была видимая проседь. Дама была одета в черный кардиган с ярко-красными вышитыми макаками. Цветовая гамма придавала ей несколько испанский колорит.

На боковом месте располагался еще один пассажир, рыжеволосый мужчина лет сорока или пятидесяти, в мятых брюках и фланелевой клетчатой рубашке. У мужчины были строгое лицо интеллектуала, украшенное узкой полоской рыжих усов, и прерзительный взгляд сноба, вынужденного ехать плацкартом вместе с племсом.

— До отправления остается пять минут, — громко произнесли динамики под потолком вагона.

За окном медленно, очень медленно поплыл назад вокзал. Поезд набирал ход мягко и почти невесомо. Я смотрел и смотрел в окно, словно стремясь на прощание увидеть как можно больше родного города. Я в будущем! — ворвалась ко мне в мозг мысль, и только сейчас я до конца осознал эту невероятную истину, распробовав ее, точно гурман — марочное вино. Я в две тысячи пятьдесят седьмом году! Еду! Поездом! В Москву! Вокруг меня — люди из будущего! Мне выпал шанс, который, наверное, выпадает одному человеку из миллиардов, если выпадает кому-то вообще!

Транзит

...Где
Родина. Еду я на родину,
Пусть кричат — уродина,
А она нам нравится,
Спящая красавица,
К сволочи доверчива,
Ну, а к нам...

Группа «ДДТ». Родина

За окном стремительно появлялся, возникая из ниоткуда, мелькал, уносился вдаль и пропадал в никуда Калининград будущего.

По вагону, собирая билеты у пассажиров, уже шла проводница. Куда же я в спешке положил свой? В сумке его отчего-то не было. Я вспомнил, что билет, как и телефон, лежит у меня во внутреннем кармане ветровки. Покопавшись в куртке, я достал содержимое кармана наружу.

— Прямо как у меня в молодости! — восхищенно сказала женщина в кардигане, глядя на телефон. — А что, их начали выпускать?

Я торопливо убрал мобильный в сумку.

— Нет. Это раритетная модель из моей коллекции, — начал я на ходу рассказывать свою легенду. — Я историк, занимаюсь изучением начала двадцать первого века. Коллекционирую старые вещи, в том числе и технику.

— Здорово! — мелодично и грустно сказала женщина в кардигане. — У меня когда-то тоже такие были. Даже сейчас, наверное, лежат где-то...

Она не договорила, внезапно осекшись.

— Вы, наверное, до Минска едете или же до Смоленска? — спросила она. — Смотрю, вы совсем налегке.

— Нет, я до Москвы.

Женщина в кардигане удивленно посмотрела на меня заботливым взглядом.

— А как же вы так? Совсем без одежды, без вещей, целую ночь пути...

— Да вот так получилось, — сказал я чистую правду. — Срочно понадобилось ехать в Москву по важному поручению. Пришлось собираться в последнюю минуту. А вы тоже туда?

— Да. За покупками.

Я посмотрел на нее с вопросом.

— Я торгую подержанной одеждой, — пояснила женщина, поправляя на себе кардиган. — Еду в Москву закупать старые вещи для перепродажи. Светлана меня зовут.

Я представился в ответ. В проходе плацкарта появилась проводница, одетая в форменную белую блузку и темно-синюю юбку. На небольшом бейджике было написано «Ольга».

— Попрошу ваши билеты, — сказала она. — Кстати, вот возьмите, — протянула она мне небольшой полиэтиленовый пакет с дорожным набором.

— Вы сейчас напомнили мне один случай из моей молодости, — сказала Светлана. — Я ездила в Москву на огромный рок-фестиваль. Там я разговорилась с одним парнем, который приехал автостопом из Комсомольска-на-Амуре. Он добирался до Москвы целый месяц. У него вообще не было денег. Вы похожи на него. У него были такие же светлые волосы. Вообще, мне кажется, будто я вас видела...

— Сомнительно, что это был я. Я не из Комсомольска. А сам фестиваль вам понравился?

— Это было прекрасно! — воскликнула Светлана.

Неожиданно легко мы разговорились о рок-музыке, почти сразу перейдя на «ты». Поезд уносил нас вперед, а мы со Светланой оживленно беседовали. Судя по всему, моя соседка по плацкарту была завзятой меломанкой.

— Я даже не могла себе представить, — сказала Светлана, довольно улыбаясь, — что сейчас из молодежи кто-то еще увлекается роком. Откуда ты все это знаешь? Ладно еще я — ведь я застала те времена! Но как же ты? Ты не на концерт, случаем, едешь? — спросила она, чуть понизив голос.

— Нет, а что за концерт?

— Большой осенний рок-фестиваль в ДК Горбунова, — негромко сказала она.

— Я даже не знал про такой фестиваль. Если получится, то приду.

— Я вижу, что ты в теме, — сказала она. — Если хочешь, я могу замолвить за тебя словечко, чтобы тебя тоже пустили. Фестиваль ведь только для своих, с улицы не приедешь. Он существует лишь потому, что его курирует сам премьер-министр. На каждом концерте он сидит в парадной ложе, надев парик, и думает, что его никто не узнает... Так ты, наверное, на музыке специализируешься? — с интересом спросила Светлана.

— На всей эпохе, — ответил я. — Центральной точкой моих исследований я взял две тысячи седьмой год.

— Прекрасный год! — сказала она. — Я тогда в школу пошла. Золотые времена! Можно было делать все, что душе угодно! Если ты хочешь, я могу многое тебе рассказать про ту эпоху: про Интернет, про мобильники, про музыку, про жизнь. Вижу, что ты все это знаешь, но одно дело знать, а другое дело — лично прожить!

Со стороны боковушки внезапно донеслось покашливание.

— Это было ужасное безвременье, — с ощутимой нотой снобизма сказал рыжеусый интеллигент, откладывая в сторону книгу. На обложке позолотой сверкнули слова «Хан Батый, основатель русской государственности». — Это была година анархии, когда наша страна, утратив свою национальную идентичность, всю катилась в пропасть вслед за Западом, когда идеалом нашей молодежи были европейские псевдоценности, чуждые русскому этносу и ведущие к разложению нашей цивилизации...

Светлана молчала. Я видел, как побелели и сжались в тонкую нить ее губы.

— Сбегаю-ка я за чаем, — сказал я, поднимаясь с полки, когда молчать стало совсем невозможно. Пить мне хотелось с самого утра.

Вагон был заполнен на две трети. Непривычным казалось то, что никто не смотрел фильмы на планшетах и ноутбуках, не играл на телефоне и не читал электронные книги. В ходу были обыкновенные бумажные издания. Кто-то разгадывал кроссворд,

напечатанный на рыхлой неотбеленной бумаге. В одном купе тасовалась колода слегка помятых бумажных карт. Чуть дальше пассажиры ели яйца, и характерный запах напомнил мне о том, что я голодаю уже более сорока лет.

— Чай, пожалуйста, — обратился я к проводнице, — и овсяное печенье. Сколько с меня?

— Сто сорок, — проводница выдала мне подстаканник, чайный пакетик и упаковку печенья. Я вытащил из сумки пеструю банкноту в пятьсот рублей и расплатился.

— Это же не еда! — воскликнула Светлана, глядя на мои покупки. — Давай я тебе хоть бутерброд дам!

Развернув салфетки, она протянула мне кусок черного хлеба, на котором лежали два кусочка копченой колбасы.

Я сжевал бутерброд. Он был немного странным на вкус. Когда-то моя подруга, не имея под рукой муки, испекла пирог из толокна, и я был готов поклясться, что сейчас ощущаю этот же специфический вкус в хлебе. Колбаса напоминала говяжьи жилы, прокрученные с черным перцем через мясорубку. Запив горячим чаем ядреную смесь, я проглотил ее. Чай тоже оставлял желать лучшего. Я принохался. От чая доносился тонкий запах уксуса. Я жевал овсяное печенье с чаем. По счастью, оно не сильно отличалось по вкусу от выпускавшегося в мое время.

— Слушай, а почему ты с брюк нашивку с названием не срезал? — негромко спросила она, усаживаясь на полку.

Я пожал плечами.

— Да вот так получилось, — ответил я. — Думаешь, стоит снять?

— Конечно, стоит! — так же негромко сказала она, бросив взгляд в сторону боковой полки. — В большой России с этим очень строго. Сразу прицепятся. Давай я тебе срежу.

— Ну, давай, — согласился я, поднимаясь с полки.

Светлана достала маникюрные ножницы и очень аккуратно срезала лейбл с моих джинсов. Только сейчас я заметил, что у нее на руке видна старая татуировка в виде трех небольших цветных звездочек.

— Держи и спрячь, — сказала она, протягивая мне срезанную нашивку, из которой торчали растрепанные нитки. — И лучше не рискуй с этим. Этой весной сын приехал за товаром к поставщице, а у нее все было перекрыто. Пришла полиция и дочиста обобрала все прилавки. Якобы кто-то увидел там старую турецкую блузку с принтом на английском языке, и полиция провела контрольное изъятие для экспертизы. Потом ничего не вернули и еще взяли огромный штраф. Повезло еще, что это была обычная полиция, а не тайная. Те бы всех посадили. Так что ты будь аккуратнее.

Я подумал, что когда я вернусь в свое время, то нужно будет непременно найти Светлану. Знакомствами с такими женщинами нельзя разбрасываться. Я закутался в одеяло и устроился поудобнее на полке... Кто-то прошел по вагону, задев мои ноги, торчащие с края полки, и я открыл глаза. Похоже, я проспал всего лишь несколько часов. За окном была непроглядная темнота.

Рядом со Светланой сидела женщина лет сорока, очевидно севшая в Черняховске. На ней был слегка вытертый и явно неновый черный спортивный костюм, сшитый из синтетического бархата; одежда делала ее похожей на пантеру. Короткие волосы имели пронзительный морковно-рыжий цвет.

— Где это мы едем? — поинтересовался я.

— Литва, — коротко ответила женщина-пантера.

Только сейчас, глядя на черноту за окнами, я понял, что это не ночь и даже не сумерки. Окна были наглухо закрыты снаружи, по всей видимости — теми самыми ставнями, которые так удивили меня на вокзале. На какой-то миг мне показалось, что вагон превратился в бронепоезд.

— А как мы вообще сейчас едем через Литву? — поинтересовался я.

— Как обычно, с закрытыми окнами, на полном ходу и без остановок. Проедем границу, и ставни откроют.

— Какая сложная система, — сказал я. — Я чувствую себя как в бронепоезде.

— Кстати, чуть не забыла, — сказала она. — Пока ты спал, приходил начальник поезда. Он посмотрел на тебя, не стал будить и ушел.

Мне это не понравилось. Неужели моя личность все-таки вызвала какие-то подозрения?

Я познакомился с женщиной-пантерой. Ее звали Катя.

— А вы в Москву по работе?

— Нет, — сказала Катя. — Надо переоформить лицензию на право выращивания картофеля. Наш участок земли с огородами по ошибке приписан к Славскому району. Опять ужесточили правила, и если мы не оформим бумаги по всем правилам, то в следующем году всю картошку конфискуют. Надо обращаться прямо в московский Агропром. Хорошо, дали приглашение на въезд, а то бы визу не открыли, и пришлось бы сидеть в деревне впроголодь.

— А вы не в Черняховске живете? — переспросил я.

— Раньше жили, — ответила Катя. — Работы не стало, вот мы и уехали к родителям мужа. Старый немецкий хутор, чуть-чуть не доезжая до Большаково. Есть чем детей накормить, и на том спасибо. Сейчас, по осени, продали урожай на рынке, хватило на эту поездку в Москву. На зиму денег уже не остается, но хотя бы картошки хватит. Картофель выращиваем, овощи. Капуста, морковь, лук, помидоры в теплицах. Кабачки. Зелень. Жаль, яблони пришлось спилить — на них большой налог, а в подвал их, как куриц, не спрячешь. Хорошие яблони были, еще немецкие...

— Так вы куриц держите? — с интересом спросила Светлана. — Как раз то, что нужно. Обменяемся координатами? У тебя есть телефон?

— К нам не провели, — сказала Катя. — Могу тебе из Большаково позвонить. Или давай я запишу адрес.

— Если будешь в городе, заходи ко мне за одеждой, — сказала Светлана. — Я надеюсь закупить хорошую партию в Москве.

— Если будут деньги, зайду, а то мы в этом году из одежды покупали только носки. Ну, и еще сыну резиновые сапоги. Кстати, — понизила голос Катя, — мы к Новому году свинок откармливаем. Хочешь мяса?

— Хочу. А вы без лицензии выращиваете? — так же негромко спросила Светлана. Катя кивнула. — А не боитесь, что заберут?

— Если захотят, то и так заберут, — еще тише сказала Катя. Я едва мог расслышать ее слова. — В том году мы честно купили лицензию. Осенью пришел инспектор из ветеринарного надзора, сказал, что кабанчик выглядит подозрительно, и унес. Взамен прислали акт об изъятии кабанчика, потому что у него обнаружили ящур. И даже деньги за лицензию не вернули.

— Это прямо как у нас в магазине, — сказала Светлана. — Приходят пожарники... Ну, вы знаете, есть пожарные, которые дома тушат, а есть пожарники. Раз в месяц они приходят к тебе и говорят, что у тебя неправильно висит огнетушитель. Без пяти тысяч в карман не уйдут. Вслед за ними приходит санитарный надзор и говорит, что в углу только что пробежал таракан...

— У нас так сельхознадзор приходит, — сказала Катя. — Он со свекром в школе вместе учился. Вот мы с ним и договорились, что в декабре дадим ему окорок, а он нас прикроет с нелегальными свиньями.

— Вы пшеницу не выращиваете? Я уже сто лет нормальной выпечки не делала.

— Нет, — негромко сказала Катя. — У нас сосед в том году брал лицензию на выращивание пшеницы. Сдал по закону две трети в Агропром, по госзакупочной цене, ну вот за эти деньги он даже топливо для мотоблока не окупил. В этом году он рискнул, вырастил без лицензии. Как только собрал урожай, за ним пришли. Сказали, что зерно-сырец — стратегический ресурс. Сейчас судить хотят... Скорее бы Гудогай. Курить хочется, а от этих разговоров — и есть. Я слышала, ты без багажа едешь. Хочешь закусить?

На столике появилась немного потертая коробочка из прозрачной пластмассы. Доставшуюся мне куриную голень я обглодал в мгновение ока. Это действительно было настоящее мясо, пусть даже и холодное, но не ставшее от этого менее вкусным. Желудок радостно заурчал, принимая еду, и я тут же подбодрил его кусочками вареного картофеля, присыпанного солью. Тем временем на столе появились огурцы и помидоры.

— Слушай, — сказала Катя. — В Москве деньги платят.

— Раз уж тебя позвали, — заботливо сказала Светлана, — хватайся там за любую возможность. Может, в люди выберешься, станешь москвичом. Будь я гражданкой Москвы, мне бы до пенсии оставалось всего три года!

— У меня знакомая в сорок втором вышла замуж за какого-то москвича и получила их паспорт. Ее муж работал в службе по надзору за нравственностью и семейными ценностями. Устроил ее к себе начальницей подросткового отдела. Она сидела в кабинете и раз в неделю подавала наверх отчеты о длине юбок московских старшеклассниц в каком-то Дегунино. Получала шестьдесят тысяч. Мне тогда на водочном заводе восемь платили, — добавила Катя.

— А что, других вариантов вообще нет? — поинтересовался я.

— Вот посмотри на меня. Всей семьей с мужем, сыном и невесткой держимся за магазин, потому что больше ничего нет. Треть денег уходит на налоги, треть на взятки, чтобы не закрыли пожарники или санитары, на остаток — живем... — с грустью призналась Светлана.

— У вас в Калининграде хоть какая-то работа есть, — возразила ей Катя. — А у нас в Черняховске один мясокомбинат остался. Стоишь до одури у конвейера с утра и до вечера, надеясь, что не оштрафуют. Ног потом не чувствуешь. Я так пять лет проработала. Выпускали мы там колбасу «Кайзеровская», по оригинальному немецкому рецепту 1918 года. Половина гороховой муки, четверть сала, четверть мясного сока. Так ее закупали даже из России, говорили, что это единственная колбаса, от которой едока не рвет.

— Я понял, — сказал я. — В общем, буду цепляться в Москве.

— Обязательно, — сказала Катя. — Вот у меня дочь имеет диплом психолога, и что дальше? Работы нет никакой. Она постоянно плачет и говорит, что не хочет всю жизнь провести в огороде, а мне даже сказать ей нечего!

— Вы еще вовремя закончили, — сказала Светлана. — У меня внучка в следующем году должна в школу пойти, а тут ввели правило, что нужно обязательно купить сертифицированную форму за пятьдесят тысяч. Ладно, бирки-то я могу перешить, это не проблема, но вот где взять сертификат? А ведь без него в школу не пустят! И ладно бы еще там учили! Сейчас везде одно и то же, из бесплатного остались только основы религиозной культуры, нравственность, патриотическое воспитание, физкультура и сельхозподготовка... Наша школа дорога и бесполезна. Зачем она вообще нужна?

Ее перебил гневным покашливанием интеллигент с боковушки.

— Что значит «зачем нужна школа»? В наши дни, когда Россия вынуждена противостать всему миру, патриотическое воспитание — единственное, что может оградить наших детей от разлагающего дыхания Запада. Может быть, вы хотите, чтобы вернулись дикие времена вашей молодости?

Мы втроем в гробовом молчании слушали его. Катя было приготовилась что-то сказать, но Светлана остановила ее легким прикосновением.

— Не надо, — тихо шепнула она. — Мы в поезде... Молчи...

— Поэтому, — продолжил неслышным тоном сосед с рыжими усами, — можно только порадоваться тому, что наша страна приняла меры самозащиты. Школа защищает наших детей, молодых и уязвимых, обучая их тому, что жизненно необходимо, даже если для этого приходится немного сократить обычные предметы. Патриотизм важнее знаний. Нам нужно знание того, что Россия сейчас противостоят всему миру в необъявленной войне. Вы не видите дальше своих узких интересов. Вы готовы предать родину за кусок хлеба, но взамен получить европейские псевдоценности. Даже сейчас в стране слишком много либерализма. Я двадцать лет веду во Дворце молодежи уроки патриотизма и любви к родине, защищая наших детей и наше будущее от таких национал-предателей, как вы. Я учу детей играть на балалайках и плясать вприсядку, чтобы они хранили свой культурный код.

В проходе вагона послышались быстрые шаги. Я заметил, как лицо Кати каменеет, и обернулся.

— Лейтенант полиции на транспорте П., — представился суровый парень в серой форме. Он был среднего телосложения и чуть моложе меня. На стриженной голове плотно сидело кепи. — Вы тут политикой занимаетесь?

Я притворился умыльщиком. Во времена моего детства в одной из компьютерных игр можно было поместить своего персонажа на одной клеточке с обычной сантехнической раковиной, после чего он становился невидимым для противника. К счастью, Катя взяла удар на себя.

— Нет, — злым тоном сказала она. — Мы вообще молчим.

— Они вели разговоры, — упрямо сказал сосед с рыжими усами, — о том, что сейчас плохо.

— Значит, о том, что сейчас плохо, — повторил лейтенант и посмотрел на Светлану с Катей. — Есть такая статья, называется «Несанкционированный митинг». До семи лет, но вы находитесь в общественном месте, что является отягчающим обстоятельством. Меру наказания определит суд, а вот я могу прямо сейчас поставить каждой из вас в паспорт штамп о неблагонадежности. По прибытии на ближайшую станцию вы будете помещены в Единый федеральный список неблагонадежных граждан, что приведет к значительному ограничению ваших гражданских прав и свобод...

— Никакого митинга не было, — торопливо сказала Светлана. — Мы говорили о том, куда пойти учиться детям. Сравнивали школы, и все.

— Значит, не было, — протянул полицейский. — Не было, да? Давайте тогда проведем выборочную проверку документов в целях соблюдения транспортной безопасности.

Катя и Светлана с мрачными лицами потянулись за сумками, извлекая паспорта и сложенные листы каких-то официальных бумаг. В этот момент раздался голос из вагонного динамика.

— Уважаемые пассажиры! — сообщил голос. — Говорит начальник поезда Калининград—Москва. Сообщаю вам, что мы благополучно покинули территорию Литвы и в настоящий момент пересекли границу Минской Государственной Республики. Благодарю вас за гражданское мужество, проявленное в процессе транзита территории враждебного государства!

— Так, Светлана Валерьевна, федеральный общегражданский номер 39-00-282-451... — неторопливо произнес полицейский. — Разрешение на временный выезд с места проживания, справка о благонадежности, ознакомление с правилами передвижения, свидетельство об инструктаже... Оплата пошлин за пользование казенными пу-

тями железнодорожного сообщения... Почему у вас в акте о благословении поездки чек из церковной кассы прикреплен скрепкой вместо требуемой неразъемной скобы? Почему неразборчивая подпись на разрешении о въезде в Москву? Почему штамп поставлен вверх ногами? Это — небрежное оформление документов на право передвижения поездом дальнего следования. Штраф две тысячи.

Светлана плотно сжала губы, но ничего не сказала.

— Теперь ваша очередь, Екатерина... Кестутисовна... ну у вас и отчество... федеральный номер 39-19-265-410... Почему флюорография пройдена не по месту жительства? Это означает, что вы едете поездом дальнего следования с недействительной медкомиссией. Своей безответственностью вы подвергаете опасности здоровье остальных пассажиров. Штраф пять тысяч.

Вагон безмолвствовал.

— Так, а твои документы? — спросил полицейский, поворачиваясь к соседу с рыжими усами. Тот, недовольно фыркнув, протянул бумаги, вложенные в бордовую книжечку паспорта. Я обратил внимание, что там, помимо государственного герба, располагается еще и изящный силуэт Петропавловского собора.

— Антон Георгиевич, номер 78-10-175-121... — равнодушно произнес полицейский, разглядывая паспорт.

— Я как раз выступал с полной поддержкой государственной политики в сфере образования! — торопливо заявил наш сосед.

— Слишком громко ты выступал, — строго возразил ему полицейский. — В правилах следования написано: пассажир не имеет права обсуждать вопросы политического характера, а тебя слышал весь вагон. Штраф двадцать тысяч за нарушение правил.

— Но ведь я же всецело поддерживал государственную политику! Я не из пятой колонны! Какой штраф? Какой пикет? Это невозможно! Я требую немедленно вызвать петербургского консула!

— Замолчи, — резко и негромко сказал он рыжеусому. — Иначе ты договоришься до того, что за тобой сейчас придут откуда надо.

Рыжеусый дважды дернул усами, словно пытаясь что-то прожевать.

Полицейский шагнул ко мне и пристально посмотрел мне в глаза.

— А ты что сидишь? Документы показывай.

Вздыхнув, я полез в сумку за загранпаспортом. Я уже доставал его, как вдруг в нашем плацкартном купе появился человек, одетый в синюю парадную форму железнодорожника. На его лице были напускная озабоченность и деловитость.

— Здравствуйте, — сказал он мне, вставая на место лейтенанта, который чуть отступил назад. — Я — Петр Константинович, начальник поезда. Вячеслав Павлович просил оказывать вам содействие. Я уже было приходил, но вы спали...

Мне показалось, что даже колеса стали стучать чуть тише. Глядя на лейтенанта, я подумал, что теперь наступила его очередь притворяться умывальником.

— К сожалению, — продолжил начальник поезда, — все купе в штабном вагоне уже заняты, и нет никакой возможности вас разместить там. Как у вас, все благополучно? Что-либо требуется?

— В принципе все нормально, — сказал я. — Только вот документы проверяют. Тут возникло недоразумение, будто мы политикой занимаемся. Это совершенно не так...

— Выборочная проверка безопасности, — сказал начальник поезда, решительно рубанув воздух ладонью. — Я думаю, что здесь все в полном порядке, не так ли, лейтенант? Если вам что-то потребуется, обращайтесь сразу ко мне. Лейтенант, пойдёмте.

Люди в форме удалились, оставив весь плацкартный вагон в гробовом молчании.

Молодечно

Сохнут волосы, метет метла,
В кобуре мороза пистолет тепла.
У дешевой пищи запоздалый вкус,
Я забыл вмешаться и спросить «зачем?».

Группа «Гражданская оборона». Тошнота

Октябрьские сумерки готовились уступить место ноябрьской ночи. Все облака остались позади, над Калининградом. Абсолютно безоблачное небо превратилось в один большой цветной переход от персиковых красок западной зари до насыщенно-синего востока, где уже светились звезды.

Я спустился вслед за Катериной на перрон, вымощенный декоративными плитками, и огляделся. Вслед за мной вышла Светлана.

— Я не знаю, кто ты, — сказала Катя, глядя прямо на меня, — но большое тебе спасибо.

— Не за что, — сказал я. — Если честно, я сам не знаю, кто я, но давайте пойдем куда-нибудь подальше отсюда.

Мы пошли по перрону. На здании станции размещался большой, шесть на три метра, плакат с бело-зелено-красным флагом. Зеленый цвет был приятного теплого оттенка ростков молодого бамбука. Надпись золотого цвета гласила:

«ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В МИНСКУЮ ГОСУДАРСТВЕННУЮ РЕСПУБЛИКУ!»

Сбоку от станции был разбит небольшой декоративный сквер с елями. Перед круглой клумбой стоял гранитный валун с прикрепленной табличкой. За ним возвышались два флагштока. Мы остановились под двумя повисшими в безветрии флагами. Один из них был отечественным триколором, второй — бело-зелено-красным. При свете фонаря стала видна надпись на табличке:

Здесь, в районе Островца и Гудогая,
18 апреля 2031 года
Были соединены 1-й и 2-й Минские участки
Великой пограничной защитной линии «Засаека»

Я вернулся к клумбе, и ель закрыла от меня бронированный локомотив.

— Такое ощущение, — помедлив, сказал я, — что мы ехали в стольпинском вагоне.

— Так это и есть стольпинский вагон, — сказала она. — Ты думаешь, эти ставни закрывают, чтобы защитить нас от литовцев? Нет, они нужны, чтобы никто не сбежал по пути. Это уже лет тридцать, с тех пор, когда закрыли границы. Люди, которые хотели уехать, начали сбежать во время поездок. Разбивали окна, вылезали на крыши и прыгали, когда состав проезжал над реками или возле озер... В пятьдесят пятом году какой-то москвич хотел сбежать, взорвав порохом окно в туалете вагона. Ставню заклинило, и он не пролез. Ему дали пятнадцать лет за терроризм. Громкое было дело. Из-за этого сменили руководителя нашей железной дороги, прислали нового из Москвы. У меня ведь муж пятнадцать лет инженером-путейцем работал. Вызвал его один такой молодой да амбициозный начальник в кабинет и сказал: вот так и так, мы тут усиливаем безопасность дорожного следования, а у тебя жена иностранка по деду. Или разводишься, или пиши заявление по собственному желанию. Ну, развелся фиктивно.

А его потом все равно через месяц уволили, мол, был женат на иностранке по деду. Мне тогда на мясокомбинате третий раз подряд зарплату недоплатили. Сначала два месяца штрафовали за невыполнение плана, а на третий раз, когда я его все-таки выполнила, сказали: «Что-то много ты заработала» — и снова оштрафовали за неформенную одежду. Вот и я ушла с работы.

Громкоговорители сообщили, что скорый поезд Калининград—Москва отправится через десять минут. Медленно и нехотя мы отправились назад, к вагону. Только сейчас я увидел, что в дальнем конце станции возвышается смотровая вышка. На фоне закатного неба вырисовывался силуэт человека с биноклем. Хорошо, что не с оружием, подумал я.

Вагон встретил нас теплым, но слегка душным воздухом. За нашим окном, в метре от поезда, виднелся зеленый бок товарного вагона. Грузовой состав стоял на соседнем пути. Белые трафаретные буквы извещали, что внутри находятся шестьдесят тонн зерна. Чуть ниже располагался стилизованный под колос логотип «АГРОПРОМ». Дальше снова шли трафаретные буквы, сообщающие, что зерно является национальным достоянием России и попытка кражи будет строго... Из окна последнюю строку не удавалось разглядеть, и я так и не узнал, что же произойдет после попытки кражи.

Вагон с зерном за окном медленно поплыл назад. Проревел гудок локомотива, и поезд начал набирать ход. Мелькнул какой-то переезд, где за шлагбаумом одиноко стоял грузовик. Вагон слегка качало. За окнами сразу начался лес.

— Что-то все равно есть хочется, — сказал я. — Пожалуй, я засочу в вагон-ресторан.

— Там же дорого! — сказала Светлана.

— Я посмотрю что-нибудь самое дешевое, а то мне совесть не позволяет питаться вашими припасами, — сказал я, поднимаясь с полки.

Мне захотелось пересчитать деньги. Сделать это в банке я не успел, а пересчитать в плацкарте двести тысяч было бы слишком авантюрной идеей. Ватерклозет был свободен. Я перешагнул через порог и, захлопнув за собой дверь, повернул никелированную защелку. Открыл сумку и наконец-то приступил к пересчету денег. Банкир любезно снабдил меня купюрами разных достоинств. За сорок лет казначейские билеты несколько изменились, обретя странную яркость красок. Пятисотрублевую банкноту украшал крупный портрет Петра Великого в кричащих кислотно-фиолетовых цветах. Прохладно-зеленый цвет тысячерублевой стал ядовито-броским. Ярослав Мудрый казался заточенным в малахитовой шкатулке. Новую купюру номиналом в две тысячи я рассмотрел повнимательнее. На ней в малиново-бордовых тонах был изображен Минск. Я покрутил в руках пачку доселе незнакомых банкнот и пролистал их. Пятитысячная купюра почти не изменилась, разве что приобрела морковный цвет. Добавив несколько абрикосовых сторублевок сдачи с чая и овсяного печенья, я подвел баланс. Сто девяносто тысяч восемьсот сорок рублей. Банкир не обманул меня. С металлических червонцев в обе стороны зорко смотрел двуглавый медведь.

Я положил несколько купюр в пустующий после ночных прогулок кошелек и убрал остальные деньги в сумку к загранпаспорту. Прикоснувшись к нему, я внезапно вспомнил, что обе мои соседки упоминали про московские визы. Надо было посмотреть, есть ли что-то подобное у меня. Сейчас я был гораздо внимательнее и сразу же заметил небольшую графу «Личный номер», набранную мелким шрифтом между строками «Тип» и «Фамилия». В ней стоял прочерк; возможно, поэтому она и не бросалась в глаза. Итак, я был человеком без номера.

На одной из страниц был вклеен визовый бланк совершенно неизвестного мне образца. Единственными знакомыми мне элементами являлись отечественный триколор и уже ставший привычным двуглавый медведь. Я пробежал глазами по тексту.

РАЗРЕШЕНИЕ НА ВЫЕЗД
С ТЕРРИТОРИИ ПОГРАНИЧНОГО СОЮЗА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И
МИНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕСПУБЛИКИ

Бланк был заверен чьей-то похожей на спираль подписью и большим круглым штампом красного цвета, на котором, что меня удивило, был изображен двуглавый орел. На этом оттиске не было ни единой буквы. Что ж, московской визы у меня не было, но обнаруженный вместо нее бланк вселял оптимизм. У меня имелся документ, позволяющий выехать из страны.

Вагон-ресторан был почти пуст. За одним из столиков сидели двое мужчин затрапезного вида. На одном была полосатая тельняшка. Второй был одет в футболку с надписью «30 лет гостгвардии». Мужчины пили пиво.

— До чего страну довели, — жаловался человек в футболке. — Вышел на пенсию по выслуге лет, думал, заживу нормально. В том году говорят: денег нет, убираем надбавку за разгон уральских митингов. В этом году убрали надбавку за безупречность службы. Прихожу на вокзал, бесплатные билеты тоже отменили! А в следующем году, говорят, начнут брать коммуналку!

Я взял с буфетной стойки меню в обложке терракотового цвета. Неразборчиво бубнил черно-белый телевизор, подвешенный под потолком. Экран был скрыт помехами: вместо изображения шел давно забытый «снег».

В этот час вагон-ресторан предлагал из первых блюд вегетарианские щи, окрошку, рассольник и дорогой фирменный суп из семи круп. Выбор вторых блюд отличался однообразием: котлеты со вкусом свинины, биточки со вкусом говядины, морковные шницеля, шницеля со вкусом баранины, голубцы со вкусом курицы и в завершение вегетарианский лангет. Вспоминая то, что рассказывали мне попутчицы, я мог вполне ожидать, что под видом этого котлетного разнообразия будут скрываться совершенно одинаковые по форме и содержанию мясосодержащие изделия из жирорастворительной смеси, различающиеся только ароматизаторами, идентичными натуральным.

По сравнению с этими странными блюдами гарниры выглядели вполне безобидно. Пшенная каша за двести пятьдесят, овсяная, гречневая и рис за триста, картофельное пюре за триста пятьдесят, макароны за четыреста.

— Овсянку, пожалуйста, — сказал я буфетчице, подсчитывая, что десять порций каши по цене билета до Москвы — все же дороговато. Надо слегка умерить аппетиты, иначе в столице мне будет просто не на что питаться. — И чай.

С меня взяли еще сто рублей в качестве пошлины за реализацию продуктов питания в железнодорожном транспорте и пятьдесят рублей сбора за предстоящее использование поездного ватерклозета. Мысленно ругая налогово-фискальную систему будущего, я отсчитал деньги и сел за ближайший столик.

Овсяная каша отчетливо отдавала маргарином и затхлостью, но в целом была съедобна. Чай был безвкусен, но пакетик хотя бы не разползся в воде.

— ...Как мы можем объяснить это шокирующее происшествие? Только тем, что хваленые демократии Запада даже не пытаются скрывать свою русофобскую политику, — сказал телевизор. Качество приема улучшилось до такой степени, что можно было что-то разобрать. Я посмотрел на экран повнимательней.

— ...Недавние выборы в Германии — событие той же серии. Используя административный ресурс, используя вбросы бюллетеней и подделку протоколов, немецкий канцлер фактически переизбрал себя, — мягко говорил с экрана телеведущий, делая загадочные пассы руками. Черно-белое телевидение делало его похожим на вурда-

лака из немецких немых фильмов ужасов времен Веймарской республики. Позади него светилась надпись «Актуальные проблемы геополитики». Очевидно, так называлась телепередача.

— Да вообще, в натуре, беспредел, — развязным тоном сказал второй телеведущий, почесывая шею. На его пальцах были отчетливо видны вытатуированные перстни. — Вот скажи мне, что, они не могут сделать, как у нас? Приходишь на выборы, говоришь «здрасьте» избирательной комиссии, нажимаешь при всех на компьютере кнопку с твоим кандидатом, и готово. Никто ничего не вбросит и не впишет. Комар носа не подточит.

— Очевидно, что они боятся свободного волеизъявления немецкого народа, — продолжал вурдалак, сделав мягкое движение рукой. — Казалось бы, при чем здесь Украина? Как нам стало известно, этим летом канцлер Германии посетил Киев якобы с дружеским визитом. Совпадение ли это? Очевидно, что это было нужно для того, чтобы заимствовать схемы мошенничества с выборами...

— Нам стало известно, что Франция поздравила немецкого канцлера с победой на выборах, — сообщил вурдалак. — Напомню телезрителям, что король Франции Людовик Четырнадцатый, хваленый король-солнце, мылся всего четыре раза за свою жизнь. И эти люди еще недовольны внешней политикой России! Совпадение ли это?

— Нет, ну они в Европе чисто с рельс съехали, — сказал татуированный ведущий. — Как-то они осмелели. Надо им год наше зерно не продавать, посмотрим, как они заговорят, когда им будет нечего есть. Вот скажи мне, что они будут делать, если мы прекратим им продавать наш хлеб?

— А я напомню, что Россия продолжает экспортировать зерно в Европу только из соображений гуманизма, — сказал вурдалак. — Кто позаботится о несчастных европейских гражданах, когда их собственные правительства превратились в филиалы Госдепа? Никто, кроме нас и нашего августейшего президента.

— Так это... — перебил его татуированный ведущий, понюхав свои пальцы. — Сейчас же октябрь.

— Неважно, — мягко, но уверенно сказал вурдалак. — Октябрь сейчас или ноябрь, наш президент все равно августейший.

К буфетной стойке чуть шатающейся походкой подошел парень лет двадцати пяти. Он был одет в удивительную одежду. Светло-зеленая плотная рубашка с двумя погонами неизвестного мне образца украшалась богатейшей расшивкой с растительными узорами. Наверное, именно так выглядел бы золотой фонтан дружбы народов на ВДНХ, оживи он и превратись в человека. На рубашке повсюду виднелись вышитые желтыми нитками пухлые снопы пшеницы, увитые лентами. Рукава оплели узоры из ржи. На груди незнакомца сверкали четыре медали с абстрактными рисунками злаков; чуть выше, в районе левой ключицы, располагался детально вышитый силуэт комбайна. Казалось, что по вагону-ресторану прошел верховный жрец бога плодородия.

— Дайте гречку, — проникновенно сказал он буфетчице, изучив меню.

Я взглянул на остатки каши в тарелке передо мной и вдруг подумал, что это своеобразная доблесть для семян овса — быть съеденными именно как настоящая овсяная каша. Сложись их судьба иначе, они могли бы стать искусственным хлебом, котлетой со вкусом говядины или даже начинкой для пирожка с ливером, чтобы бесславно исчезнуть в желудке под чужим именем и флагом.

А что будет со мною? Не исчезну ли я в этом будущем столь же бесславно и бесследно? На секунду я закрыл глаза, и перед моим внутренним взором промелькнула вся галерея событий сегодняшнего дня. Отчего-то остро и пронзительно захотелось выпить.

Парень в расшитой рубашке взял со стойки тарелку. Вагон встряхнуло, и он едва не выронил ее.

— Я тут сяду? — спросил он, подойдя ко мне. От него слегка пахло перегаром.

В вагоне была масса свободных мест. Я пожал плечами.

— Садись, — сказал я, уже почти доев кашу.

Вагон снова сильно качнуло, и парень сел на сиденье напротив меня. Он был в состоянии, которое называется «чуть больше, чем выпивший»; на его лице, словно на одном из фаюмских портретов, была печать какой-то неземной задумчивости.

— Спасибо, — сказал он, зачерпывая кашу ложкой. — Пожалуйста, не обращай внимания, дорогой незнакомец. Я выпил, но я еду со своего последнего дембеля и имею на это полное право.

— Имеешь, — подтвердил я, все еще не понимая, чего же нужно от меня жрецу изобилия. В мои времена, солдаты, возвращающиеся плацкартом с дембеля, редко предвещали хорошее соседство, но мой сосед по ресторану выглядел вполне безобидно, хотя и несколько измученно. Судя по всему, он употреблял горячительные напитки уже несколько дней.

— Ну и хорошо, — сказал он, — а то мои соседи по вагону почему-то смотрят на меня так, будто я хочу ночью обчистить их чемоданы.

Я пожал плечами, и положил ложку в опустевшую тарелку.

— Олег, гвардии комбайнер первого ранга, — сказал парень. — Кормилец родины.

Я представился в ответ. Мы пожали друг другу руки над столом.

— Служил? — задал мне сакраментальный вопрос гвардии комбайнер.

— Нет, — так же сакраментально ответил я. Судя по всему, за сорок лет служба тоже немало изменилась, и я решил не рисковать.

— Ну и зря, — сказал он. — Москвич, что ли? Кто же будет кормить родину, если никто не будет служить?

— Домой едешь? — спросил я, аккуратно меняя тему.

— Да, в Малоярославец. А ты откуда и куда?

— Из Калининграда в Москву, — сказал я. — Позвали проводить историческую консультацию.

— Ого, — сказал после паузы Олег, крутя ложку. — Seriously. А я вот должен был месяц назад ехать. Меня задержали в части, вручали вот эту медаль, — он указал на грудь. — Отличник труда, первая степень. Все с моего призыва уже вернулись, а я еще в пути. Дембельские места пусты, и я возвращаюсь домой один. Скучно до жути. Предложил тут одному в вагоне рюмашку, он на меня так посмотрел, словно я его отравить хочу. Больно мне это нужно. А мне поговорить не с кем... Хочешь выпить?

Я пожал плечами. С одной стороны, мне не хотелось рисковать, выпивая в поезде с незнакомым собеседником. На ум приходили всевозможные истории из жизни, заканчивавшиеся тем, что незадачливый пассажир просыпался с дикой головной болью и пустым бумажником. С другой стороны, выглядел зерновой дембель весьма безобидно.

— Только немного, — сказал я, решившись. — А то завтра у меня дела.

Я не знал, чем встретит меня Москва, поэтому рассудил, что следует сохранить трезвость ума.

Мы покинули вагон-ресторан. Мой новый знакомый ехал в одиночестве в крайнем плацкартном купе. К счастью, родина еще не дошла до того, чтобы выдать своему кормильцу боковые места. Там сидела немолодая супружеская пара; женщина с волосами, собранными в тугий пучок, крайне неодобрительно посмотрела на нас. Я подумал, что человек, путешествующий на боковых местах у туалета, вряд ли сможет

положительно смотреть не только на более удачно сидящих соседей, но и на жизнь в целом.

Олег поставил на стол две граненые рюмки, вытащил из большой спортивной сумки полуторалитровую бутылку, обернутую в газету «Сельский труд».

— Лучший дембельский самогон! — гордо сказал гвардии комбайнер, разливая напиток по рюмкам. — Ты такого в магазине нигде и никогда не купишь. Давай, за знакомство!

Самогон был чистым и внешне вполне пристойным. Я осторожно понюхал его. Запах был резкий. Вздыхнув, я осушил рюмку. Самогон был резок, словно удар резиновой дубинкой по спине.

Олег положил на стол большой сверток из фольги, где лежал печеный картофель.

— Бери, — мой собеседник схватил пальцами половинку клубня и отправил себе в рот. Я последовал его примеру. От его пресного вкуса мне отчего-то остро захотелось селедки пряного посола. Рюмка самогона разбила спрессованные этим днем мысли, как бильярдный шар — пирамиду, и я откинулся на переборку, не обращая внимания на косо глядящих соседей.

Мой сосед пустился в рассказы. Видимо, он прошел дальше по лестнице потребностей, оказавшись на ступени, где требовался внимательный собеседник. Я же являл собой эталон внимательного слушателя, о котором любой оратор может только мечтать.

Из слов и обрывочных рассказов Олега я узнал, как сильно изменилась армия за сорок лет. Отныне почетной обязанностью каждого совершеннолетнего мужчины была служба в Трудовой армии России. За это время призывник, получая гордое звание кормильца родины, отдавал священный долг на севе и уборке всевозможных сельскохозяйственных культур. Самыми элитными частями, гвардией, считались подразделения по выращиванию пшеницы. Чуть ниже них в незримой табели о рангах шли рожь и овес.

— ...Ну а гречка, рис, горох и фасоль, — перечислял гвардии комбайнер, — это так, пересортица. Это вообще не кормильцы родины, а черт знает кто.

Больше всего моему собеседнику не нравилась соя.

— Сосиски купишь — там соя. Колбасу купишь — соя. Тушенку купишь — там соя! Молоко купишь — там тоже соя!

По этим причинам солдат, выращивающих сою, не особо жаловали и относились к ним крайне пренебрежительно. Куда больше везло призывникам, попавшим в картофельные подразделения.

— Потому что из картофеля можно делать все, — пояснял Олег, наливая себе полную рюмку.

— Всегда, когда ты ехал домой с призыва, можно было брать с собой колосок или клубень. Ты его вырастил, ты страну накормил, ты имеешь право взять с собой дембельский колос! Нет, вышел категорический запрет: мол, расхищение зерна-сырца. Запретили.

Двухлетняя служба делилась на двенадцать призывов, длящихся два месяца.

— На самые сложные дни, — говорил мой собеседник, покачиваясь в такт вагону. — Весенний призыв, когда сеют, осенний призыв, когда убирают. А летом или зимой дома сидишь...

Место службы могло различаться от призыва к призыву.

— Так куда направят. Я начинал служить на Кубани, рис выращивал. Потом меня направили под Белгород, там я на комбайнера и выучился. В прошлом году служил я в Лисках, под Воронежем. Там не урожай был, а просто сказка. Черноземье, эх! Там полуось воткни в землю, к осени трактор появится. А у вас в Калининграде так себе. Лета у вас нет!

— Ходили слухи, — продолжал Олег, — что со следующего года будут баб призывать доярками, да только этим байкам уже лет пять. В мой первый призыв тоже так говорили...

Поезд начал сбавлять ход. Снаружи во тьме горели огни домов. Пронзительно звенел сигнал на каком-то шлагбауме. Похоже, приближалась следующая остановка. За окном медленно появилось и так же медленно исчезло здание станции. Поезд остановился. Мы прибыли в Молодечно. Меня аккуратно откинуло к перегордке.

— Чем после дембеля будешь заниматься? — спросил я.

— Чем получится, — ответил Олег. За окном в свете фонарей мелькнула фуражка. Что-то произнесли станционные громкоговорители. — С работой хреново. Я как-то в Москву пытался устроиться, но меня завернули, мол, рабочей визы нет. А грузчиком я и у себя дома могу пошабашить. Вот все это лето фуры разгружал... А мне ведь после школы дали диплом агронома. Как в воду глядели. Я бы хотел ухаживать за пшеницей, растить ее... Она же живая, как мы! У меня дома на балконе целый огород! Следующей весной пойду в военкомат, попробую пробиться, чтобы на сверхсрочную взяли. Контрактникам, говорят, тридцатку платят. Но чтобы взяли, нужно военкому на лапу дать тысяч двести. Я после пятого призыва, когда мне вот эту медаль вручили, хотел поступать в Воронежский сельхозунивер, чтобы потом получить звание бригадира. Ну, мне там дали, но только коленом под зад. Мол, ты из «остальной России», значит, льгот тебе не положено, а медалистов у нас хватает, очередь от самого вокзала стоит. Хочешь учиться — пожалуйста, но триста тысяч в год. Первое высшее у тебя уже есть после школы, а за второе надо платить. Ну, я им прямо на крыльцо плюнул и уехал домой.

Вздыхнув, гвардии комбайнер продолжил:

— Я тебе вообще скажу, из моих одноклассников нормально устроился только Санек. Мы с ним с детсада дружны были. Он в технике хорошо разобрался. Его отец продал квартиру и на эти деньги пристроил Санька в Москву, в техникум при телевизионном заводе. Отучился три года, взяли работать на этот же завод. Производство, приравненное к оборонному. Выдали паспорт москвича. Зарплата такая, что он ее даже не называет. В том году он купил родителям квартиру обратно. Вот мы с ним друзья не разлей вода были, но я тебе так скажу: где справедливость? Почему сборщик телевизоров живет лучше, чем кормилец родины? Вот почему так?

Я не успел ответить. Справа появилась уже знакомая фигура. Это был лейтенант полиции, который чуть было не проверил у меня документы. Дойдя до нас, он остановился, смерил нас взглядом и, подумав, ушел. За все это время он не проронил ни слова. Соседи с боковушки проводили полицейского удивленным взглядом.

Мы переглянулись с Олегом.

— Я знаю, для чего он приходил, — сказал гвардии комбайнер. — Проверить, не везу ли я с собой мешок зерна, прихваченного со службы. Меня так каждый раз проверяют, словно я не кормилец родины, а колорадский жук. Этого дармоеда в португее да отправить бы на уборку свеклы...

Мы снова сдвинули рюмки. Лампы освещения моргнули и спустя секунду переключились в вечерний режим. Вагон погрузился в полумрак. Было поздно. Я огляделся. Соседи уже легли спать.

— Мне пора идти, — сказал я. — Надо выспаться перед Москвой.

— Зря ты так быстро уходишь, — не сразу ответил Олег. Он был уже сильно пьян и тих. — Ну что, рад был познакомиться.

— Удачной дороги домой, — пожелал я. — И удачи со сверхсрочной.

Мы пожали руки на прощание, и я поднялся с места. Меня слегка пошатнуло. По моим ощущениям, сейчас поезд качало гораздо сильнее; мне пришлось два раза схва-

титься за поручни и один раз наступить на чей-то ботинок, одиноко стоящий в проходе. В вагоне, по которому я шел, почти все спали. Проводница хлопотала по хозяйству в своем купе. Мне пришла в голову идея.

— Скажите, а газеты у вас есть? — поинтересовался я не совсем твердым голосом.

— Есть, — сказала она, доставая лоток с товаром. — Вам какие? Сканворды, анекдоты?

— А газеты есть? Новости, статьи?

— Да, вот выбирайте.

Не глядя, я взял предложенные мне две газеты и журнал, расплатившись абрикосовой сторублевой банкнотой.

— Сдачи не надо, — отказался я от червонца. Миновав грохочущие тамбуры, в которых уже никого не было, я оказался в своем вагоне. Там тоже было темно. Лампы плацкарта светили в треть мощности.

Я начал с газеты, посвященной новостям России. Центральное место занимала политика.

«Августейший президент Российской Федерации заявил о необходимости увеличения уровня благосостояния граждан», — прочел я на первой странице. Бегло прочтя вступительные строки, я узнал, что сегодня в Кремле прошло важное совещание.

«Августейший президент России заявил, — читал я газетную nonпарель, — что граждане России больше не должны жить в стесненных экономических условиях. Присутствующий на заседании министр экономики доложил господину президенту, что уже к 2067 году совокупный доход среднестатистической российской семьи вырастет вдвое. В свою очередь министр финансов сообщил, что, по его сведениям, достижение удвоения дохода среднестатистической семьи планируется уже к 2061 году»

Какие заботливые министры, подумал я, внимательно присматриваясь к фотографии президента. Я все еще никак не мог понять, видел ли я его раньше, в свое время, или нет? Не то «похож, но не он», не то «он, но не похож». Оставив эти попытки, я продолжил чтение.

Также господин президент высказался о необходимости улучшения снабжения регионов:

«Никто из граждан России не должен страдать от недостатка еды», — заявил он.

На это министр сельского хозяйства заявил, что подготовленная им программа обеспечения продуктами позволит снабдить каждого россиянина едой в полном соответствии с потребностями уже в следующем году.

Пожав плечами, я перевернул страницу. Новый разворот был целиком посвящен быту и достижениям президента. На днях лидер страны торжественно посетил строящийся Люберецкий дворец спорта, где лично залил десять кубометров бетона. За день до этого президент побывал на ипподроме, где принял участие в товарищеском забеге с жокеями и обскакал их всех. Ну, а буквально вчера он посетил Московский водоканал, где лично вывез целый автомобиль нечистот и стал почетным работником месяца. Вскоре после этого, будучи проездом в Мытищах, он посетил городское шашпито, где выступил с двухчасовой речью о величии России и ее особом пути. По окончании этой лекции нескольким счастливым было позволено задать по вопросу.

«Скажите, — спросила у президента маленькая девочка с розовыми бантами (так было написано в заметке), — а правда, что вы умеете ходить по воде?»

«Есть вещи, — скромно ответил августейший, — которые мир еще не готов узнать».

И все слушатели заплодировали, восхищаясь мудростью и скромностью президента страны.

Вообще, президент вел очень активную жизнь: помимо выполнения всего вышеописанного, за прошлую неделю он роздал чиновникам сорок два руководящих указания и пожелания. В пятницу он посетил Большой театр, где шла опера «Жизнь за

царя». По многочисленным просьбам президент вышел на сцену и исполнил арию Ивана Сусанина, после чего под бурные аплодисменты был растерзан польскими интервентами. Я было испугался за жизнь лидера страны, но тут же прочитал, что на следующий день президент, сидя на заседании какого-то совета, начал от скуки черкать ручкой на бумаге и получил еще одно доказательство теоремы Пифагора.

Следующая страница была посвящена политикам рангом поменьше. Министр здравоохранения уверенно обещал, что в следующем году Россия будет полностью обеспечена препаратами от всех недугов.

С громким заявлением выступило Министерство иностранных дел. Оно было всерьез озабочено положением русскоговорящих в Тимбукту. По сведениям зарубежной прессы, в Тимбукту никто не говорил на русском языке, что явственно свидетельствовало о русофобском влиянии Госдепа в этом регионе. Министр иностранных дел уже отправил в ООН ноту протеста. Мне понравилось, что эта заметка была полна искренней заботы о русских людях за рубежом.

С большой радостью газета сообщала, что Лондонский политехнический музей приобрел один экземпляр отечественной электронной вычислительной машины «Казбек». Разумеется, компетентные органы предприняли все меры, чтобы зарубежные инженеры не смогли бы скопировать наше ноу-хау: системный блок был залит цементом и опечатан.

Далее следовали армейские известия, которым отвели целый разворот. Журналист с гордостью сообщал, что в настоящий момент Россия располагает самыми большими бронетанковыми силами в мире: семьдесят тысяч боевых машин, не имеющих аналогов в мире, были готовы защитить родину от любого нападения.

В Севастополе продолжал строиться броненосец береговой обороны «Адмирал Небогатов», который планировалось в скором времени оснастить четырьмя двухсоттрехмиллиметровыми нарезными орудиями. В статье особо подчеркивалось, что Россия — единственная страна, которая будет иметь на вооружении броненосцы береговой обороны, да еще с самыми мощными корабельными орудиями в мире. В связи с этим удорожание строительства на семьдесят миллиардов сверх сметы должно вызывать только радость, свидетельствуя о единодушии граждан, при котором Россия готова потратить последний рубль для поддержания своей морской мощи и политического суверенитета.

Руководство Москвы сообщало, что программа тотального ремонта дорог началась успешно. В ходе амбициозной строительной программы, рассчитанной на пять лет и пятьсот миллиардов, планировалось вымостить абсолютно все улицы и тротуары Москвы идеально подогнанными плитами отборного белого мрамора. Мэр утверждал, что ни одна столица в мире не сможет похвастаться чем-то подобным. Кроме того, этот проект должен обеспечить невиданное развитие камнеобрабатывающей промышленности России.

Из Петербурга сообщали, что двадцатилетняя реконструкция Исаакиевского собора подходит к концу. К Рождеству храм будет полностью готов в своем новом, полностью православном облике. Я присмотрелся к фотографии собора. Без колонн и барельефов я узнал его не сразу. Сейчас Исаакий выглядел в стиле древнерусского белокаменного зодчества, напоминая храмы Великого Новгорода.

Вторая газета специализировалась на региональных событиях. Главной темой были состоявшиеся в прошлое воскресенье выборы сразу пятнадцати губернаторов. Во всех случаях победу одержали кандидаты, официально одобренные президентом.

Дальше в газете не наблюдалось ничего интересного. Я бегло пролистал ее. Сельское хозяйство процветало, урожай выдался на славу, и закрома родины полны доверху. По этому поводу на Тверской прошло праздничное факельное шествие. В Том-

ске изготовили рекордный по размеру пельмень с начинкой из сои. К памятнику Ивану Грозному в Александрове возлагали цветы, а в Троице-Сергиевой лавре замироточила еще одна икона. По этому случаю был организован пятидесятитысячный крестный ход. В Концертном зале имени Чайковского с большим успехом прошел фестиваль русского шансона «Шалман-2057». Воронежский завод «Синтезкаучук» радостно рапортовал о выпуске юбилейной десятилетия цистерны питьевого спирта. Рубрика «Жизнь становится лучше» сообщала, что в Иркутске открыли новую автобусную остановку, в Мурманске закончили ремонт главной городской бани, в Пензе — заасфальтировали обещанную в 2044-м дорогу, а в спальный район Череповца наконец-то провели канализацию и электричество.

Увы, в России все еще имелась преступность. В Красноярске завершился суд над гражданином, обвиняемым в оскорблении чувств верующих. Во время утренней литургии он перекрестился не справа налево, а слева направо. За это кощунство преступник получил полгода заключения. Куда меньше повезло пожилому челябинскому учителю географии, у которого нашли старую, еще с Крымом, карту Украины, напечатанную в 1999 году.

«Призывы к нарушению территориальной целостности страны, выраженные в отрицании безусловной принадлежности Крыма России, — сказал судья, приговаривая учителя к пяти годам условно, — тяжкое преступление. Только из уважения к преклонному возрасту подсудимого я назначаю минимально допустимое наказание».

Открылись новые обстоятельства в деле известного московского пианиста С. Как напоминала газета, этим летом по обвинению в разжигании межнациональной розни был осужден московский пианист, игравший на фортепиано «Вставайте, люди русские» Сергея Прокофьева. Бдительный сосед услышал запрещенную музыку через стену и незамедлительно сообщил об экстремисте в полицию. Судья принял во внимание то, что музыкант исполнял мелодию без слов, поэтому назначил разжигателю всего год общего режима с конфискацией фортепиано, которое было публично раздавлено бульдозером. Казалось бы, самое страшное позади, но недавно при повторном профилактическом обыске было обнаружено, что пианист хранил у себя клавиры оперы Гуно «Фауст», в котором обнаружили ноты арии «Сатана там правит бал». Возобновленное дело было немедленно передано духовному следственному комитету. Речь шла уже не о такой повседневной статье, как оскорбление чувств верующих; за сатанизм вполне можно было получить пять лет в Соловецком трудовом монастыре особого режима.

Газета завершалась рубрикой хозяйственных советов. Здесь располагались рекомендации, как:

- приготовить обед из двух блюд для всей семьи, располагая лишь свинными костями, картофельной кожурой и одной луковицей (здесь же я узнал, что воду, оставшуюся после варки макарон или сосисок, нужно не выливать, а использовать для приготовления супов);
- починить с помощью клея «Момент», полиэтиленового пакета и канцелярских скрепок развалившиеся ботинки;
- сделав несколько выточек, перешить старую мужскую рубашку в женскую блузку (изношенная ткань мужских рубашек становится мягкой и позволяет подчеркнуть женственность);
- заделать трещину в оконном стекле при помощи канцелярского силикатного клея;
- собрать из консервных банок несложную жестяную печь для обогрева квартиры (отопительный сезон начался не везде, и этот совет был крайне актуальным);
- как затянуть судебную тяжбу с комитетом пожарной защиты и выиграть дело о пожарной безопасности жестяной печи по истечении срока эксплуатации (по

жарники регулярно инспектировали квартиры, и эта рекомендация была не менее полезна, чем предыдущая).

Рубрика заканчивалась весьма дельным советом о преимуществах покупки жидкого мыла вместо кускового: жидкое мыло можно смело разбавить три, а то и четыре раза, что давало значимую экономию.

Я закрыл газету со смешанным чувством и взял в руки журнал, броско сверстаный в кричащих тонах. На его обложке большими крупными буквами было обозначено «Геополитический обозреватель». Судя по заголовкам, журнал специализировался на зарубежных новостях, и здесь, в отличие от предыдущих газет, было что почитать.

Разворот сообщал, что в этом году Европу постиг неурожай. Пшеницу повредило заморозками, рожь побилло градом, виноград поразило грибок, рапс был уничтожен долгоносиком, а картошку пожрал крот. По этому случаю в Берлине, Варшаве, Лондоне и Париже прошли массовые митинги, которые были варварски разогнаны армией. Чтобы спасти население от голода, Агрпром России на особом совещании принял решение продолжить практику торговли со странами Запада. Президент России одобрил преисполненное гуманизмом решение.

В этом журнале было очень много заметок и сообщений о происшествиях и преступности. Где-то в Испании карманники ограбили норвежского туриста, и полиция арестовала их только спустя час. В Италии неизвестные хулиганы, которых так и не нашли, изрисовали баллончиками один из мостов Флоренции. В Голландии посетителя обсчитали в кофешопе, а в Англии сгорел стог сена. Каждое из этих событий расписывалось в газете настолько тщательно, словно от него зависела судьба мира. Так, новости спорта с пафосом, достойным античной драматургии, сообщали о трагедии, разыгравшейся в немецком Хохштадте. После того как футбольный матч закончился со счетом 2–1, болельщик проигравшей команды ударил фаната выигравшего клуба. Не это ли, громко вопрошал спортивный комментатор, является лучшим свидетельством той глубинной гнили, что поражает Европу изнутри вот уже шестьдесят лет? По малым поступкам видно большое отношение. Если футбольные болельщики своим недостойным поведением так оскорбляют высокое и чистое искусство спорта, то чего же ждать от коварных и вероломных европейских политиков, готовых всегда вонзить нож в спину России?

Потом шла статья о поставках украинского зерна в Европу.

Подобно тому как российское зерно является самым лучшим, самым качественным и благородным зерном в мире, не имеющим аналогов, украинское зерно является полным его антиподом. Оно мелкое, разносортное, невкусное и низкопробное. Его поражают грибки и болезни, его губят гниль и людская бездуховность. Роспиченадзор установил, что употребление украинского зерна вызывает стеноз указательных пальцев, трепетание желудка, асфиксию кишечника и воспаление пяточного нерва. Невзирая на это, правительства европейских стран закупают украинское зерно, идя на поводу своих узкокорыстных интересов. Платой за политические амбиции западных лидеров становятся жизни простых граждан. Достоверно установлено, что у железных дорог, по которым идут составы с украинским зерном, рельсы ржавеют в три раза быстрее, а в близлежащих городах число разводов превышает количество бракосочетаний. Увы, европейские средства массовой информации замалчивают эти сведения. Почему, спросим мы их? Почему ни один из зарубежных телеканалов не транслировал кадры акций протеста в испанском Толедо? Почему ни одно из европейских СМИ, которые так хвастаются пресловутой свободой слова, не сообщило о том, что в норвежском Лонгйире эшелон с украинским зерном забросали бутылками с зажигательной смесью? Может быть, скажут репортеры зарубеж-

ного телевидения, потому что их и не было? Очевидно, что мы имеем дело с целым заговором молчания, и ответы на эти вопросы выходят за рамки данной статьи...

Я медленно свернул газеты и уткнулся лбом в стекло, пытаюсь охладить распухшую от чтения голову, но это не помогло. Стук колес ворвался прямо в мозг, и я вернулся в исходное состояние. На ощупь я нашел горловину мусорки и выкинул туда прессу. Из висящего на стене расписания следовало, что через пятнадцать минут мы прибываем в Минск.

В начале вагона кто-то одевался и шуршал багажом, готовясь покинуть поезд. Понеслось недовольное ворчание, и что-то громко стукнуло. Снаружи становилось все ярче и ярче. Мы ехали по огромной промышленной зоне с десятками сортировочных путей. Где-то вдали пронзительно засвистел локомотив.

— Особый эшелон тридцать-Ч Калининград—Москва прибывает на седьмой путь четвертой платформы, — донесся снаружи голос громкоговорителя. — Повторю, особый эшелон...

Из щебенки и шлака, где изредка торчали пучки сухой травы, возник перрон. Поезд очень медленно катился вдоль него. Одиноко стояла девушка, закутавшаяся в огромный шарф. Наши взгляды на секунду пересеклись. С легким рывком поезд остановился.

Минск

И опять на вокзал, и опять к поездам,
И опять проводник выдаст белье и чай.
И опять не усну, и опять сквозь грохот колес
Мне послышится слово «прощай».

Группа «Кино». Стук

Жаль, что все уже спят, подумал я, зашнуровывая в полумраке вагона ботинки. Придется гулять в одиночестве. Я застегнул куртку и, оглядев напоследок гостеприимное плацкартное купе, отправился на перрон.

Снаружи было очень холодно. Спустившись на перрон, я убрал зябнувшие руки в карманы ветровки и огляделся. Минский вокзал был большим, прекрасно освещенным зданием из стекла и хрома. Сверху, над головой, чернело ночное небо с белыми клочьями облаков, и ослепительно горели вокзальные фонари. В воздухе чувствовались запахи угольного дыма и машинного масла. Стоящая рядом проводница Ольга переступила с ноги на ногу и посмотрела на меня.

— Что-то холодно, — сказал я, нейтрально начиная разговор.

Я вытащил замерзшие руки из карманов и потер их друг о друга. Это не сильно помогло.

— Мне давно не доводилось ездить через границы таким образом, — сказал я. — Вы знаете, что полвека назад окна не закрывали железными ставнями?

— Ну, это когда было-то, — сказала она, пожимая плечами. — До нашего с вами рождения.

— Ну да, — согласился я. — Но все-таки вам не кажется странным ехать через другую страну в консервной банке?

— Таковы законы, — сказала Ольга, снова пожимая плечами. — Да и тут всего три часа. Я как-то общалась с проводницей, которая работает на поезде Москва—Владивосток. Там, когда поезд едет по китайским районам Забайкалья, приходится закры-

вать окна на двенадцать часов. Летом ужасно получается. Постоянно инфаркты и тепловые удары.

Я не рискнул расспрашивать про Забайкалье подробнее, чтобы не вызвать у проводницы подозрений.

— Потом еще один участок, часов на восемь, — договорила она. — Это если на Владивосток ехать. В обратном направлении сначала восемь часов, потом двенадцать. Так что нам еще везет.

Неужели в России за сорок лет выросло поколение, для которого все это представляется нормальным?

— Как вообще сейчас работается? — поинтересовался я. — Когда-то давно я был знаком с одной проводницей, которая рассказывала про рейсы много интересного.

— А что тут интересного можно сказать? — немного удивилась моему вопросу Ольга. — Нервная, тяжелая и неженская профессия. Как и везде, зарплаты мало, работы много, штрафуют за что угодно. Пассажиры бывают разные, сейчас вагон спокойный, ехать легко. Вообще, всякое бывает...

— Как у вас на работе строго, — сказал я.

— Вам повезло, вижу, вы работаете по призванию. Я сама в детстве, — сказала она негромко, — хотела стать переводчицей, как моя мама. Она в молодости работала учительницей в школе, делала переводы и водила экскурсии для иностранцев по Калининграду. Потом, когда из школы убрали английский язык за непатриотичность, она пять лет занималась репетиторством. Затем пришли люди из федеральной опричной службы и приказали прекратить. Сказали, что это подпадает под статью о пропаганде антироссийского образа жизни. А родителям школьников заявили, что им могут вынести предупреждение об измене родине. Так и сказали: «Зачем язык учите? За границу сбежать хотите?» И вот с тех пор моя мама работает гардеробщицей. Взяли в школу обратно, по знакомству. Больше на работу никуда не берут, а до пенсии еще дожить надо.

— Жуть, — сказал я.

— Да что вы? — искренне удивилась Ольга. — У нас в Калининграде еще нормально. Жить можно. Хуже было у маминой подруги в Брянске. Она тоже давала уроки английского. К ней однажды пришли какие-то не то хулиганы, не то бандиты. Сказали, что они из духовно-патриотической дружины и что ее уроки иностранного языка оскорбляют русских людей. И что других эти уроки могут оскорбить еще больше, так что если она не прекратит преподавать, то ей сожгут машину, а сына ночью избьют в подворотне. Она пошла в полицию, а там развели руками. Слова к делу не пришьешь. Когда сожгут, приходите. И все. Только вы, пожалуйста, это никому не говорите. Это уже давнее дело. Его ни к чему вспоминать. Выжили, и ладно.

— О, don't worry¹, — с трудом вспомнил я английские слова.

— Единственный плюс работы проводницей, — внезапно заметила Ольга, — так это то, что можно купить нормальных продуктов в Москве. Мы как приезжаем, так сразу отправляемся в привокзальный универмаг...

— Типа супермаркета?

— Слово-то какое забытое, супермаркет... Да, так назывались универмаги в моем детстве. Удивительно, что вы еще помните.

— Это же моя профессия! — сказал я тоном квалифицированного специалиста.

По перрону шел знакомый мне начальник поезда. Возле каждой из проводниц он останавливался и о чем-то говорил.

— Так, важное изменение, — торопливо сказал начальник поезда, подойдя к Ольге. — К нам сейчас цепляют правительственный поезд до Москвы. Сейчас по вагонам

¹ Не волнуйтесь (англ.).

пройдут люди из службы охраны, будут смотреть на предмет безопасности. Окажи им содействие. После отправления проинструктируй пассажиров, чтобы не ходили по вагонам и не шумели. Если из правительственного поезда что-то потребуют, немедленно предоставь все что угодно. Все понятно?

Ольга торопливо поднялась в вагон, а начальник поезда отправился дальше. Я решил немного пройтись. До отправления поезда было еще много времени.

К счастью, ветер утих, и мне было уже не так холодно. Какое-то время я стоял на галерее, словно на капитанском мостике, озирая будущее, точно моряк — штормовой океан. От возвышенных мыслей меня отвлек громкий гудок. Маневровый тепловоз подталкивал к нашему составу шесть дополнительных вагонов.

Они выглядели более аккуратно, нежели тот, в котором ехал я. Окна снаружи были чище, а триколорная окраска — ярче. Каждый из вагонов был украшен большим двуглавым медведем. На перроне стояло трое мужчин в форме неизвестного мне ведомства. У всех были очень неприятные строгие лица.

— Проход запрещен, — приказным тоном сказал один из них. — Охраняемый состав, нахождение посторонних лиц не допускается.

— Ну, так я же в него не сажусь, — ответил я, разворачиваясь. Показав в кармане мужчинам кукиш, я отправился назад.

— Охраняется, — коротко сказал я Ольге, которая только что вернулась на перрон из вагона. — А что это вообще за поезд к нам прицепили?

— Правительственный спецсостав, — сказала она, стряхивая белую пыль с локтя. — Какие-то перебои с локомотивами. Задержка недопустима, поэтому его присоединяют к нам. Хорошо еще, что у всего калининградского поезда неразъемные сцепки, а то бы нас отделили, и пришлось бы ждать здесь до утра!

— С нами поедет правительство? — поинтересовался я.

— Нет, — сказала Ольга. — Это просто такое название. Там едут высокопоставленные пассажиры. Даже министры и генералы предпочитают поезд, потому что не решаются лететь самолетами. Однако мы скоро отправляемся. Заходите, я буду закрывать дверь.

Я поднялся с минского перрона в ставший мне родным плацкарт. В вагоне было тепло, темно и очень душно. Если бы не вышел наружу, то так бы и не узнал, насколько затхл и тяжел воздух в вагоне.

Хлопнула тамбурная дверь. Вошла Ольга, сжимая в руке железнодорожный фонарь.

— Можно еще чаю? — поинтересовался я. — Я оплачу, конечно же.

Она улыбнулась в ответ на мою улыбку.

— Берите так, — проводница протянула мне подстаканник, чайный пакетик и сахар. — Я в отчете укажу, что это для служебного места.

Поезд уже набрал ход. Мне приходилось идти осторожно, чтобы не опрокинуть стакан на кого-нибудь из спящих или же не запнуться о стоящие в проходе ботинки. Вдали кто-то шумно стелил постель. В нашем купе появились два новых пассажира. Над мирно спящим рыжеусым расположилась женщина. Ее длинные черные волосы раскинулись на подушке, чуть спадая вниз. Над моей полкой уже спал незнакомый мне пассажир, с головой закутанный в одеяло. Судя по громоздкому квадратному чемодану, торчащему из-под моего спального места, и по тяжелому, с присвистом, дыханию, это явно был мужчина средних лет. В купе определенно стало тесновато и менее уютно.

Чай был горячим, я пил его маленькими глотками. Сейчас поезд выходил на прямую линию к Москве. На этом пути после Минска располагались Орша, Смоленск, Вязьма и, хоть поезд там и не останавливался, Бородино. Я внезапно подумал, что наш путь проходит по местам трагической боевой славы России. На Белорусском и Витебском

вокзалах стоят памятники солдатам, которые в свое время отправлялись с них на мировые войны. Я же сейчас еду с той стороны, откуда приходил неприятель.

Как раз на мысли о неприятеле в темном проходе плацкарта появился мужчина лет тридцати пяти, в светло-сером костюме без галстука, гладко выбритый и аккуратный подстриженный. У меня появилось недоброе предчувствие.

Мужчина оглядел меня с ног до головы очень настойчивым и внимательным взглядом, после чего назвал мое имя и фамилию.

— Это вы? — спросил он негромко, стараясь никого не разбудить.

— Нет, это не я, — сам собою вырвался у меня ответ. Что-то подозрительное было в этом вопросе. Мне вспомнился банк в зеленых тонах, где я узнал, почему фунт стерлинга.

Мужчина вытащил из внутреннего кармана удостоверение в красной обложке.

— Третье отделение канцелярии президента, — произнес он. — Меня зовут Алексей, и нам нужно поговорить.

— А если я не хочу с вами разговаривать? — поинтересовался я.

— Пожалуйста, не ведите себя глупо и не ухудшайте и без того плохое ваше положение, — заявил он. — Прошу пройти со мной и поговорить. Ваш паспорт у вас с собой?

— Да. Он нужен?

— Да, нужен.

Мы шли по ночному поезду. Оставив последний вагон плацкарта позади, мы остановились в тамбуре. Здесь стояли двое мужчин в форме. Каждый из них был вооружен пистолетом-автоматом незнакомого мне образца. На двери вагона располагалась большая предупреждающая вывеска, прикрепленная, судя по всему, совсем недавно:

Специальный состав
Пограничный тамбур
Посторонним вход категорически воспрещен
Огонь открывается без предупреждения

— Он со мной, именем августейшего президента, — спокойно сказал Алексей охранникам, и оба с нарочитой готовностью кивнули.

Он открыл дверь ключом, и мы прошли через лязгающий стык вагонов. В погрантамбуре правительственного вагона были двое мужчин в штатском, которые сразу же отодвинулись к стенке, пропуская нас. Оставив охранников позади, мы оказались в коридоре купейного вагона. Сразу ощущалось, что он предназначен для более состоятельных и влиятельных людей, чем пассажиры плацкарта. На полу, поверх паркетной доски, лентой тянулся длинноворсовый ковер с сине-желтыми прихотливыми узорами. Стены до середины были отделаны полированными панелями орехового дерева. Выше шла синяя атласная обивка с двуглавыми медведями, вышитыми золотом. По периметру потолок украшала декоративная лепнина в античном стиле. На двери, через которую мы вошли, располагался большой золотой двуглавый медведь с пшеницей. Только сейчас я смог рассмотреть на ленточках, обвивающих снопы, девиз:

«ПРЕЗИДЕНТ. РОДИНА. СТАБИЛЬНОСТЬ»

— Нам сюда, — произнес Алексей, открывая ключом дверь номер шесть. За дверью было двухместное купе. — Присаживайтесь.

В купе было пусто. Незастеленные полки обтягивал прохладно-синий бархат, на котором золотились двуглавы медведи. Я сел в кресло возле окна.

— Можно увидеть ваш паспорт? — обратился ко мне Алексей, закрыв дверь и щелкнув замком.

Я протянул ему бордовую книжечку. Особый его интерес вызвали шенгенская виза и разрешение на выезд с территории Пограничного союза; он весьма дотошно изучил все подписи и штампы. Алексей выглядел в меру высокопоставленным чиновником средней руки. В нашей беседе мы держались на равных, и это было весьма приятно.

— Возьмите, — вернул мне паспорт Алексей, сжимая в другой руке лупу. Я молча убрал документ. — Вы ехали в Москву. Позвольте узнать, для чего?

— Чтобы посмотреть на архитектуру города и ознакомиться с его историей, — нейтрально ответил я.

— С вами хочет поговорить один очень высокопоставленный человек, — медленно начал Алексей. — Если быть точным, то вас хочет видеть президент Российской Федерации. Надеюсь, мне не нужно объяснять, что это желание имеет силу приказа? Вы поедете со мной в Москву в правительственном вагоне, а потом мы доставим вас в Кремль.

— А если я не хочу?

— Наверное, вы не до конца понимаете ситуацию, — Алексей слегка поднял брови. — Для начала, вы имели у себя банкноту в двадцать евро. Вы не сдавали ее государству, храня у себя. От двух лет общего режима. Далее, вы осуществляли нелегальную продажу валюты. Это уже от четырех лет общего режима.

— Но у меня есть бумага из банка...

— Ваша бумага — липа, и вы прекрасно об этом знаете. Директор банка сознался во всем сразу после ареста. Кстати, вы знаете, что он вас надул? Двадцать евро — это полмиллиона рублей. В банке вы отдавали ногу полицейскому, находящемуся при исполнении, — продолжал Алексей. — Нападение на представителя власти. Пять лет минимум.

— Но я не отдавливал ему ногу!

— Поздно, он уже дал письменные показания, — сказал мой собеседник. — Медицинская экспертиза обнаружила трещину ногтя на большом пальце левой ноги. Далее. Я вижу, что на вас зарубежная куртка. Это можно квалифицировать как действия, направленные на экономический подрыв отечественного производства. От двух лет. Как я понимаю, ваши джинсы и ботинки тоже зарубежные. От трех лет.

— На мне еще польские носки, — добавил я себе срок из чувства противоречия.

— Тогда это уже вплотную подходит преступлению в крупном размере, от пяти лет. К тому же здесь уже может появиться другая статья. В тот момент, когда Россия осуществляет торговую блокаду всего мира, вы финансово поддерживаете зарубежную промышленность враждебных нам стран. Так что тут возможна еще и измена родине, а это... вы знаете, что такое червонец?

— Я знаю еще, что такое четвертак, — мрачно ответил я. Мой собеседник явно имел в виду отнюдь не нумизматические толкования этих слов.

— Вот видите, вы сами прекрасно все понимаете. Впрочем, у вас хватит и более доказанных преступлений. Вы не служили срочную сельскохозяйственную службу. От четырех лет. Уклонение от службы — это опасное преступление, ибо если никто не пойдет служить, то кто же тогда станет кормильцем родины?

Наверное, что-то в моем взгляде задело Алексея. Его тон на секунду стал более человеческим.

— Зачем вы так смотрите на меня? — спросил он. — Я всего лишь говорю то, что скажет гособвинитель на вашем процессе. Заметьте, мы сейчас еще не касаемся того, что вы последние три года не были на исповеди. В исповедальном реестре нет сведений о вас. Значит, вы считаете себя безгрешным и этим оскорбляете чувства верующих. Год трудовых работ в Соловецком монастыре.

— А если я атеист?

— Если вы отрицаете существование бога, то это оскорбление чувств верующих, совершенное с особым цинизмом. От двух до трех.

— Ну, а если я агностик?

— То вас все равно посадят, — с предельной честностью сказал Алексей.

— Вы не похожи на человека, который ходит на исповедь и в чем-то признается. Ваш костюм явно сшит не в Иваново, — так же откровенно сказал ему я. — Но вас же не арестовывают?

— А меня пока не хотят посадить, — сказал Алексей, глядя мне в глаза. В слове «пока» чувствовался некоторый вызов, оттененный нотами фатализма.

Мы снова замолчали. Бить такие карты мне было нечем.

— Вы выглядите очень любопытно, и многие хотят побеседовать с вами поближе. В том числе и президент России. Поэтому нам необходимо устроить вас на работу в канцелярию президента. У вас будет чин советника второго класса. Это что-то вроде старшего лейтенанта. К сожалению, больше пока нельзя, но думаю, что в Москве вас ожидает значительный карьерный рост.

— А для чего это?

— Как я уже говорил, вас ищут все. В случае какого-либо непредвиденного инцидента вам будет проще в чине советника, чем без него. Я немного замел ваши следы в Минске. Теперь все думают, что вы пересели в петербургский поезд, и будут ожидать вас в Витебске. Так что мы без проблем доберемся, как минимум, до Вязьмы, а дальше будет видно.

Я просматривал бумаги приема на госслужбу, бегло читая бесчисленные пункты, условия, права и обязанности. Я не мог сказать, что горел желанием устраиваться на работу в канцелярию президента.

— Возьмите, — Алексей протянул мне ручку с пером в виде Спасской башни. — Только, прошу, поставьте свою настоящую подпись, как в паспорте. Сыну турецкоподданного будет очень непросто сделать карьеру в России.

И я, посрамленный, подписал.

— Превосходно. Поздравляю с поступлением на государственную службу в третье отделение личной канцелярии господина президента Российской Федерации — крепко пожал мне руку Алексей. — Третье отделение занимается особыми поручениями, которые нельзя возложить на первые два... Вот возьмите.

Из того же дипломата появилось удостоверение в знакомом красном переплете.

— Это вам, — говорил Алексей, пока я, как замороженный, рассматривал свои фамилию, имя и отчество. — Фотографию мне пришлось взять с камер видеонаблюдения в банке. В Москве вам дадут новые документы. Теперь вы мой коллега. Права, премии, неприкосновенность, выслуга лет, служебное жилье, ведомственные поликлиники, санатории... об этом вам расскажут позднее. Да, кстати, вы можете в разговоре о господине президенте не использовать титул «августейший». Это тоже одна из льгот.

Я только сейчас обратил внимание на то, что на моем удостоверении изображен куда более привычный двуглавый орел.

— Почему здесь не медведь? — спросил я, крутя красную корочку в руках.

Алексей потер переносицу.

— Аппарат господина президента сохранил для себя прежний герб России, — пояснил он. — Двуглавый орел — наш отличительный знак. Кстати, чуть не забыл! Вам нужно выбрать партию, в которую вы хотите вступить.

— Что, простите? — удивился я.

Алексей тем временем извлек из дипломата три партбилета, окрашенные в красный, синий и белый цвета соответственно.

— Неужели вы хотите работать на госслужбе, будучи беспартийным? — в свою очередь удивился Алексей. — Вот выбирайте на свой вкус. «Партия труда и работы»,

«Великая Россия» и «Либерально-Консервативный союз». В принципе они абсолютно ничем не различаются. Помимо этого, я убедительно прошу вас: никогда, ни при каких обстоятельствах не выходите из правительственного поезда. Поверьте, в ваших же интересах ехать до Москвы здесь, никогда и никуда не выходя. В противном случае...

Он не договорил, красноречиво взглянув на меня.

— Что же, тогда я спрошу сам. Правильно ли я понимаю, что я сейчас — единственный гражданин России, который может выехать за границу?

— Пожалуйста, — сказал Алексей, чуть задержавшись с ответом, — больше не говорите этого вслух. По крайней мере, до прибытия в Кремль. Иначе вам будут очень сильно завидовать. Пусть это будет нашим секретом. Договорились?

— Подождите. Мне хочется задать пару вопросов, — сказал я. — А почему Беларусь теперь называется Минской Государственной Республикой? — поинтересовался я. — И что такое ОКРАМ? Что вообще происходит в стране?

— Думаю, у вас к нам вопросов так же много, как и у нас к вам, — Алексей улыбнулся чуть шире. — Похоже, придется организовать небольшой вводный инструктаж на Старой площади, когда мы приедем, но кое-что можно рассказать сейчас. Надеюсь, вы понимаете, что все, что будет сейчас сказано, относится к гостайне? До десяти лет за разглашение.

Я кивнул.

— Когда-то давно, больше сорока лет назад, шла так называемая «война санкций», — неторопливо, обдумывая слова, начал Алексей. — Страна, по которой мы едем, занимала очень неопределенную позицию. Она хотела дружить как с Россией, так и со странами Запада. Мы вежливо попросили ее президента определиться. Его ответ нам не понравился, поэтому мы столь же вежливо провели операцию «Немига»: помогли гражданам провести выборы нового президента. После его реформ страна стала известна под именем Минской Государственной Республики. К сожалению, Западу очень не понравились наши действия. При ООН был даже создан специальный трибунал. Ни один человек из высшего руководства нашей страны с тех пор не мог выехать за границу, не рискуя попасть под арест. По этой причине в качестве защитной меры мы ввели выездные визы. К сожалению, из десяти человек, которым разрешали отправиться за рубеж, возвращался только один, поэтому выдачи виз были прекращены.

— Окончательно? — спросил я. — Но ведь вы... то есть мы как-то торгуем с ними зерном?

— В Бресте, на реке Буг есть пограничный мост с конвейером, по которому зерно безостановочно поступает за рубеж. По этому же конвейеру к нам поступают зарубежные товары, которые еще не выпускаются в рамках импортозамещения, например мой новый итальянский галстук, который я надеваю по особым случаям. Такие же конвейеры есть в Гродно и Свислочи. Схема выстроена так, что никто не может бежать на ту сторону. Колючая проволока, ток... Что же до морского сообщения, то когда-то в Японии, триста лет назад, был такой остров Дэдзима, через который шла торговля с голландцами. Японцы не могли зайти на остров, голландцы не могли оттуда выйти. Примерно так же работают специальные изолированные гавани в Новороссийске и Петербурге. Единственный канал связи с заграницей — телетайпная линия Москва—Минск—Берлин—Лондон—Вашингтон. Больше ничего нет. Когда в двадцать девятом году в Европе построили первый термоядерный реактор, спрос на нашу нефть и газ начал падать. За считанные годы он опустился до нуля, поэтому пришлось затянуть пояса на целое десятилетие, пока Россия изыскивала новую статью экспорта и перестраивала всю инфраструктуру. Зерно — это единственный российский товар, востребованный за рубежом.

— Последний вопрос. Что такое ОКРАМ?

— Ограниченный контингент Российской армии в Минской Государственной Республике. Единственная боеспособная часть нашей армии. Все остальное после Сахалина... впрочем, давайте об этом потом. Ключ вот здесь, не забудьте взять, если будете выходить.

Я остался один. Вопросы, вопросы, кругом были одни вопросы. Пожалуй, решил я, если поужинать, то мне станет проще. Убрал удостоверение сотрудника третьего отделения в сумку, я еще раз окинул взглядом три партбилета на столе. Их я брать не стал. Почему-то мне пришла в голову ассоциация с чашками наперсточника.

Я вышел в коридор и, закрыв дверь латунным ключом с цифрой «шесть», направился в сторону, противоположную погрантамбуру. Миновав еще один тамбур, я оказался в вагоне-ресторане, обставленном с приятной роскошью. Почти все столики были заняты людьми исключительно делового вида. Я еще никогда не видел вживую столько солидных мужчин и элегантных женщин.

Убранство вагона-ресторана правительственного поезда было столь же роскошно, как и его посетители. Стены украшали панели мореного дерева. Роскошные бра литой бронзы отражались в зеркальном потолке. Белели скатерти, и золотился огромный герб на стене. В ближнем ко мне конце вагона пианист негромко играл джаз. Черный фрак маэстро идеально сочетался с черным лаком фортепиано. Я поискал взглядом свободное место.

— Здравствуйте, — почтительно поприветствовал меня стоящий у двери швейцар. — К сожалению, полностью свободных столиков уже нет. Вы согласитесь присоединиться к кому-либо?

— Вполне, — ответил я.

— Тогда прошу вас сюда.

Швейцар провел меня к дальнему столику, где одиноко сидел мужчина, одетый в рубашку-поло, выделяющуюся среди пиджаков и галстуков остальных. Его внешний вид показывал, что кризис среднего возраста явно не за горами.

— Прощу, — сказал швейцар, и я расположился напротив мужчины в рубашке-поло. Перед ним на большой тарелке лежал недоеденный шницель в окружении разбросанного горошка. Мужчина посмотрел куда-то сквозь меня и налил себе коньяка из стоящего рядом графина.

Я взял в руки меню, отпечатанное на мелованной бумаге. Шницель, лежащий в тарелке моего соседа, определенно состоял из мяса, и я имел все основания предполагать, что все остальное тоже окажется съедобным. В этом вагоне-ресторане были куда более аппетитные блюда, чем в плацкартном. Все это изобилие было относительно недорого: мелкий шрифт внизу каждой из страниц сообщал, что цены, в соответствии с федеральным законом, дотированы Агропромом России.

— Что желаете? — ненавязчиво поинтересовался подошедший официант. На какую-то долю секунды мне стало неудобно, что я одет хуже, чем он. Мне оставалось надеяться, что в своем новом чине я могу себе это позволить.

— Пожалуйста, борщ за сорок рублей и запеченное филе осетра с овощами за сто двадцать, — выбрал я.

— И мне еще триста грамм коньяка! — неожиданно сказал мой сосед, все это время делавший вид, что смотрит в свой бокал.

Быстро и почтительно кивнув, официант ушел.

— Вы не пьете? — внезапно спросил у меня сосед.

Я отрицательно покачал головой.

— Просто не хочется, — пояснил я.

Мой собеседник понимающе кивнул.

— А я вот, — признался он, — в поисках вдохновения. Алкоголь не помогает, поэтому не порекомендую.

— Вы писатель? — спросил я. Мой сосед не был похож ни на художника, ни на скульптора.

— Хуже, я журналист. Может быть, вы даже читали мои статьи. Анатолий.

Я посмотрел на своего соседа. У него были темно-русые волосы, чуть вытянутое лицо, краснеющий порез от бритвы на левой скуле и неизбывная трагедия в глазах. Печаль зернового дембеля Олега была светлой, словно березовый лист, упавший в чистый ручей. Грусть журналиста Анатолия казалась черной и бездонной, как озеро березового дегтя.

Я коротко представился. Мы пожали руки над столом.

— Я историк, реконструктор и консультант, — добавил я. — Специализируюсь на начале нашего века.

— Это видно по вам, — его взгляд пронесся по мне, ловкий и цепкий, как пальцы фокусника. — Значит, мы с вами в чем-то коллеги... Мне тоже доводилось заниматься историей. Почему вас заинтересовала именно эта эпоха?

— Тогда происходило много интересного, — расплывчато ответил я. — Вы хотите взять у меня интервью?

— Нет, что вы. Интервью берет мой друг Максим, который должен сейчас подойти. Правда, почему-то запаздывает... Я журналист-зарубежник, — продолжил Анатолий, ловко наливая бокал. — И вот возвращаюсь домой из творческого отпуска, который прошел хуже, чем я ожидал. Скажите, а вы изучаете отечественную историю или же зарубежную?

— Обе, — чуть поразмыслив, ответил я. — Я не профессиональный историк, у меня нет диплома, но мои знания от этого не менее ценны. Как видите, я еду здесь.

— Как видите, я тоже, — парировал журналист. — Значит, мы немного коллеги. Я предпочитаю исключительно зарубежную тематику. Гораздо интереснее писать о Франции или Японии, чем сочинять очередную статью про то, что наши вооруженные силы закупили сто надувных танков взамен тех, что унесло недавно ураганом в Эстонию...

— Я как раз сегодня читал статью про новые танки ТН-40 в нашей армии, — сказал я. — Правда, там не говорилось о том, что они надувные.

— Ну, кто же напишет о том, что ТН расшифровывается как «Танк Надувной», а «40» означает его закупочную цену в миллионах рублей? Это же государственная тайна.

— А вы не боитесь рассказывать мне об этом? — поинтересовался я.

— Я вас умоляю. Неужели вы думаете, что кто-то об этом не знает? Тем более здесь, в правительственном поезде. Это как с Курилами. Все знают, что они проданы Японии, но никто не акцентирует на этом внимание. Нет ничего скучнее и мельче, чем писать про Россию. Не про уральские голодные бунты же. Поэтому мне приходится брать на себя неприятную обязанность и рассказывать нашим согражданам про то, как ужасна жизнь за рубежом и как коварные страны НАТО борются с Россией. Вот, к примеру, я недавно написал отличную статью про девятую польскую танковую бригаду, что нацелена на Брест. Конечно, мне было бы интереснее написать про две китайские армии, стоящие в Забайкалье, но, как вы понимаете, после такой статьи я сам поеду в те края возделывать свеклу.

— Ваш ужин, — вежливо произнес официант, появляясь слева от меня.

Это был восхитительный душистый борщ с крупными кусками говядины. На соседней тарелке располагалось заманчиво поблескивающее филе осетра в окружении овощей.

— Самое приятное то, что меня как журналиста-зарубежника ничто не ограничивает в работе, — продолжал Анатолий. — С годами начинаешь ценить свободу, даже если она выглядывает сквозь стальные прутья самоцензуры.

Я отодвинул опустевшую тарелку с борщом, чтобы немедленно перейти к рыбе. Графин моего соседа опустел, но в бокале еще плескался коньяк.

— Вы бы закусили, — предложил я, указывая вилкой на недоеденный шницель.

Журналист посмотрел на него, словно видел впервые.

— Кусок в горло не лезет... Неохота, — отказался он. — Знаете, мне сейчас тридцать пять лет. Я посередине между Христом и Пушкиным. Вроде бы все хорошо. Я состоявшийся специалист, лауреат, дипломант и прочее, и прочее. Возможно, будущий главный редактор. Если повезет, то войду в список смотрящих... Вы ведь не знаете, кто такие смотрящие?

— Признаться, нет.

— В московском телецентре есть закрытый приемный узел, где могут принимать цифровой сигнал иностранного телевидения. Так вот, есть пять главных редакторов, трое с телевидения, двое из газет, которые имеют право смотреть эти каналы и читать закупаемую для нужд разведки иностранную прессу. Это смотрящие... Больше никому из нас нельзя.

Коньяк уже начал овладевать языком моего собеседника. Некоторые буквосочетания журналист произносил, слегка запинаясь.

— Наш редактор возвращается очень грустный после этих просмотров. Он запирается на час в кабинете и плачет. Потом он собирает планерку и ровным тоном рассказывает, что в Европе голод, а в Америке — бездуховность. Вот если я буду очень долго писать статьи про то, как плохо на Западе, мне через пятнадцать лет разрешат зайти в охраняемую тремя разведками комнату и под их бдительным надзором самому посмотреть на этот самый Запад. И поэтому я три раза в неделю, ненавидя себя, сажусь и начинаю писать отвратительные статьи, в которые пытаюсь сам поверить. У меня получается их писать, но не получается верить. Я напиваюсь и понимаю, что это дурь. Я не этого хотел, если честно.

Я отодвинул опустевшую тарелку. Наконец-то я действительно наелся. Еда здесь была превосходной.

— В противном случае, — заметил я, — вы бы ехали в плацкарте и ели бы суп из семи круп.

— Вы еще молоды, — бросил мне журналист, откидываясь на спинку сиденья. — Ваше время — вечность. Мое — уже нет, и я понимаю, что иногда лучше ехать в плацкарте...

— Комплимент от шеф-повара! — объявил официант, ставя передо мной блюдо, на котором лежал бутерброд с красной икрой.

— Благодарю, — сказал я, беря в руки бутерброд. Мне было крайне непривычно ехать в столь комфортабельных условиях. Я поразился тому, как сильно еда и быт влияют на самоощущение. Наверное, на моем лице что-то отразилось, потому что Анатолий засмеялся печальным смехом.

Я доел бутерброд. Все равно мне было весьма приятно получить даже столь скромный комплимент.

— Пожалуйста, не слушайте то, что я говорю, — сказал Анатолий. — Я пьян. Полгода назад от меня ушла жена, и правильно сделала. Я бы тоже от себя ушел. Я больше не хочу ничего писать. Я хочу сесть на поезд и уехать далеко-далеко, чтобы спиться в дороге и угаснуть во тьме...

Орша

Какая грязь, какая власть!
И как приятно в эту грязь упасть,
Послать к чертям манеры и контроль,
Сорвать все маски и быть просто собой.

Группа «Ария». Грязь

За наш столик уверенным движением сел мужчина с короткой стрижкой и острой шкиперской бородкой, одетый в стильный вязаный свитер со снежинками. На нем были очки из ярко-красной пластмассы, делавшие его похожим на московского хипстера начала века. Мужчина был примерно одного возраста с Анатолием, но являл собой полную ему противоположность.

— Кончай пить, — дружеским тоном сказал он журналисту. У гостя были какая-то утрированная мимика и гипертрофированно четкое произношение. — Сейчас к нам придут. Я тут разговорился с одним пассажиром. Вице-губернатор Коми. Удивительно деловой человек. Хочет, чтобы я снял ему передачу про лесную промышленность в его регионе. Обещает выделить хорошее финансирование. Так уж и быть, возьму эту халтурку.

Официант поставил на стол перед Анатолием еще один графин с коньяком и остановился в ожидании.

— Гриль-суп и говяжий эскалоп с овощами и картофелем. Еще запеченное мясо на косточке в белом соусе, салат с цыпленком, рыбный салат и чай, — торопливо зачитал ему строки из меню человек с бородкой. Наши взгляды встретились.

— Я историк-консультант, — представился я.

— Максим, — сказал человек с бородкой. — Продюсер и режиссер документальной серии фильмов «Жизнь в России»...

— Зачем тебе Коми? — внезапно спросил Анатолий, чуть съезжая вбок и упираясь левым плечом в стенку поезда. — Ты действительно хочешь снять фильм про лесоповал?

— Вице-губернатор, — бросил Макс, — недавно назначил своего сына на какой-то пост в Леспроме...

— Главной елкой? — произнес журналист.

Макс не услышал его.

— ...и теперь ему нужно выбить финансирование на развитие этого ведомства. Ну, а фильм — это способ громко заявить об этом на всю Россию. И если уж на то пошло, то что мне еще снимать? С вашей помощью, — обратился он ко мне, — я мог бы снять передачу о дегерманизации Калининградской области.

— Вы снимаете передачи о России? — на всякий случай уточнил я. — Или о зарубежных странах тоже?

Мой вопрос немного удивил Максима.

— Как можно снимать фильмы о зарубежных странах? В павильоне, что ли? Такие видеоролики — удел бездарных режиссеров. Я не опускаюсь до этого.

— Скажите, — как бы невзначай возобновил разговор я, — а что был за фильм про президента и Сахалин?

Макс хитро улыбнулся, чуть склонив голову.

— Мне довелось тогда работать ассистентом одного якобы крутого режиссера, который снимал большой фильм про авианосец «Сахалин». Ему стало лень ехать целую неделю через всю Россию поездом, поэтому я должен был исполнять его обязанно-

сти на местах. Так вот, мы подписали мирный договор с Японией в тридцать девятом. К договору прилагался секретный протокол о том, что в знак вечной и нерушимой дружбы Россия передает Японии Курильские острова, а в знак такой же дружбы Япония передает России много миллиардов йен. Минобороны подготовило грандиозный план строительства четырех непотопляемых авианосцев. «Котлин», «Крым», «Кильдин» и «Сахалин». По авианосцу на флот. Ну, понятно, что эти авианосцы непотопляемы, потому что представляют собой острова. Денег под это выделили очень много. Три авианосца соорудили нормально. Все шло хорошо, но когда дело дошло до постройки четвертого авианосца «Сахалин», деньги от Курил стали заканчиваться. Разворовывать стали активнее, понимая, что больше финансирования не будет. В итоге, когда дошло дело непосредственно до строительства, выяснилось, что хватит только на скверную бетонную взлетную полосу. Скрипя зубами, построили вокруг картонные ангары, фанерный военный городок и штаб из ДСП. И вот мы снимаем торжественное прибытие. Вертолет с президентом подлетает к новопостроенному аэродрому и сдувает при посадке все декорации. Доски, фанера и картон разлетаются во все стороны. Это была первоклассная сцена, которую, к сожалению, пришлось уничтожить. Весь фильм пошел под нож.

Кстати, после Сахалина сделали выводы, и Забайкалье было не продано Китаю, а просто сдано в вечную аренду. Там, в договоре, удивительно хитрая формулировка: «Пока солнце заходит на западе и пока великий Амур течет на восток». С точки зрения стабильности власти постоянный умеренный приток валюты от Забайкалья лучше, чем огромная сумма разом от Курил. Нет такого соблазна для разворовывания, потому что все уверены в завтрашнем дне.

— Максим, добрый вечер! — раздался жизнерадостный голос рядом со мной. Я посмотрел вбок. К нам подошел чуть склонный к полноте мужчина лет пятидесяти пяти, одетый в слегка тесный ему костюм несомненно зарубежного пошива. Слегка редящие темные волосы были зачесаны назад в неловкой и неудачной попытке скрыть намечающуюся лысину. Очки в тонкой позолоченной оправе были явно неновыми. Я внешне вспомнил, что очень похожие очки я видел у банкира в Калининграде.

Анатолий продолжал смотреть куда-то вдаль, выходя своим взглядом за пространство вагона. Максим поднял взгляд.

— Здравствуйте, Виталий Сергеевич! — поприветствовал он гостя. — Прошу вас.

Мужчина разместился рядом со мной.

— Добрый вечер! — поприветствовал он, обращаясь ко мне и к Анатолию и одновременно подзывая жестом официанта. — Принесите мне тушеную утку в грибном соусе и бокал сухого крымского каберне!

Мы поздоровались, и я снова вкратце рассказал свою легенду о консультанте. Наш гость был тем самым вице-губернатором Республики Коми, о котором рассказывал Максим.

Анатолий долил остатки коньяка в бокал, очевидно желая утопить творческий кризис в алкоголе.

Вице-губернатор с интересом посмотрел на журналиста.

— Я журналист-зарубежник, — пояснил Анатолий, почему-то закрыв один глаз. — И я разочаровавшийся журналист-зарубежник. Мне стыдно.

— Знаете, я вас понимаю. Я тоже оказывался в такой ситуации, — не унывал вице-губернатор. — Большие проблемы с работой, недовольное начальство, все валится из рук... Меня отправляли под суд и в отставку, но я миновал это и теперь снова уверенно иду наверх! Берите пример с меня!

— Прошу прощения, — сказал я, — но так получилось, что Калининград далек от России, а я далек от современности. Я не очень хорошо знаю суть событий...

— Суть событий очень проста. Семь лет назад меня назначили мэром Омска. И вот однажды один крупный генерал из опричной службы решил поставить на мою должность своего подрастающего третьего сына. Против меня начали копать и слать в Москву служебные бумаги. В частности, мне напомнили то, что я позиционировал Омск как третью столицу России...

— Директория Колчака? — спросил я, перебив бывшего мэра. Тот радостно кивнул.

— Именно! — воскликнул он. — Я уже и не надеялся, что кто-то это помнит. Так вот, в Москве особенно обиделись на мою «третью столицу». Мне такое не простили, и моя судьба была решена. Я надеялся, что меня спасут связи в государственной тайной полиции. Не спасли. В общем, закончилось это тем, что ровно четыре года назад в ноябре меня вызвали в Кремль на Игру.

— Куда, простите? — поинтересовался я.

— О, это старая забава, — сказал он таким тоном, будто рассказывал про гольф. — У нее очень много наименований. Губернатор Кубани, один из ее первых участников, еще в конце двадцатых, называл ее Жесткой игрой Голодных Стульев. Ума не приложу, что он имел в виду. Так вот, дело в том, что в России не все идет хорошо, и как бы ни старались уважаемые работники массмедиа, — церемонно указал он ладонью на противоположную сторону столика, — некоторое недовольство населения все же имеется. Поэтому вот уже много лет подряд на Новый год в Кремль вызывают полсотни человек со всей России. Это высокопоставленные чиновники, госслужащие и даже в последнее время силовики... хотя их стараются без нужды не трогать... в общем, вызывают всех, кем недовольны. Их, простите за каламбур, сажают в специальном зале Кремлевского дворца и играют с ними в лотерею. Премьер-министр с портфелем ходит по рядам. Кто вытягивает из портфеля бумажку с крестиком, становится в следующем году коррупционным козлом отпущения для всей страны. Всего четыре крестика, стало быть, четверо тех, на кого падет жребий.

— А что потом? — поинтересовался я.

— Как вы поняли, один из крестиков выпал мне. После чего началась торжественная порка. Меня публично сняли с поста за растрату бюджета, провели обыски дома и на работе, после чего судили, вы будете смеяться, за расхищение средств при строительстве памятника омской птице. И это при том, что там я почти ничего не украл, да еще и поделился со всеми, с кем положено! В общем, со мною сделали все, чтобы показать, как в России борются с коррупцией... Мне дали восемь лет с конфискацией имущества, и я покинул Омск.

Бывшему участнику Игры Голодных Стульев в этот момент принесли утку и вино, поэтому он на некоторое время замолчал.

— И... как же вы? — наконец спросил я.

— Ну, а что я? — улыбнулся своей широкой и доброй улыбкой сосед. — Через неделю после приговора мне за хорошее поведение дали условно-досрочное освобождение. Из имущества у меня тогда конфисковали только прекрасный итальянский габардиновый костюм, который был на мне в момент ареста. Все остальное я успел переписать на жену и сына. Мне любезно дали целых три недели на эти манипуляции, но я уложился в пять дней. Вот только единственное, что оставило осадок, — это то, что во время обыска федеральная опричная служба демонстративно, перед телекамерами, конфисковала у меня триста миллионов наличными.

Я сочувственно покивал бывшему мэру. Он истолковал это по-своему.

— Да, это было все, что мне удалось накопить за неполных три года, — с грустью сказал он. — Омск — не Москва, где мэр может позволить себе ездить по городу в карете, запряженной шестеркой оленей, потому что уже не знает, на что еще потратить день-

ги... Конечно же, я хотел скрыть мои сбережения, но меня попросили оставить, мол, это нужно для телевидения, мы тебе их потом вернем. Я, как дурак, послушался, а потом мне так ничего и не вернули. Увы, опричникам претензии не предъявишь.

— А как вы сейчас? — поинтересовался я, давая своему собеседнику время для того, чтобы он насытился остатками утки. Он пожал плечами.

— О, я сейчас более или менее. Первоначально меня отправили в Республику Коми, назначив на декоративный пост руководителя комитета по надзору за воздухоплаванием. Полгода я приходил в себя и знакомился с людьми. Потом я договорился с губернатором и федеральным центром, очень удачно выбил финансирование и возглавил цензурный комитет Республики Коми. Не самый высокий пост, но в качестве промежуточного вполне приемлемо... Этой осенью меня наконец-то назначили на пост вице-губернатора.

Уже перевалило за полночь. Режиссер и губернатор обсуждали фильм. Вагон-ресторан почти опустел. За окнами, что были закрыты плотными бархатными шторами, мелькали станции и города, но об этом я мог лишь догадываться. Почему, спросил я сам себя, плохо живут обычные люди, но страдает человек, который живет, в общем-то, гораздо обеспеченнее их? Я закрыл глаза. У меня не было ответа на этот вопрос. Я вспомнил соседок по плацкарту, которые делили со мной обед и судьбу, и мне стало стыдно за то, что я сейчас сижу в правительственном вагоне-ресторане рядом с людьми, разворовывающими страну. Блажен муж, который не идет на совет нечестивых; а я пришел и сел.

— Пожалуй, мне пора идти, — сказал я и направился к выходу. Дойти до двери я не успел.

— Молодой человек! — резко окликнул меня чей-то голос, судя по тембру, не привыкший к отказам. — Позвольте узнать, как вы оказались в правительственном поезде? Я что-то не припомню вас на перроне в Минске.

Я обернулся. Из-за большого столика на шесть персон на меня смотрел чрезвычайно неприятный господин неполных пятидесяти лет. Судя по его исключительно дорогому костюму, шелковому галстуку, золотой гербовой заколке, золотым запонкам, золотому перстню с бриллиантом и золотым часам, он явно принадлежал к элите даже в элитном поезде. Щеки господина были чуть шире его висков. Он был мясист и очень неприятен. Толстая сигара в руке и бутылка виски перед ним придавали ему вид чикагского гангстера. Меня внезапно разобрала злость.

— Ist es für dich nicht scheissegal, Du, alter Lummel?² — грубо ответил, на автопилоте вспоминая сложную немецкую грамматику и тут же соображая, что не стоит излишне привлекать к себе внимание. Надо было как-то смягчить ситуацию. — Я сотрудник третьего отделения. Ехал в калининградском поезде.

Любопытный господин обомлел так, словно незримый железнодорожник с размаху ударил его молотком по ноге.

— Прошу прощения, — наконец пришел в себя новый собеседник. — Не присядете ли вы к нам на минутку?

Предчувствуя подвох, я опустился к ним за столик. Он был прекрасно сервирован, выделяясь даже среди вагона-ресторана. Посередине стоял большой бронзовый подсвечник-жирандоль с пятью свечами. Их огни вспыхивали и угасали искрами на хрустальных подвесках. Возле мясистого мужчины стояла бутылка наидешевейшего виски.

— Еще раз примите мои извинения, — голос был жесткий, как сухарь. — Сами понимаете, поезд закрытый, а времена сейчас сложные. Позвольте представиться, Николай К., член совета директоров корпорации «Роспром», руководитель подразделения

² Тебе не все ли равно, ты, старый сапог? (*груб. нем.*)

по восстановлению технологий. Это мой друг Слава, депутат Государственной Думы, — роспромовец указал сигарой в сторону сидящего за этим же столиком мужчины примерно тех же лет с редущими, бесцветными волосами.

— Очень приятно, — солгал я. Николай мне откровенно не нравился. По какому-то взаимному негласному решению мы не стали обмениваться рукопожатиями.

Присутствующих за столиком двух дам роспромовец не представил. Рядом с депутатом Госдумы сидела очень молодая девушка с густыми каштановыми локонами, одетая в красное коктейльное платье. У нее были большие, слегка томные глаза; мне она напомнила старшекласницу, в сумочке у которой лежат только пачка сигарет и дневник с тройками.

Совсем не такой была черноволосая женщина, сидящая возле роспромовеца. У нее, так же как и у подружки депутата, не было кольца на безымянном пальце, но ей явно было около тридцати лет. Ее стройную фигуру облегалo строгое черное платье; на шее матово мерцало жемчужное ожерелье. Она с осторожным любопытством посмотрела на меня изящными, слегка миндалевидными карими глазами.

— Мы возвращаемся домой после небольшого отдыха в санатории, — пояснил роспромовец, затянувшись сигарой. — Работа страшно изматывает, поэтому мы устроили трехдневный отпуск. Сейчас на Черном море ужасно штормит, а здесь, в Минской Государственной Республике, всегда превосходный сервис. Сказывается близость к Европе.

Он остановился, внимательно глядя на меня. Настала моя очередь; я назвал себя.

— ...Будучи сотрудником третьего отделения, еду в Москву для проведения исторической консультации, — договорил я. — Но не могу рассказать об этом подробнее, потому что наверху этого не одобряют.

— В таких вопросах требуется соблюдать высшую степень осторожности и деликатности, — продолжал роспромовец, — возможно, что когда-нибудь вам потребуется надежный и хороший человек, который, помимо безупречных характеристик, будет обладать знанием английского языка. И я в таком случае хотел бы предложить вам кандидатуру моего сына Вадима.

Мне принесли чай. Я размешивал сахар, слушая роспромовеца.

— Не подумайте, что я занимаюсь протекционизмом, — неторопливо продолжал он. — Уверяю вас, — его рука слегка стукнула кончиками пальцев по столешнице, чуть смяв скатерть, — мой сын уже прекрасно устроен в Роспроме, он занимает ответственную должность и имеет все шансы сделать блистательную карьеру.

При таком отце я бы ни на секунду бы не усомнился в этом.

— Вадим учился в специальной закрытой школе для одаренных детей, — пояснил мне заботливый отец. — Это была добротная школа с высоким качеством обучения, без уроков патриотизма, религии и любви к родине. Мой сын имеет склонность к английскому языку. Я позаботился о том, чтобы он обучался частным образом у лучшего репетитора Москвы, и могу с гордостью заявить, что это дало отличные результаты. После школы он устроился работать директором структурного подразделения в Роспром, но это совершенно не мешает ему учиться в Институте международных отношений. К сожалению, в настоящий момент, его знания не могут найти себе должного применения. За последние двадцать лет Министерство иностранных дел потеряло всякий вес. Поэтому мне хотелось бы рекомендовать вам своего сына. Вот, прошу, возьмите мою визитку.

Визитка была сделана из дорогого тисненого картона, с золотыми буквами и ярким, броским логотипом Роспрома. Убирая ее в сумку, я подумал, что двенадцать часов назад банкир тоже давал мне свою карточку. Не прошло и суток, как его арестовали.

— Я полагаю, — слегка наклонив голову, произнес роспромовец, — что вы уже обеспечены всем необходимым, и даже более. Однако я не исключаю, что вам однажды

может понадобиться... мм... совет друга. В таком случае вы можете смело обращаться ко мне. Я окажу вам любую помощь, которая будет в моих силах, и, возможно, когда-нибудь и вы сможете помочь мне.

Боковым зрением я заметил движение. По коридору вагона-ресторана, шатаясь, шел к выходу Анатолий. Поезд начал поворачивать, и журналист пролетел вперед несколько метров, едва не врезавшись в дверь. Тем временем роспромовец поднял со стола широкий гладкий бокал.

— Вот самый простой пример. Я очень люблю виски, — пояснил мне мой собеседник, крутя в руке почти пустой бокал. — Я всегда рад помочь своим друзьям из Управления внешней торговли. А они помогли мне попасть в список лиц, имеющих право заказывать товары за рубежом. Я умею решать даже самые сложные проблемы...

Анатолий, стоя в двери, повернулся, презрительно присматриваясь к нашему столику. Мне показалось, что он меня не узнал.

— Ты лекарства себе достань, «решатель», — с вызовом бросил он роспромовец и, не дожидаясь ответа, исчез в коридоре.

Роспромовец с неприятно дрожащей верхней губой посмотрел вслед и, тяжело вздохнув, бросил бокал вслед исчезнувшему журналисту. Ударившись в стену, бокал разлетелся градом осколков, едва не задевших отшатнувшегося швейцара.

Роспромовец попытался встать, но не смог. Гнев и алкоголь не дали ему это сделать. Тогда он просто ударил кулаком по столу. Огоньки свечей вздрогнули. Тихо зазвенели подвески жирандоля.

— Лекарства, значит, — зло сказал он и скверно выругался. — И ради этих людей я работаю!

Выругавшись еще раз, роспромовец взял у почтительно подбежавшего официанта новый бокал и, налив в него виски из стоящей рядом бутылки, выпил.

— Вот вы сами видите, как важно, чтобы вокруг были хорошие люди, — бросил он мне. — А я, человек, не шадящий себя, должен ехать в одном поезде с какими-то хамами!

— Журналисты, — многозначительно сказал депутат, складывая руки домиком. — Что с них взять.

Роспромовец в гневе потряс рукой и повернулся к своему соседу. Не имея под руками журналиста, он решил сорвать злость на депутате.

— Слава, почему бы вам не заняться законами хотя бы о поездах и санаториях? Примите соответствующий закон, чтобы нормальным людям можно было ехать в подходящих условиях! Вы в Госдуме занимаетесь чем угодно, только не делом.

— Николай Олегович, — нерешительно начал защищаться депутат, придерживая кончиками пальцев полупустой бокал портвейна, — ну вы же не хуже меня понимаете, что депутат Госдумы — это абсолютно бесправное существо...

— Слава, разреши тебе не поверить, — прямо сказал роспромовец. — Ты не бесправное существо, а бесполезное. У вас из десяти законов девять можно печатать в газетной рубрике анекдотов. Чего только стоит ваш закон об отмене инфляции. Нет, это, конечно, прекрасно, но...

— Извините, — упорно пытался реабилитироваться депутат, — но вы же прекрасно знаете правила работы депутата. У нас негласная разнарядка: каждому депутату в год предоставить не менее трех патриотических законопроектов. Не можешь? До свидания; на твое место очередь желающих. И только со стороны кажется, что три проекта в год — это легко... — депутат обвел всех присутствующих взглядом, — ведь нас в Думе четыреста пятьдесят, и за долгие годы придумано все, что только можно. Мы ведь принимаем только один закон из четырех... — начал он.

По ресторану, странно глядя на нас, прошел мужчина, опирающийся на трость. Он был совершенно лыс и очень худ. Темно-серый пиджак висел на его острых плечах. Казалось, что если через окно ворвется случайный сквозняк, то унесет мужчину вместе с тростью.

— Вы видите? — респромовец наклонился ко мне. От него пахло ароматами шотландского погребка. — Вы видите, в каких условиях мы строим Россию? Это сейчас я еду с вами и попиваю виски. А завтра президент задаст мне вопрос: Коля, почему ракета, ради запуска которой нам пришлось ввести акциз на крупы, не взлетела? Стране нужно запускать спутники телевидения в космос взамен упавших, а ты нам не даешь этого сделать...

Не договорив, респромовец со всей силы затянулся сигарой, едва попав ею в рот.

— И может быть, уже на следующее утро, — продолжил он, — ко мне постучат в дверь, отвезут в один большой дом на Александровском валу, прикуют наручниками к батарее и зададут тот же вопрос, но только уже не в риторической форме... Как можно запустить ракету в этой стране, где вокруг одни лентяи и бездарии?! — зло воскликнул он. — Никто не хочет работать. Все только и умеют, что качать права и чего-то требовать. Если бы они работали столько, сколько болтали, то у них давно было бы все, что они хотят. Но ведь никто не хочет ничего делать, пока их не заставишь! Я работаю как проклятый и всего в жизни добился сам! Наш народ не понимает, что достичь чего-то в жизни можно только тяжелым трудом! А иначе никак! Проклятые лентяи! Бесплезная страна! Бесплезное население!

Я воздержался от ответа, допивая чай. Разговор затих. Вагон слегка встряхнуло на повороте. Респромовец медленным движением поднял руку и пьяным взглядом посмотрел на часы.

— Мне пора, — заплетающимся голосом сообщил он, протягивая руку. — Помни про моего сына.

Мы остались втроем.

— Будете? — спросил депутат, беря в руки почти опустевшую бутылку виски и наливая сначала себе, потом сидящей рядом девушке в красном платье.

— Не откажусь, — сказал я. Депутат, в силу своей полной бесхребетности, выглядел значительно приятнее олигарха из Роспрома. С ним можно было и выпить.

Мы допили оставшийся после респрововца виски. Девушка в красном платье выпила одним глотком свой бокал так непринужденно, словно это был лимонад «Бурадино». Депутат крикнул и, поставив бокал на стол, убрал опустевшую бутылку в дорожку, но явно неновый кожаный портфель.

— Я собираю бутылки, — пояснил он, заметив мой удивленный взгляд. — Потом в них можно налить крепкий чай и поставить в кабинете. У меня там специальный застекленный шкаф с коллекцией зарубежных бутылок. Это выглядит очень respectfully. Правда, приходится прятать мою выставку от начальства, а то они потребуют мой «алкоголь» себе, и получится конфуз, которого мне не простят...

— Ваш друг тоже явно не склонен прощать, — как бы вскользь заметил я.

— Николай Олегович иногда высказывается слишком радикально. Я вижу, что вас немного взволновала гражданская позиция моего друга, — сказал депутат, закусывая мидией. — Не пугайтесь. На самом деле он очень добрый человек и ответственный руководитель. Перед ним сейчас стоит очень сложная задача: запустить ракету в космос. Августейший президент очень недоволен обилием аварий на старте. Николай собрал по всей России группу инженеров, способных восстанавливать и запускать в производство проекты старой техники прошлого века. Средний возраст этой группы инженеров превысил семьдесят лет, а молодые специалисты не могут рассчитать даже не-

сущую балку... Собственно, это одна из причин, по которой никто не рискует летать самолетами. Во-первых, нужно специальное разрешение, а во-вторых, самолеты слишком часто разваливаются на лету. Никак не удастся поднять уровень производства, сколько ни штрафуй людей. А кстати...

Здесь депутат немного помялся.

— Скажите, — как-то нерешительно произнес он, с трудом решаясь продолжить. — Конечно, этот слух ходит уже с десятков лет, но, может быть, в следующем году, после перевыборов... если все пройдет нормально... может быть... он разрешит нам покупать лекарства? Ну почему нельзя? Мы ведь за свои деньги... там ведь хватит одного слова «да»...

Он поднялся со стула. Мы распрощались. Вместе с ним ушла и девушка в красном платье, повиснув на шее депутата.

Вагон-ресторан уже был пуст, и лишь швейцар стоял у выхода, словно часовой у ворот крепости. Повернув позолоченную резную ручку, я вышел в тамбур. Темные окна казались зеркалами, обрамленными бархатом штор. На стене была закреплена стойка с прессой. Увидев пару интересных заголовков, я взял газету и положил в сумку, чтобы прочитать перед сном.

В зеленом вагоне меня встречали.

— Я ждал вас, — сухим голосом сказал мне лысый и очень худой мужчина, который раньше смотрел на меня в ресторане. Одной рукой он держался за стену, а другой опирался на трость. На вид ему было лет семьдесят. На этот раз он был без пиджака; острые плечи просто прорывали рубашку. Надбровные дуги нависали над ввалившимися глазами. Сухая кожа напоминала пергамент. Незнакомец выглядел ужасно.

— Да? — поинтересовался я без особого участия. — И что же вы хотите?

— Я знаю, кто вы, — заявил неизвестный, покачиваясь вместе с вагоном. Мне это уже начало немного надоедать. Конечно, за сегодняшний вечер я познакомился со значительным количеством амбициозных людей, но всему есть свои пределы.

— Я консультант. Третье отделение... — начал было я, как вдруг лысый незнакомец меня перебил.

— Прошу, не надо этого, — сухо сказал он. Его голос был колючим и хрупким, как ветка боярышника. — Если желаете, вы можете назваться хоть рыцарем круглого стола. Я хочу предостеречь вас.

— От чего именно?

— Об этом лучше не говорить в коридоре. От вас мне потребуется только пять минут. Прошу, пойдемте в мое купе.

Похоже, у меня сегодня бенефис, сказал я сам себе, следуя за моим провожатым. Почему-то подумалось, что ему бы очень пошли балахон из дерюги, фонарь и посох. Если к этому образу удалось бы добавить лодку, ночь, туман и реку, то таинственный незнакомец становился определенно похожим на Харона, перевозчика человеческих душ.

Несостоявшийся Харон правительственного поезда занимал роскошное одноместное купе, обставленное в стиле эклектичного барокко. Я разместился на мягком стуле, обитом золотистым жаккардом.

— Я знаю, кто вы, — упрямо повторил он.

— Прекрасно. Я тоже знаю, кто я. Так что же вы хотели сказать мне?

Взгляд Харона снова попытался обжечь меня.

— Вы дурак, — наконец произнес он с видимым усилием и немедленно развернул свою мысль. — Вы отдались восьмому, самому страшному смертному греху, который наказывается еще при жизни. Этот грех — глупость. Сидите!

Я шевельнулся на стуле.

— Полагаю, — продолжал Харон, — вы единственный человек, который приехал в Россию за тридцать лет. Вы знаете наш язык и аутентично выглядите. Я полагаю, что вы сын эмигрантов из России, родившийся за границей. У вас начался зуд в душе, и вы попались на крючок одной из наших государственных служб, поверив их рассказам. Вы теперь едете в Москву, не зная, что вас ждет.

— И что же меня ждет?

— Вот видите, я раскусил вас с первого раза. Я ведь знаю, как отличить нашего от не нашего. А они не знают. Они молоды и глупы, они не видели того, что знаю я. А вы — дурак. Дайте угадаю, вам предложили золотые горы? Нет, не предложили? Возможно, вам сказали, что ваша родина нуждается в вас и только вы можете ее спасти? А? Ведь было так?

— Нет, но близко, — признался я.

Харон снова засмеялся. В его смехе было что-то потустороннее.

— Наверное, — продолжил Харон, — у вас есть выездная виза?

Я ничего не сказал.

— Я же знаю, что есть. Я все вижу по вашим глазам. Вы приехали оттуда, значит, вы выездной. Вы приехали сюда, и, значит, вам можно доверять.

— И что?

— А то, что вас сделают парламентаром и немедленно отправят за границу. Вы привезете за рубеж недобрую весть. С такими вестями лучше туда не отправляться. Возможно, что однажды вас не станет. Идеальное политическое убийство — это когда вас на машине собьет сын прокурора. Он наверняка будет несовершеннолетним. Следствие установит, что вы сами бросились к нему под машину, желая нанести вред члену семьи госслужащего. Это классика...

— Почему вы мне говорите об этом? — настороженно спросил я.

Снова смех. Сейчас это показалось мне слишком театральным.

— Потому, что вы дурак. Вы садитесь играть в карты с шулерами государственных масштабов. Вам говорят, что на кону судьба России, но на самом деле там ваша жизнь.

— А для чего вы мне это говорите?

На этот раз Харон не засмеялся.

— Чтобы вы не падали в пропасть так быстро! — наклонился он в мою сторону. Его пальцы снова с силой сжали рукоять трости. — Бегите, при любой возможности — бегите. Попробуйте выйти в Орше и добраться до границы. Угоните машину. В крайнем случае спасайтесь на электричках. Не верьте никому, даже мне, даже себе. Если вас пошлют за границу — соглашайтесь на все, а потом просто не возвращайтесь оттуда. Оставайтесь там, откуда вы приехали.

— Вы говорите очень смелые вещи, — сказал я. В самом деле, еще никто так прямо не предупреждал меня о грозящей опасности.

— Я тоже дурак. Мой отец говорил мне: «Беги! Бери пример с меня!» К тому времени он уже вывел почти все свои деньги за границу и сам уехал туда. Как назло, у меня тогда был невиданный карьерный рост. Еще один выгодный транш, еще один крупный откат, говорил я себе. Свою жену я отправил рожать во Францию. Я бы никогда не доверил своего ребенка отечественной медицине. Мой сын к тому времени уже учился в Лондоне, в прекрасной частной школе. Через неделю границы закрыли навсегда. Мне сказали, что у меня родилась дочь, и это все.

Он перевел дыхание и тяжело сглотнул.

— Я едва помню своего сына, и я никогда не видел свою дочь. Наверное, она сейчас чуть постарше вас. Вы не представляете, насколько это страшно — оказаться от-

резанным от своей семьи. Я богат, я очень богат. Но что толку от моих денег? Нет, вы не знаете того, что знаю я, — произнес он, перенапрягая мышцы лица. Казалось, что со мной сквозь мрак тысячелетий разговаривает мумия. — И вы не видели того, что видел я. Но вы можете меня понять. Все те идиоты, что едут с нами, даже не представляют, что когда-то было по-другому. Предел их мечтаний — это дача в Крыму и «бентли» тридцатилетней давности. Они даже не могут представить себе, что такое — счет в Швейцарии, вилла во Франции, образование в Лондоне, лечение в Израиле и яхта на Канарах. О чем можно говорить с такими людьми? У меня было все, а теперь я одной ногой в могиле, и журналисты будут плясать на моих костях, — медленно продолжал Харон. — Я сделал невиданную карьеру, но социальный лифт не поднимает на верхний этаж. Никто из посторонних не может войти снаружи в Бессмертный список, а оттуда к себе не зовут.

— Куда войти? — спросил я.

Харон ответил не сразу, изучая меня пристальным взглядом.

— Вы правда этого не знаете? Бессмертный список — это люди, для которых за границей закупаются геронтологические лекарства. Президент и все его двадцать друзей. С семьями наберется человек сто пятьдесят. Прогресс обогнал Россию. За границей живут двести лет. Для этого есть удивительные препараты. Поэтому вся Россия работает на лекарства для этих... — здесь Харон употребил ряд выражений, которые бдительный цензор 2057 года мог бы квалифицировать как тяжкое оскорбление должностных лиц. Лекарства недорогие. По крайней мере, сейчас. Четверть века назад на их закупку тратился весь бюджет страны. Сейчас благодаря достижениям зарубежной фармацевтики они стоят копейки. Пять миллионов рублей в месяц — это смешная цена за жизнь. В России много денег. Хватило бы на лекарства всем нам, всему правительству. Вот только Бессмертные не горят желанием впускать посторонних в свой уютный клуб людей, имеющих право на закупку зарубежных лекарств. Им разрешено жить. А мне нельзя, и я умираю от рака.

Харон неприятно, гулко и противно закашлялся. Это было похоже на стук комьев земли, падающих на крышку...

Он тяжело вздохнул и продолжил.

— Вы поедете за границу, — уверенно сказал Харон. — А я, замминистра, пойду в Каносу. Я умоляю вас...

Открыв портфель из черной блестящей кожи, Харон выдернул какой-то документ и написал на обороте несколько строк. Его рука дрожала.

— Этого мне уже не простят, но я рискну. Я умоляю вас, найдите мою семью. Вот адрес виллы, которая была у моего отца. Швейцария, неподалеку от Лозанны. Надеюсь, они еще живут там. Они могут оказать влияние. Наш президент пойдет на все что угодно ради международного признания. Умоляю вас, просите за меня. Может быть, моя семья сможет договориться о том, чтобы меня выпустили за рубеж. Это моя последняя надежда, один шанс из ста.

— Мне пора спать, — честно признался я, поднимаясь со стула. Был третий час ночи. — Если меня выпустят за границу, то я помогу вам. Держитесь.

Харон не ответил. Острые плечи дернулись. Раздался всхлип.

Когда я наконец вернулся в свое купе, то увидел, что меня на полу ждут знакомые белые тапки с гербом. Моя ветровка висела на крючке. На столе лежал билет с золотым тиснением. Постель уже была расстелена. Похоже, что ключи от моего купе имелись не только у меня.

Я открыл окно и с жадностью вдохнул холодный, уже ноябрьский воздух. Протиснуться наружу не удалось бы никоим образом, но у меня еще оставалась возможность хотя бы дышать свежестью.

С превеликим наслаждением я скинул ботинки. Бархат ковра на полу приятно охладил уставшие за день ноги. Повернув щеколду на двери, я устроился поудобнее на мягкой полке. Спать почему-то не хотелось.

Вспомнив, что у меня в сумке лежит газета, я решил просмотреть ее. Прямо под заголовком «Российская государственная газета» крупный шрифт извещал, что все сведения, изложенные в газете, составляют государственную тайну третьей категории. Лицам, не имеющим соответствующей группы допуска, категорически запрещалось знакомиться с изложенными здесь материалами. Для сомневающихся имелась отсылка к неизвестной мне статье Уголовного кодекса, где в скобках значилось зловещее «до пяти лет».

Подумав, я все же решил читать дальше, надеясь, что я как государственный советник второго класса и третьего отделения канцелярии президента все же обладаю нужным допуском. К тому же, сказал я себе, раз эта газета лежит в свободном доступе, то, видимо, читать ее не возбраняется всем пассажирам правительственного поезда.

Эта газета значительно отличалась от прочитанных мною ранее. В материалах чувствовалась какая-то честность.

Главной темой первой полосы были недавние выборы в регионах. Выборы прошли замечательно, за исключением того, что на них никто не пришел. Жители Брянской, Волгоградской, Калининградской, Нижегородской и других областей отнеслись крайне халатно к выборам. Хуже всего было в Тверской области, где фактическая, а не «приписанная» явка составила всего два процента.

Полным ходом шло обсуждение налоговой реформы. Видные финансовые деятели утверждали, что от имеющегося двадцатипятипроцентного подоходного налога граждане уклоняются, просто работая «вечерную». Преодолеть это затруднение планировалось с помощью новых акцизов, пошлин и сборов, избежать которых было значительно сложнее. Помимо этого, финансисты предлагали использовать автомобильный опыт и ввести обязательное страхование жизни, здоровья и жилья всех жителей России.

Целый разворот была посвящен своеобразному боксу по переписке между весьма высокопоставленными лицами. Дело заключалось в том, что вице-премьер по гражданскому надзору с большой гордостью недавно представил августейшему президенту программу поголовного вживления микрочипов всему населению России. Эти микрочипы, содержащие в себе сведения о федеральном номере носителя и его других данных, должны были значительно упростить надзор за общественной безопасностью. Президент всецело одобрил эту программу.

Следующая статья показывала, что жизнь чиновника в России нелегка. Так, трагедией закончился визит премьер-министра во Владимир. Правительственный кортеж во время поворота отклонился от маршрута движения на полметра, и машина застряла в яме, прикрытой картоном с нарисованным асфальтом. Пока вытаскивали автомобиль, премьер вышел наружу. По драматичному стечению обстоятельств в этот момент с трех домов начали отваливаться листы бумаги с нарисованной кирпичной кладкой.

«Где же тот капремонт города, на который мы выделили вам деньги?» — поинтересовался премьер у градоначальника. Последний зарыдал, бессвязно повторяя слова «Госдеп США», «всюду вредители» и «зарубежные агенты влияния».

Подул ветер, и с одного из домов унесло крышу. В падении она сорвала огромный тент, закрывающий вид на две пятиэтажки, сгоревшие еще в прошлом году.

«Я жду вас через месяц в Кремль на Игру, — холодно сказал премьер. — И я сделаю все, чтобы именно вы достали из портфеля бумажку с крестиком».

Вслед за этой новостью шла большая статья, словно извлеченная из журнала «Домашний умелец». Она начиналась со слов о том, как важно иметь чувство меры в оптимизации выделенных средств.

«Экономить на имитациях просто преступно. Вы можете оптимизировать в свой карман вплоть до девяноста процентов бюджета, — сообщил автор, — но при этом ваше положение будет шатким. Трагедия во Владимире служит ярким тому примером. Что стоило градоначальнику брать чуть меньше? Оставшейся в бюджете разницы вполне бы хватило на подсыпку шлака под асфальтокартон. Хватило бы и денег для надежного крепления бумаги с рисунком кирпичной кладки. Мэр решил сэкономить и на этом, закрепив ее на двусторонний скотч. Продельывать такую халтуру в ожидании приезда премьер-министра было очень рискованным шагом».

Далее шел длинный ряд практических рекомендаций, которые позволяли за пару недель привести запущенный город в относительно приемлемый вид при помощи ДСП, кирпичей, краски и пенопласта.

Вслед за этим шли судебные новости. Российское правосудие столкнулось с непротым случаем: где-то на свадьбе в Москве семеро граждан Исламского Государства Северного Кавказа стреляли в воздух из автоматов Калашникова. Адвокаты ссылались на то, что это допускается федеральным законом «О защите народных традиций граждан ИГСК». Сторона обвинения возражала: фигуранты дела стреляли прямо на крыльце Измайловского загса, а не на минимально предписанном расстоянии в пятьсот метров от ближайшего учреждения власти. Помимо этого, задержанные не имели при себе требуемой законом аптечки. Прокуратуре, требовавшей для нарушителей пятнадцать суток общественных работ, возражали сразу пять видных северокавказских политиков, обвиняя обвинителей в излишней и неправосудной строгости, за которой явно просматривалось неуважение к традиционным ценностям северокавказских народов. Один из высказывавшихся в ультимативной форме требовал, чтобы судьи немедленно принесли публичные извинения перед несправедливо оклеветанными жертвами российской юстиции, прозрачно намекая, что жители ИГСК могут стрелять не только в воздух. Другой же политик разразился впечатляющей по накалу эмоций обличительной речью. В пяти предложениях он смог употребить словосочетание «русский фашизм» целых семь раз; по всей видимости, в газете сэкономили на услугах литературного редактора.

Вслед за этим шли новости политической безопасности. Пересматривалось дело видного минского оппозиционера Д. По материалам следствия, обвиняемый неоднократно рассказывал друзьям, что МГР следует расшифровывать, как «Марионеточное государство России». Минский суд дал оппозиционеру семь лет за клевету, подрывы государственного строя и измену родине. Вскоре в Минск позвонили из Министерства юстиции России, сообщая о том, что здесь вполне хватит и трех лет. Минский суд незамедлительно согласился с этим решением, и оппозиционер был урезан в своем приговоре.

Поезд начал замедлять ход. Свернув газету и бросив ее на стол, я отдернул шторм. Мы въезжали в какой-то городок. Редкие светящиеся окна домов казались светлячками во тьме. Орша? Харон предлагал мне бежать именно здесь. Может быть, и вправду, выскочить на перрон, угнать тепловоз, прорваться за границу через перегон Гердава—Скандава?.. Что за безумные идеи?

Мы проехали через станцию не останавливаясь. На маленьком одноэтажном здании мелькнула надпись «Толочин». Стоявший на перроне железнодорожник с фонарем проводил наш поезд равнодушным взглядом, перед тем как исчезнуть.

От разочарования мне захотелось пройтись по своей золотой клетке. Я надел ботинки и вышел в коридор. Я открыл дверь вагонной уборной, оформленной в стиле ампира. Стены украшали барельефы с копьями, щитами и ликторскими пучками. Открыв кран, я набрал в ладони холодной воды и с наслаждением умылся. Опира-

ясь на мраморную раковину, я посмотрел на себя в зеркало. Неужели это все сейчас со мною происходит?

Мне отчетливо захотелось сбежать. Уйти в плацкарт, где меня встретит пустая полка. Дождаться Орши и выйти на остановке. Да что угодно!..

Я скептически покачал головой. Поезд неотвратно нес меня в Москву, и это движение было не остановить. Приняв это как данность, я покинул ватерклозет.

Только сейчас, когда купе прекратило отражаться в оконном стекле, можно было различить мир, через который мы неумоимо мчались вперед. Света, падающего из окон поезда, хватало только для того, чтобы едва-едва высветить узкую десятиметровую полосу и идущую рядом линию рельс. Мелькали какие-то кочки, кусты и одинокие деревья. Дальше начиналась тьма.

На переезде одиноко мигал в ночи предупреждающий светофор. Где-то в водной глади незнакомого озера отразилось небо с огромным Орионом и ярким семизвездием Плеяд.

Уже давно было пора лечь спать. Я лежал на спине, снова ощущая всем телом поезд. В своем движении он дрожал от собственной мощи, словно какое-то исполинское животное.

Обилие впечатлений и наблюдений сегодняшнего дня поражало. В самом деле, я мог бы сесть и написать неплохую книгу о моем путешествии по России будущего. Или же, наоборот, написать и сесть: никогда не знаешь заранее, когда доведется прокатиться казенным плацкартом в Сибирь. Увы, такой вариант придется иметь в виду: если ты решишь эпатировать российское общество, то вполне возможно, что российское общество решит этапировать тебя. По моим наблюдениям, в России будущего (впрочем, как и в России всех времен) можно было делать все что угодно, кроме как называть вещи своими именами, особенно в письменном виде. Я вспомнил, как на лекции в университете один преподаватель долго и упорно критиковал иностранных путешественников, неслестно отзывавшихся в своих книгах о Московском царстве. Лектор так ругал Джерома Горсея, Джайлса Флетчера и Сигизмунда фон Герберштейна, словно это именно они, желая максимально навредить стране, устроили в ней царскую деспотию, рабское положение жителей, террор опричников и крепостное право, а напоследок, желая ослабить военную мощь нашей отчизны, велели чистить ружья кирпичом. Право, подумал я, окажись фон Герберштейн на месте Малюты Скуратова, к нему в России относились бы снисходительнее. Или нет, тут же поправил я себя: проливать русскую кровь позволено только русским. Иностранцев за это ругают. Осуждают и тех, кто об этом пишет. Впрочем, я уже был морально готов к тому, чтобы пойти по стопам Александра Радищева и маркиза де Кюстина, продолжая традицию написания горьких заметок о путешествиях по России. Оставалось только придумать какое-нибудь броское название для книги.

«Калининград—Москва»? «Записки путешественника из Калининграда в Москву»? «Зерноферма»? «Россия в 2057 году»? «Москва-2057»? Или же упростить до предела, назвав свою книгу «2057»? А может быть, использовать тонкую аллюзию к температуре выпекания хлеба и озаглавить рукопись «Сто восемьдесят градусов по Цельсию»? Нет, все это уже где-то было. Вариант «Как проржавела сталь» настраивал на приятный индустриальный лад, но все же был сочтен мною слишком бульварным. В идеале же мне хотелось бы дать произведению броское, запоминающееся и в то же время ничего не означающее название, имеющее лишь опосредованное отношение к сюжету книги. Я решил отложить этот непростой выбор до лучших времен.

Поезд разогнался во всю мощь. Я чувствовал, как подрагивает состав от той титанической силы, что увлекает его вперед. Сквозь полудрему мне казалось, что меня не-

сет вдаль какое-то огромное существо, гигантский рукотворный дракон, с которым мы слились воедино. Где-то вдалеке за окном мелькали незнакомые огни, вспыхивая, словно метеоры, и тут же пропадая из виду.

Мне представился наш поезд с высоты птичьего полета: он показался мне гигантской кометой, несущейся сквозь время и пространство. Магнитогорская железная руда, кемеровский уголь, труд екатеринбургских металлургов, работа новочеркасских локомотивостроителей, расчеты московских инженеров соединились в то неостановимое нечто, что увлекало меня вдаль. Мимо нас проносились и проносились встречные эшелоны с зерном, идущие навстречу мне, на запад. Составы с зерном мчались в метре от меня, и я видел в полусне хлеборобов Кубани и Черноземья. Я видел солдат Трудовой армии: зеленых новобранцев, не умеющих отличить пшеницу от ржи, и опытейших дембелей, способных вырастить зерно даже на скалах Эльбруса. Перед мной колосились бескрайние брянские и воронежские поля золотого хлеба. Я слышал рев тракторов, режущих стальными плугами землю, и мерный рокот комбайнов, жнущих урожай. Я видел, как падает зерно по весне в мать-сырью землю и как наливаются под солнцем колос. Казалось, что вся Россия проносится сейчас мимо меня.

Я засыпал, и события сегодняшнего дня проносились яркими шумными картинками перед моим внутренним взором. Внезапно поезд показался мне Россией, уменьшенной и концентрированной. Это было одно из тех озарений, что приходят или в первые пять секунд перед сном, или в первые пять секунд после пробуждения. Колоссальное, поражающее воображение чудо мчится по железным полосам рельс. Как оно выглядит со стороны в своем движении? Что за невообразимая сила неустанно крутит колеса, увлекающие поезд вперед? Пусть начальство поезда не отличит дрезины от локомотива, пусть оно подавится от жадности в своем богатстве, ведь, к счастью, еще есть машинисты, благодаря которым мы мчимся по бескрайним просторам, и есть проводницы, которые помогут в дороге. Пусть в обычном вагоне-ресторане подадут дорогую овсянку, а в правительственном дешевого осетра, пусть в плацкарте ты спишь под неумолчный храп соседей, а в купе наслаждаешься комфортом, — все равно, и плацкарт, и спецвагон движутся в одном эшелоне и с одной скоростью. В плацкарте тебя от души угостят самогоном и картошкой, если тебя не арестует полиция за то, что ты не закусываешь. В правительственном тебе расскажут, как лучше заработать, продавая по кусочкам эшелон, а потом, возможно, и там обнаружатся люди, благодаря которым поезд еще не сошел с рельс. А пока не сошел — мчится стрелой Аримана великий поезд, освещая себе путь ярким прожектором, и сияет в ночи на тепловозе двуглавый медведь!

В час быка, в самое глухое время суток, в четвертом часу после полуночи, разделяющей 31 октября и 1 ноября, в ночь черного самайна, поезд, не сбавляя хода и не останавливаясь, пересек границу Минской Государственной Республики. Я оказался в России.

Смоленск—Вязьма

Наконец из Кёнигсберга я приблизился к стране,
Где не любят Гутенберга и находят вкус в г...
Выпил русского настою, услышал «... мать»,
И пошли передо мною рожки русские плясать.

Николай Некрасов, 1881

Мне так и не удалось выспаться. Я спал и видел сны, неотделимые от реальности. Где-то позади осталась таинственная Орша, в которой Харон предлагал мне бежать

с поезда. Потом сквозь сон я увидел фисташковое здание смоленского вокзала, но до конца не понял, существует ли этот Смоленск в действительности или же лишь в моем воображении?

Поезд ощутимо вздрогнул на повороте, и я проснулся окончательно. Я приподнялся на локте, выглядывая наружу.

Небо уже начало светлеть, и мы ехали сквозь синие сумерки. За окном виднелись какие-то дачи и дома.

Одной из удивительных особенностей поезда Калининград—Москва является то, что в нем можно заснуть в одной стране, а проснуться совсем в другой. Ночь разделила прошлое и настоящее. Все было каким-то странным, словно воспоминание о давно увиденном и забытом фильме.

Здесь, в России, уже вступила в свои права поздняя осень. Деревья утратили листву, возвышаясь черными силуэтами в сыром утреннем тумане. На их ветках не было привычной омелы. Мелькнула крохотная станция с беленым домиком. Вдоль незнакомой улицы неизвестной деревни стояли деревянные дома с облупившейся, потерявшей цвет краской. Казалось необычным, что эти деревенские дома — не краснокирпичные и что на покосившихся столбах нет аистиных гнезд. Руины немецкой кирпичи смотрелись бы куда более знакомо. К родной печальной разрухе я как-то привык за свою жизнь, но разруха российская казалась чуждой.

Мы ехали какой-то болотистой низиной. Над водой белыми призраками вставали клочья тумана. Низину сменил хмурый лес, после которого появились несколько бескрайних полей, полностью заросших борщевиком. В синих сумерках его зонтики возвышались, точно какие-то сказочные джунгли. Вслед за полями борщевика выскочили сразу три покосившихся деревянных дома с заколоченными окнами и тут же скрылись, уступив место новому огромному полю борщевика. Посреди него стоял полувросший в землю ржавый трактор, укутанный туманом.

Мы проехали еще одну деревню, казавшуюся необитаемой. Из трубы дома, похожего на кучу сваленных друг на друга досок, шел дым. Никаких других признаков жизни здесь не наблюдалось. За окном было бесконечное печальное зрелище разрушений и нищеты, словно там шла война, — я бы совершенно не удивился, увидев невдалеке на проселочной дороге отступающих панциргренадеров или грузовик-«студебеккер» с красноармейцами.

За окнами снова появился и пропал лес. Казалось непривычным то, что на деревьях нет омелы. Возле небольшого озера, совсем рядом с железной дорогой стоял остов какого-то барака. Обгорелые черные стропила острыми шпильями устремлялись в небо, напоминая пинакли готического собора. В воде озера отражались синие рассветные облака. Вот такая она, Россия, сказал я себе; поезжай и смотри.

Поезд понемногу сбавлял ход. Какую-то небольшую станцию закрывали собою желтые цистерны в черных потеках мазута. Мне удалось увидеть только окончание «...Деревня». Три железнодорожника опирались локтями на забор, напоминая воробьев на жердочке. С грохотом, прорвавшимся через шумоизоляцию купе, мы пересекли сразу два моста.

Мы прибывали на какой-то крупный вокзал. Всюду, куда хватало глаз, разбегались железнодорожные пути. Колеса отбивали стрелки. У длинного склада песчаного цвета разгружали товарные вагоны. На запасном пути, почти упираясь в тупиковую призму, стояли две очень-очень старых платформы. Куда-то спешил маневровый тепловоз, и медленно шла по путям бригада обходчиков.

Неторопливо, очень неторопливо поезд двигался вдоль перрона. Вдалеке показалось изумрудно-зеленое здание, украшенное белыми колоннами. Крупные буквы славянского шрифта гласили:

ВЯЗЬМА

Во мне шевельнулось и ожило какое-то беспокойство. Мой не то коллега, не то конвоир Алексей опасался того, что здесь нас будут встречать и что эта встреча будет не к добру. С очень легким рывком состав остановился.

Прямо напротив моего окна на перроне стоял крупный мужчина с мясистым лицом, одетый в парадную форму. Судя по блеску звезд на его огромных золотых погонах, он явно занимал какой-то высокий пост. Он посмотрел на меня зверским взглядом серых глаз, и я ощутил ледяную иглу в сердце, остановившемся на бесконечное мгновение. Словно какая-то генетическая память измученного русского народа ожила во мне, и я услышал звон кувалды о рельс, колесный стук вагонов, уносящихся в Сибирь, и рев пароходного гудка в бухте Нагаева; увидел ледяные звезды Колымы через зарешеченное окно барака; почувствовал на языке вкус свекольной баланды с комбижиром, а тело мое пронзил острейший холод. За одну нескончаемую секунду, что мы глядели друг на друга, я остро и безоговорочно понял, что он здесь власть, а все те вице-мэры, олигархи и заместители министров, с которыми я вчера беседовал, всего лишь люди, за которыми еще не пришли.

Ручку двери кто-то дернул, торопливо застучал. Сердце ожило, трепеща в груди.

— Это я! — узнал я крик Алексея. — Открывайте, будем бежать! Все очень плохо!

Прогнав дьявольское наваждение, я вскочил с полки и открыл дверь.

— Скорее! Берите документы! — оглядываясь, кричал Алексей. — К черту брюки, надо бежать!

Я успел надеть ботинки, но не зашнуровать их. Схватив одной рукой сумку с деньгами и паспортом, а другой — свои джинсы, я бросился за Алексеем к хвосту поезда.

— Если что, — наставлял меня Алексей, когда мы двигались по следующему, зелено-золотому вагону, — я задержу их. Бегите в Москву, там вам будет нужно попасть в канцелярию президента. Запомните: Старая площадь...

Этим ранним утром в правительственном поезде было пусто. Возможно, все еще спали. Вагон-ресторан тоже оказался безлюден. Официанты куда-то исчезли, словно предупрежденные своей официантской интуицией о грядущей буре.

— Может, оружие? — на ходу спросил я.

— Никакого оружия! Это будет решаться совершенно не так!

Я было хотел поинтересоваться, как же будет решаться моя судьба, как вдруг мы остановились. Выход из вагона-ресторана был закрыт. Перед нами стоял невысокий худощавый человек в длинном черном кожаном плаще до колен и фуражке с высокой тульей. От плаща отвратительно разило резиной. Поднятый воротник украшали петлицы с двумя крупными золотыми звездами.

— Не торопитесь, — остановил он нас тонким, но истерично-властным голосом. Его тон не предвещал ничего хорошего. — Поезд никуда не спешит. Государственная тайная полиция. Вы арестованы!

Позади наших спин в вагон-ресторан с шумом ввалился крупный мужчина в парадной форме, пронзивший меня взглядом минуту назад. Он тяжело дышал и обливался потом.

— И что это вы, паршивцы, сделали? — гневно проревел он. — Что это за гадкий трюк с питерским поездом? Мы, как дураки, ждем на перроне: пять генералов приехали посреди ночи, мэр Витебска наложил в штаны, губернатор Витебска наложил в штаны, половина Витебска наложил в штаны, прибывает поезд, а там шиш!

— Это было очень некрасиво, — подтвердил невысокий человек в кожаном плаще, придвигаясь к нам. Мы оказались в клещах. — Вы выбрали неудачный способ пошутить с гостапо! Это потянет лет на восемь!

— Если не на десять, — зло сказал крупный. Сейчас я разглядел шеврон на его рукаве. Доберманья голова и метла. Видимо, это и есть та самая федеральная опричная служба, о которой мне рассказывали столько историй. Я даже не мог определить, кто из двух появившихся противников опаснее. Крупный краснолицый опричник мог задрать нас, как свирепый медведь. Тайный полицейский с костлявым лицом мог зарезать, как голодный волк. Я же без брюк стоял посередине между молотом и наковальней, и это было весьма неприятно.

Воспользовавшись секундной паузой, в разговор вступил Алексей:

— Мы — сотрудники канцелярии президента. Вот наши документы. Сотрудник канцелярии не может быть арестован или задержан, кроме как с письменного разрешения на гербовой бумаге, заверенного штампом с двуглавым орлом...

Опричник взял с фортепиано нотный лист и показал его Алексею.

— Вот тебе письменное разрешение, вот тебе гербовая бумага, а вот тебе двуглавый орел. Если не нравится, обращайся в суд... когда выйдешь... если выйдешь... А сейчас, — перевел он свой взгляд на меня, и я снова ощутил холод иглы, нацеленной в мое сердце, — пройдем с нами. Ты арестован. Брюки надевать необязательно.

Я стоял в каком-то странном бесчувственном оцепенении. Когда-то Хемингуэй, вспомнил я, сказал, что сможет написать пронзительный рассказ всего из четырех слов. Я не был Хемингуэем и смог уложиться только в пять: однажды утром за мной пришли.

— Не торопитесь, товарищ генерал-лейтенант! — раздался голос тайного полицейского. — По какому праву вы хотите арестовать этого человека?

Генерал-лейтенант опричнины поджал губы.

— Хочу и арестовываю, — презрительно бросил он.

— Это вы ему скажете, — холодно возразил тайный полицейский, делая шаг вперед. — А со мной такой номер не пройдет. Я ведь его тоже арестовываю.

Опричник неприятно фыркнул.

— Значит, так, — начал он, глядя на меня. — Этот человек совершил ряд опасных деяний. Владение валютой в крупных размерах и незаконные сделки с нею. Одежда иностранного производства, что является подрывом отечественной промышленности и нанесением ущерба российскому производителю. Антироссийская пропаганда зарубежного образа жизни. Экспертиза почерка показала, что он является украинцем турецкого происхождения, что само по себе достаточно для ареста. Этих преступлений хватит, чтобы передать дело в наши руки. Остальное выяснит следствие.

— Правда? — поинтересовался черный плащ. — Так вот что скажу я. Откуда возник этот человек? Его нет в едином государственном реестре физических лиц. Его отпечатков нет во всероссийской биометрической базе. Откуда у него целых двадцать евро? Почему он свободно говорит на двух иностранных языках? И главный вопрос: откуда у него абсолютно настоящий загранпаспорт, выданный абсолютно настоящим бюро и в который вклеена абсолютно настоящая шенгенская виза? Как вы видите, товарищ генерал-лейтенант, эти вопросы находятся уже в ведении гостапо!

Пока два генерала делили меня, я аккуратно надел джинсы и зашнуровал ботинки. Это несколько подбодрило меня. Я уже не чувствовал себя столь беззащитным.

— Вот уж нет, — отрезал опричник. — Знание языков не доказано, загранпаспорт имеет явные признаки подделки. В то же время владение валютой, сделки с нею и подрыв производства уже являются установленными фактами. Реестром физлиц вы никогда не занимались, это исключительно наша прерогатива. Этот человек — изменник родины, и мы следим за ним уже три месяца...

— Это вражеский шпион, и мы следим за ним полгода, — прервал его тайный полицейский.

— Его забираем мы, — безапелляционно заявил опричник. — Так надо.

— Нет, мы! — так же безапелляционно сказал тайный полицейский. — Нам тоже надо.

Дверь вагона-ресторана открылась, пропуская еще одного человека. Новоприбывший был одет в военную полевую форму с тускло-серыми звездочками на погонах. Он был еще ниже ростом, чем тайный полицейский, но крепок телосложением и отчего-то напоминал мне гладко выбритого гнома без секиры, переодетого в камуфляж.

— Полковник З., вторая танковая бригада ОКРАМ! — хорошо поставленным командным голосом объявил он на весь вагон-ресторан. — Имею приказ: взять этого человека под арест, — указал он на меня, — и доставить в штаб армии. При необходимости имею право открыть огонь.

— Правда? — язвительно поинтересовался с другой стороны вагона тайный полицейский. — У меня ведь тоже приказ.

— И у меня приказ, — сказал опричник, преграждая путь танкисту-полковнику.

— А у меня боевой приказ, — с вызовом произнес танкист.

Внезапно с грохотом раскололись все окна вагона. В ресторан черными молниями ворвалась группа захвата в бронежилетах и балаклавах.

— Госгвардия! Всем лежать, руки за!.. — решительным тоном начал один из новоприбывших и тут же осекся, опуская дуло автомата. Государственный тайный полицейский с нескрываемым презрением посмотрел на него и, блеснув звездами на воротнике, процедил:

— А ну брысь отсюда!

Группа захвата исчезла так дисциплинированно и одновременно, что я даже изумился. Если бы не битое стекло и не грязные следы рубчатых ботинок на столиках, я мог бы подумать, что их визит мне лишь привиделся. Из разбитых окон вливался холодный ноябрьский воздух.

— Канальи, — прокомментировал тайный полицейский голосом, полным превосходства.

— Тысяча чертей, — согласился опричник. — Госгвардия выбывает из игры, так что продолжим. Все, у кого на погонах есть просветы, могут быть свободны.

Тем не менее танковый полковник остался на своем месте.

— Мне пригласить сюда для беседы десять прапорщиков на десяти танках? — спросил он. — Напомню, у меня есть приказ открывать огонь при сопротивлении.

Тайный полицейский тяжело вздохнул.

— Товарищ полковник, вам надоели ваши погоны? — спросил он. — Наверняка ваш приказ — устный, и если вы позволите себе хоть что-нибудь, то прикрывать вас никто не будет. В штабе скажут, что вы самовольно угнали танки и открыли огонь. Уже к рассвету с вас снимут погоны, к полудню отконвоируют под трибунал, а к вечеру...

— Почему вы так думаете? — раздался голос у него из-за спины. Там появился еще один генерал в черной форме с золотыми погонами. На его нарукавном знаке были скрещены две гвоздики. — У товарища полковника есть боевой приказ, вы оказываете сопротивление. Боевой долг товарища полковника — открыть огонь.

Отчего-то товарищ полковник не обрадовался ни своему боевому долгу, ни появлению человека с цветами.

— Ну а вам-то что нужно? — с каким-то искренним раздосадованным удивлением спросил тайный полицейский. — Это вообще не ваше дело. Каким боком это касается военной разведки? Вы думаете, что его забросили с парашютом под Брест, чтобы взрывать мосты и сжигать картошку на полях?

— А хотя бы и так, — резко сказал человек с гвоздиками. — Товарищ полковник, будьте готовы в любую минуту открыть...

— Товарищ генерал-майор! — загремел опричник. — Мы старше вас по званию, так что будьте любезны валить отсюда...

— У нас есть ведомственный приказ, который приравнивает мое звание к следующему по списку. Мы равны, так что попрошу...

— Старше всех вас по званию я, — авторитетно заявил усатый пожилой мужчина в казачьей форме, неожиданно появившийся позади опричника и танкиста. — Я — верховный войсковой фельд-атаман Первой Казачьей армии Российской Федерации...

Опричник грубо развернул фельд-атамана и, подтащив к двери, наградил могучим ударом.

Раздался голос человека с гвоздиками:

— Время дорого, а нас ждут в Москве. Я предлагаю отправиться в путь и в дороге решить, кто же арестует нашего гостя.

— Э нет! — снова возразил опричник. — Знаю я ваши штучки! Поезд до Москвы может и не дойти. Все, что происходит в Вязьме, остается в Вязьме.

— Что мы будем делать? — шепотом спросил я у Алексея.

— Держаться. Мне ночью сообщили, что министр уже в пути. Я надеюсь, что хотя бы он...

— Разговорчики! — грубо оборвал нас опричник.

— Федеральное управление безопасности, Лубянка—Якиманка! — провозгласил ощеренной сияющий погонами генерал, внезапно появившись из двери за спиной тайного полицейского. — Этот человек задержан по подозрению в незаконном пересечении границ России и владении документами, несущими явный признак подделки...

— Товарищ генерал-лейтенант, это дело совершенно не относится к вашей юрисдикции, — сообщил новоприбывшему тайный полицейский, опуская руку. — Мы, как равные вам по званию, гарантируем то, что документы этого человека в полном порядке. Вы свободны. До свидания.

В дверь вагона постучали.

— Прошу прощения за беспокойство... — робким голосом произнес появившийся генерал, оглядываясь по сторонам. В руках он взволнованно крутил фуражку с красным околышем. — Следствием установлено, что этот человек, — генерал посмотрел на меня и продолжил затихающим голосом, — в течение двух лет совершил ряд тяжких антигосударственных преступлений, поэтому он подлежит немедленному аресту органами полиции внутренних дел...

Снаружи вагона громко и неприятно залаяли собаки. В одном из разбитых окон показалась голова белого коня. Над головой коня возникла человеческая рука с зажатой в ней «корочкой» документов, и гнусавый голос произнес:

— Федеральная Конская полиция...

Опричник гневно зарычал и с размаху бросил в окно свою фуражку с сине-фиолетовым околышем. Парнокопытное исчезло, издав на прощание обиженное ржание.

— Вы даже не можете выставить нормальное оцепление, — язвительно произнес тайный полицейский.

В ответ снова послышалось опричное рычание:

— Я прекрасно разберусь и без ваших указаний! Низшим чинам не обязательно присутствовать при наших делах.

Снова стукнула дверь вагона-ресторана. На этот раз появившийся человек был штатским. Визитер, облаченный в дорогой, но явно неновый костюм, обладал лицом грустного бассет-хаунда и очками в большой пластмассовой оправе.

— Мы спасены, — еле слышно шепнул Алексей, и в моем сердце затеплилась надежда.

Вошедший остановился и презрительно оглядел всех нас, уперев руки в бока.

— Господин министр иностранных дел, — с показной церемонностью начал тайный полицейский, широко разводя большой и указательный пальцы, — у нас на вас

дело вот такой толщины. Давайте вы не будете открывать рот, а мы не будем открывать ваше дело?

Все это время министр иностранных дел стоял, демонстрируя всем своим видом непоколебимую уверенность и несокрушимость государственной гражданской службы даже перед лицом превосходящей государственной силы. Невзирая на все угрозы, министр открыл рот.

— Что вы натворили? — начал он уверенным в себе голосом. — Вы знаете, что уже к вечеру с вас всех снимают погоны?

Министр иностранных дел обратился ко мне:

— Рад встрече. Нам пора отправляться в путь, господин государственный советник второго класса.

Похоже, тот факт, что я был объявлен во всероссийский розыск, нисколько не мешал мне подниматься по карьерной лестнице.

Опричник шумно втянул воздух. Цвет его лица был настолько рдеющим, что казалось, сейчас вместо приставов придут пожарники и выпишут ему штраф за нарушение пожарной безопасности.

— Значит, так, — резко сказал он. — Я забираю арестованного с собой. Если хоть кто-то встанет у меня на пути, я его лично укатаю в пол этого вагона и скажу, что так и было. Все меня поняли?

— Вы переходите границы, — надвигаясь, заявил генерал с гвоздиками. Мне не понравилось, как сжимаются его кулаки. — Я здесь не от Минздрава и предупреждать не буду.

Я чуть отодвинулся в сторону, чтобы оказаться подальше от конфликта силовых структур. Гроза уже казалась неминуемой, как вдруг снова стукнула дверь. Министр иностранных дел обомлел, глядя на вошедших. В общем-то, удивились все.

К нам снова пожаловал фельд-атаман, на сей раз вооруженный нагайкой, волочащейся за ним по полу. С ним была женщина в черном монашеском одеянии, сжимающая в руках небольшой газовый баллон. Последним в вагон-ресторан вошел плотный мужчина с воловьей шеей и выбритой до синевы головой. В руках он держал толстый резиновый шланг; на его кожаной куртке был вышит девиз черносотенного толка. Лет шестьдесят назад такой мужчина мог бы носить малиновый пиджак и золотую цепь, что было бы внушительнее.

Патриотическая тройца (как-никак, здесь были старый патриот, молодой патриот и патриотический представитель духовенства), построившись клином, пошла в атаку.

— Братья! — провозгласила женщина в черном удивительно жестким голосом. — В этот тяжелый час, когда духовным скрепам нашего отечества угрожает опасность, неужели мы должны схватываться друг с другом в смертельной битве? Этот человек, — ее сухой перст указал на меня, — есть посланник дьявольских сил, направленный сюда самим адом. В себе он везет люциферианскую искру, что сожжет нашу стабильность, точно карточный домик! Его отправил к нам враг рода человеческого, чтобы искусить вас и свергнуть в грех гордыни. Вступать в битву с ним без помощи церкви — значит обречь себя на поражение и вечные адские муки! Помните о спасении бессмертной души! Покайтесь, смиритесь и отдайте его нам, чтобы мы могли спасти ваши души от погибели, ибо я — молот Господень, который сокрушает всех, кто не хочет с нами делиться!

Вопреки ожиданиям, душеспасительная проповедь не оказала должного воздействия. Опричник, потерявший от гнева дар речи, светился, как рубин в сокровищнице индийского раджи. Представители вооруженных сил мрачно глядели по сторонам. Полицейский внутренних дел робко забился в угол между столиками, стараясь не

привлекать к себе внимания. Что же до министра иностранных дел, то на его лице застыло возвышенное выражение.

— Сестра, — напряженно собрав остатки вежливости, сказал тайный полицейский, — не мешайте нам воздавать кесарю кесарево, а не то я лично отлучу вас от бюджета!..

В беседу вступил мужчина с резиновым шлангом в руках.

— Слышь, друг, — несколько панибратски заявил он, глядя исподлобья. — Давай ты не будешь так говорить, а? Ты сейчас оскорбляешь церковь. Давай мы сейчас выйдем из вагона, и я тебе популярно все объясню.

В наступившей тишине стало слышно, как где-то далеко заревел тепловоз. Медленным движением тайный полицейский распахнул плащ и вытащил из кобуры пистолет с корпусом из черной пластмассы.

— У меня в руке украинский пистолет, — очень четко проговорил он, не поднимая дуло. — Я тебе сейчас выстрелю в голову, скажу, что это были бандеровцы, и мне за это ничего не будет.

— Убери ствол, — зло сказал опричник, расстегивая мундир. Под ним была видна кожаная кобура цвета пережженного кирпича.

Он резко повернулся ко мне и, грубо схватив меня за плечо, попытался потащить вперед. Это не удалось. Все присутствующие сбились тесной толпой, преграждая опричнику пути отхода.

— Я сказал, вали с дороги, — грубо бросил опричник черносотенцу.

— Куда пошел? — резко заговорил человек с двумя гвоздиками, делая еще один шаг вперед. — Полковник, живо гони сюда БТРы! Огонь на подавление!

Танкист сорвал с пояса рацию.

— Рота, к бою!..

Он не успел договорить. Тайный полицейский резко шагнул вперед и с размаху ударил его в лоб рукояткой пистолета, словно кастетом. Полковник пошатнулся и начал медленно оседать на сиденье, хватаясь за голову.

И тут началась драка.

Все произошло внезапно, как сход лавины. Я успел только разобрать, как генерал с гвоздиками на шевроне начал выворачивать приемом самбо пистолет из руки тайного полицейского. В этот же момент опричник выпустил меня и, схватив со столика приглянувшийся мне еще вчера жирандоль, с размаху ударил им по голове преградившего путь черносотенца. Во все стороны брызнуло осколками хрустала.

Дальше разобрать то, что происходит в вагоне, было невозможно. Ведомый не то интуицией, не то чувством самосохранения, я полз под столиками и сиденьями вдоль стены. Позади раздавались глухие неритмичные удары, словно незримый шаман с силой бил в бубен. Раздалось несколько крепких ругательств; просвистела и замолчала нагайка. Очевидно, битва созвездий на погонах была в самом разгаре. Проползая под последним столиком, я услышал жуткий звук: хрустели очки министра иностранных дел. Видимо, в конфликт уже оказались вовлечены гражданские структуры. Одновременно с этим раздалось зловещее шипение. Поднимаясь с колен, я увидел, что женщина в монашеском одеянии поливает клубок дерущихся генералов газом из баллона. Белые клубы взметнулись, накрывая собой людской ком. Как можно незаметнее я проскользнул в дверь и исчез, оставляя добрые сердца и погоны позади.

Надо было придумать, что делать дальше, и придумать немедленно. Генералы уже могли прийти к консенсусу, чтобы броситься за мной с новыми силами. Деньги и документы бережно лежали у меня в сумке, а вот куртка, к сожалению, осталась в купе. О возвращении не могло быть и речи, но снаружи уже откровенно холодало.

Размышляя так, я оказался в следующем вагоне. Зерновой дембель Олег, кормилец родины, крепко спал на своей полке, тяжело дыша. Я остановился на секунду.

Что же я делаю, подумал я, снимая с крючка его камуфляжную куртку. Так нельзя. Нехорошо грабить своих соотечественников, даже если ты служишь в президентской канцелярии. Теряя драгоценное время, я выудил из сумки морковную пятитысячную банкноту и сунул Олегу в нагрудный карман дембельской расшитой рубахи.

Давно не стиранный и зашитая в трех местах камуфляжная ватная куртка была мне немного великовата. У перехода в вагон, который когда-то вез меня через Литву, я остановился. От генералов я ускользнул, но какой-нибудь рьяный лейтенант безопасности вполне мог поджидать меня в плацкарте у моего места. Развернувшись, я выскользнул на перрон, покидая поезд. Левую ногу снова кольнуло.

Здесь было немногочисленно и холодно; я спешно накинул капюшон куртки, укрываясь от холода и бдительных людских глаз. В утренних сумерках рыжели фонари. Далеко-далеко позади, в конце поезда виднелись многочисленные фигуры в форме. Очевидно, там караулили младшие чины, ожидавшие того момента, когда высокое начальство придет к консенсусу касательно моей судьбы. Где-то глухо рычали моторы незримых бронетранспортеров. Снова залаяла собака, которую держал на поводке один из бойцов. Я отвернулся и, слегка хромя, пошел по перрону, стараясь не привлекать внимания.

Вряд ли мне удастся скрыться в России будущего. За мной все равно придут, почему бы не теперь? С моим загранпаспортом я далеко не уеду. Если бежать, то куда? Обратное? А если вперед, в Москву? Ведь таинственный Человек в Черном зачем-то отправлял меня в Москву. Было бы хорошо вернуться обратно в свое время, но Человек в Черном почему-то не спешил забирать меня. В настоящий момент я находился на перроне в Вязьме, и вокруг был 2057 год. Нужно было действовать самостоятельно.

Я спешно прошел мимо вагона, в котором я уехал из Калининграда.

— Электропоезд Вязьма—Москва отправляется через две минуты! — громко сообщил динамик. Впереди передо мною был коридор перрона, зажатый между электричкой и калининградским поездом. — Повторяю...

Повторять не было необходимости. Не раздумывая, я поднялся по ступеням хвостового вагона электрички, где красовалась золотая надпись «Россия — великая страна!». Оглядевшись на прощание Вязьму, я шагнул внутрь, не дожидаясь момента, когда генералы помирятся и пойдут меня искать.

Обстановка здесь уступала правительственному поезду, но все же вагон выглядел неплохо: пластмассовая исцарапанная облицовка стен, холодно-зеленый кожаный сиденья со множеством заплат, портрет президента над входом, государственный герб над выходом, разбитый макет видеокамеры сбоку и множество свободных сидячих мест. Я удобно устроился возле окна.

Не особенно осознавая, что же я делаю, я расстегнул сумку и заглянул в нее. Да, все было на месте: загранпаспорт, телефон, пачка денег. Я смог вздохнуть спокойно, только когда поезд отправился в путь и вокзал исчез вдали.

Билет до Москвы обошелся мне в семьсот пятьдесят рублей. Примерно столько же составили казенный сбор за продажу билета в электричке и какая-то безымянная пошлина Минтранспорта. Я отсчитал нужную сумму невыспавшемуся контролеру в синем нейлоновом жилете и получил билет. Кроме него, мне насыпали полную пригоршню мелких монет на сдачу. К счастью, рубли, двушки и пятаки были очень легкими, так как представляли собой штампованную жесь. Мне определенно понравилось это словосочетание, неплохо, хотя и несколько цинично характеризующее отечественную валюту. Встряхнув кучу бракетеатов на ладони, я убрал их в сумку, надеясь, что их острые края не прорежут материю.

Снаружи светлело. Ужасно хотелось пить. В боковом кармане обнаружился сложенный четверо лист бумаги. Я развернул его, пытаясь вспомнить, откуда он взял-

ся. На чистой стороне размашисто был написан лозаннский адрес. Ах да, вчера ночью его дал мне Харон. Я перевернул бумагу. На обратной стороне синел гриф «для служебного пользования». Это был кусок какого-то циркуляра Министерства по охране государственных тайн. Невидящим взглядом я пробежал по строкам.

«В соответствии с законом „О здравоохранении“ считать гостайной эпидемию цинги в Нарьян-Маре...»

«В соответствии с законом „Об экологии“ считать гостайной факт выброса в воздух сорока тонн хлора в Стерлитамаке при аварии...»

Небрежно скомкав лист бумаги, я бросил его обратно в сумку. В вагоне кто-то дремал, прислонившись к окну, кто-то негромко разговаривал.

Где-то в начале вагона призывно зашипела открываемая бутылка. Наверное, пиво, подумал я, облизывая пересохшие губы. Кто же будет пить минералку в электричке? Я оглянулся. Трое мужчин маргинального вида, словно сошедших со страниц поэмы «Москва—Пегушки», разливали по затертым пластмассовым стаканам чекушку газированной водки. Запахло резиной, словно в вагон вошел взвод тайной полиции в плащах.

Электричка с каждой остановкой заполнялась все больше и больше. По всей видимости, ранним утром все ехали в Москву на работу. Уже в Гагарине все сидячие места оказались заняты. Одна свирепого вида бабушка, опирающаяся на свою тележку, пристально оглядела вагон, после чего, оценив мой интеллигентный вид, подобралась ко мне и, тяжело вздыхая, начала сверлить меня глазами. Я просто был вынужден уступить ей место. Как знать, сказал я сам себе, может, эта бабушка — моя ровесница, рожденная в далеком 1990 году? Может быть, когда-то давно мальчики наперебой хотели потанцевать с нею на школьной дискотеке под песни «Оранжевое солнце» или «Кислотный диджей», а теперь она зачем-то ни свет ни заря едет в Москву, и во всем мире у нее больше никого нет.

Мы приехали в Можайск, где мне стало страшно от обилия людей на перроне. Штурм электрички напомнил абордажную сцену из фильма про пиратов Карибского моря. Я поймал себя на желании забаррикадировать чем-нибудь вход из тамбура в вагон, но было уже поздно: ворота распахнулись под натиском. Глядя на то, как волнами врываются все новые и новые пассажиры, я ощутил себя защитником средневекового города, где осаждающие с топорами в руках только что разбили ворота и уже готовы грабить и разорять все на своем пути.

С какой грустью я вспомнил покинутый плацкарт! Не приди госслужбы по мою душу, я бы сейчас сидел на полке, любовался бы на рассветную страну, беседовал бы с соседками, вместо того чтобы стоять сейчас в спрессованном людьми вагоне, страдая от затекших ног, и оберегать сумку от любителей ущипнуть пассажиров за кошелек.

Мимо меня протиснулся к выходу уже проснувшийся контролер, и я потянулся вслед за ним. В тамбуре раздавался грохот колес.

Открыв дверь между вагонами, контролер обернулся и посмотрел на меня.

— Курить запрещено, — почему-то сказал он и ушел.

В тамбуре было свободнее; прижавшись к стенам, двое парней сомнительного вида обсуждали не то недавнее соревнование по рукопашному бою, не то ночное ограбление. От них несло табачным дымом. На одном была давно не стиранная вязаная шапка с нашивкой в виде двуглавого медведя. Накинутый на голову капюшон плотной толстовки делал второго похожим на Квазимодо. Парень как-то недружелюбно поигрывал в руке ножом-бабочкой.

Я отвернулся, глядя на пейзаж за стеклом. Одновременно хотелось есть, пить и спать. Маргинальный вид моих попутчиков по тамбуру вызвал у меня смешанные

чувства. Мне почему-то показалось, что я, хоть еще не арестован и не осужден, уже нахожусь в вагонзаке, который уносит меня все дальше и дальше на восток, и нет ничего, кроме бесконечного поезда и бесконечной России, и мы так и будем бесконечно ехать триколорной стрелой через полуразвалившиеся нищие города, обменивая газированную водку на сигареты и отбиваясь баграми от голодных медведей... Вот так, сказал я себе, я всего за один день стал частью своей великой страны, разделив с нею богатство и бедность, всевластие и бесправие...

Снаружи замелькали какие-то дачи и дома. Электричка снова начала замедлять ход. Почему-то мне отчетливо захотелось выйти. Я надеялся найти в этом городке что-нибудь жаждоутоляющее и подкрепить силы перед последним рывком до Москвы. Кроме этого, я рассчитывал, что около полудня электрички будут более свободны. Несмотря на эти плюсы, существовала опасность того, что меня уже ищут, а прятаться лучше в толпе, чем на безлюдной станции.

Как бы то ни было, двери электрички с шипением закрылись позади меня, и она яркой трехцветной стрелой умчалась вдаль. Второй раз за это утро я покинул поезд и остался один на асфальтированном перроне, огражденном забором с уже знакомыми сообщениями о зоне транспортной безопасности.

Станция была небольшой. На здании, сбоку от входа, красовалась новая блестящая табличка:

ПОСЕЛОК ОБРАЗЦОВОГО ПАТРИОТИЗМА

Я спустился по бетонной лестнице и оказался на улице. Здесь, возле станции, стояла заброшенная будка с давно выцветшей надписью:

ПУНКТ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО НАДЗОРА

Все окна в ней были разбиты, и оттуда доносился характерный запах подворотни. На передней стене будки кто-то размашисто написал неприличное слово; вслед за этим еще кто-то дорисовал вертикальную черту в первой букве, и теперь пункт надзора нес на себе крупную надпись «Жуй». От глагола в повелительном наклонении мне еще больше захотелось есть. Я огляделся.

Вдалеке справа виднелось здание характерного административного вида, на котором развевался флаг. Пожалуй, мне туда сейчас не следовало идти. Слева, неподалеку от станции, я увидел вывеску «Универсам». Пожалуй, это было то, что нужно.

Магазин располагался в одном здании с почтой. Надпись на синем ящике для писем извещала, что выемка и перлюстрация корреспонденции осуществляются по вторникам и четвергам. В окне почты висело рукописное объявление

МАРОК НЕТ

Вывеска на дверях магазина сообщала, что «в связи с введением контрсанкций торговый дом „Чувак“ не обслуживает президента США и членов Сената». При всем богатстве воображения я даже не мог представить себе, как же должна помотать президента США жизнь, чтобы он был вынужден посетить этот милый сельский магазинчик, у двери которого сидел и вылизывал лапку огромный черный кот. На одну секунду пушистый зверь прервался и посмотрел на меня изумрудными глазами. Открывая вздохнувшую дверь, я подумал, что коту явно не хватает примуса и кепки.

Универсам был небольшой, вместивший в себя все, что может понадобиться человеку в дачном поселке. Конечно, я не нуждался в удобных кирзовых сапогах сорок четвертого размера (почему-то здесь были только такие), новых граблях или же керосиновом фонаре «летучая мышь». При виде двух сортов минеральной воды я испытал ощущение золотоискателя, наткнувшегося на жилу. Ситуация с продуктами была несколько хуже. Имеющиеся в продаже буханки хлеба выглядели так грозно, что из них можно было сложить крепостной вал. При одном взгляде на пирожки у меня в зубах застряли пломбы. По этим же причинам я отказался от покупки печенья, напоминавшего мелкую терракотовую кафельную плитку, которой в СССР выкладывали полы в подъездах и общественных банях. Безобидно выглядели колбасы, но меня крайне смутило то, что каждый из батонов значился как «продукт мясо-растительный». Не найдя «Черняховской», состав которой был мне хотя бы известен, я решил воздержаться и от колбас. Молоко, несмотря на надпись «сто процентное натуральное», квалифицировалось как молокосодержащий продукт. Скептически посмотрев на эмалированный поддон с синими свинными копытцами, я перешел к стеллажу с горячительным. Богатый выбор спиртных напитков меня тоже не прельстил, равно как и ассортимент лежащих неподалеку откровенно синтетических сыров неестественного парафинового цвета. Я подумал, что обо всех этих продуктах можно было бы написать прекрасную статью для журнала «Химия и жизнь», но употреблять их в пищу не представлялось возможным.

— Посоветуйте что-нибудь съедобное, — обратился я к печальной продавщице, завернувшейся в ситцевый платочек, из-под которого выбивалась русая коса. Прямо над кассой красовалась табличка, извещавшая, что в соответствии с федеральным законом граждане Москвы обслуживаются вне очереди. К счастью, здесь не было ни очереди, ни граждан Москвы. После недолгой консультации я приобрел буханку черного хлеба второй категории за сто рублей и бутылку минеральной воды за сорок. Еще тридцать рублей какого-то сбора ушли в федеральный бюджет.

Выйдя на улицу и посмотрев на черного кота (он грелся в лучах ноябрьского солнца, на секунду вынырнувшего из-за облаков), я направился в сторону виднеющегося вдалеке сквера со скамейками. Удивительно, но поселок выглядел безлюдным. Вдалеке мелькнул чей-то силуэт и исчез. Приложив силу, я открыл минералку и залпом выпил треть бутылки, не обращая внимания на странный железистый вкус.

Я шел по улице, оглядывая лужи. Это не очень помогало. Грязь под ногами растекалась в стороны, и мне порою казалось, что я иду по пластилиновому миру. Очень быстро мои ботинки приобрели такой вид, что никто не мог бы определить их зарубежное происхождение. Это порадовало меня. Я подумал, что в дембельской куртке и таких ботинках я выгляжу достаточно незаметно и не вызову особых подозрений, шагая через этот район индивидуальной и весьма пестрой частной застройки.

Стоявший в открытой калитке небритый мужчина, одетый в телогреечного вида пальто, грязную трикотажную шапку и спортивные брюки, неприятно покосился на меня и плюнул на дорогу с удивительно мерзким звуком.

— Тут людям жрать нечего, — донеслось мне в спину, — а он штаны иностранные носит, пижон хренов.

После целого дня в поездах с их стуками, скрипами и шипениями в сквере неподалеку было удивительно тихо. Я расположился на скамейке, сделанной из доски, поставленной на два пенька, вытянул ноги и приступил к завтраку.

Хлеб оказался относительно съедобным и даже перебивающим вкус минеральной воды. Конечно, это был совсем не правительственный вагон-ресторан, но все же я относительно сносно позавтракал, и жизнь показалась мне лучше. Можно было немного отдохнуть. До следующего поезда в Москву еще оставалось время.

Вдалеке послышался приближающийся треск мотоцикла. Женщина, гулявшая по скверу с коляской, оглянувшись, быстрым движением развернула коляску и исчезла. У меня появилось неприятное предчувствие, и я поднялся со скамейки.

По дороге, радостно бурча, приближался потрепанный мотоцикл с не менее потрепанной люлькой. За рулем был колоритный байкер в стальном шлеме устрашающей раскраски. Его кожаный жилет был цвета российского флага, что меня уже совершенно не удивило. В пристегнутой коляске (на ней сбоку шла надпись «С нами Бог») сидел одетый в камуфляжную форму казак лет двадцати пяти. Широленная папаха на его бритой голове напоминала шляпку гриба.

— А кто это у нас тут ходит в зарубежных штанах? — поинтересовался грозным голосом казак, вылезая из люльки и сбрасывая на шею мотоциклетные очки. На его поясе покачивалась свернутая нагайка. Слез с мотоцикла и байкер. В его руке тускло блеснул свинцовый кастет.

— А кто это у нас тут родину не любит? — продолжал надвигаться на меня казак.

— Документы предъявил. Быстро, — приказал казак, беря в руки нагайку. От него отвратительно разило семечками и пивом. — Чтоб я знал, кому сейчас морду набью.

Стоп. Аусвайс у меня был. Я вытащил руку из сумки и, надеясь, что она не сильно дрожит, предъявил удостоверение сотрудника третьего отделения канцелярии президента Российской Федерации.

Мои собеседники всматривались в удостоверение ровно одну секунду. На их лицах пробежала целая гамма чувств. В следующий миг они упали передо мной на колени, словно паруса, у которых подрубили канаты.

— Ыыы! — закричал казак, отбивая земной поклон. С него свалилась папаха. — Ваше благородие, простите нас, неразумных, попутал нас бес окаянный, навел дьявольское марево, затуманил глаза проклятый враг рода человеческого!..

Байкер молчал, лишь осеняя себя крестным знамением. Делал он это невероятно быстро, не выпуская при этом кастета из рук.

...— Ефимка нас подкузьмил, на вас науськал, предатель и провокатор, — продолжал казак в промежутке между поклонами. — Звонит нам, говорит, ходит тут шпион американский, смуту сеет и стабильность колышет.

— Полноте, полноте, — незаметно для себя самого я перешел на боярский язык. — Вставайте. Кто вы вообще?

— Младший урядник Д. двадцать восьмой карательной казачьей сотни! — представлялся казак, вытягиваясь во фронт и сворачивая нагайку кольцом.

— Яррррроволк Светозаррррррович! — пророкотал байкер голосом мотоцикла, потерявшего глушитель. — Байк-клуб «Рррррррсь мотоциклетная». Добрррррровольная вспомогательная полиция.

— Несем здесь, в районе, государеву службу, следим за порядком, охраняем родину денно и ночью! Стараемся, не щадя живота своего! — заверил меня казак, звякнув медалями. На его рукаве тускло сверкнул наградной крымский щит. — Враг не пройдет.

Одновременно, не сговариваясь, казак и байкер погрозили кулаками в сторону запада, грозно рыча.

— Тут до нас, ваше благородие, — продолжил казак после этого нехитрого ритуала, — полный разброд был. Девки ходят простоволосые и в брюках, мужики неподпоясанные, пост не соблюдают, на воскресную службу не ходят, родину не любят! Ну, мы тут быстро порядок навели! Как заходишь к кому домой, так все сразу поют гимн. На воскресной службе яблоку негде упасть, даже пришлось заказывать новую партию отчетов об исповедях, а то уже писать не на чем! А тут с утра прислали цидулю, мол, идет с запада антихрист...

— Что там у вас за цидуля? — поинтересовался я. Казак вытащил из внутреннего кармана бумагу и протянул мне.

Доблестные казаки, защитники Родины от супостатов видимых и невидимых!

В эти славные дни, когда наша Родина цветет, как донская степь, подлые враги-чернокнижники из замка трех королей призвали по нашу душу антихриста, о чем было знамение схимонаху Валаамского монастыря. Антихрист идет на Москву через благословенные минские земли, поражая все на своем пути. Узнать его легко. Его десница окрашена в бело-красный цвет, ею он крушит нашу духовность. Его шуйца...

Я не сразу вспомнил, что так в старину называли левую руку.

Его шуйца несет карминово-белые цвета, она поражает наших людей, губя их жизни и судьбы. Правая пята антихристова — желто-синяя, ею он топчет и попирает наш русский хлеб, жизнь и пищу нашу. Левая же пята, с полосами и звездами, страшнее всего, поелику сокрушает власть августейшего президента, что дана нам от Бога. Антихристово смрадное дыхание отравляет реки и колодцы, его взгляд сжигает хаты и посевы, несет антихрист на Русь-матушку горе и погибель. Там, где он пройдет, двадцать лет не растут цветы и не поют птицы.

Каждому казаку, что встретит антихриста, приказываю, не щадя жизни своей, арестовать врага рода человеческого и отправить в штаб. За поимку вышеназванного обещаю выдать десять любых медалей, пузырь водки да тысячу рублей серебром.

По благословиению Патриарха всея Руси Симона фельд-атаман Первой Казачьей армии И.

— Я видел недавно фельд-атамана, — как бы между прочим заметил я, возвращая цидулю казаку. Оба моих собеседника незамедлительно вытянулись во фронт.

— Как поживает его высокородие? — подчеркнуто бодрым голосом поинтересовался казак.

— Занят. Весь в работе, — несколько уклончиво сообщил я, вспоминая пинок, которым был награжден фельд-атаман. — Знаете ли, сейчас у всех столько дел, столько дел... Я и сам тут у вас проездом.

— Ваше благорррродие, — страшным голосом сказал байкер, глядя на меня добрыми глазами, — а что вы нам сразу тугамент не показали? Мы вам чуть было рыло не начистили!..

— Вот что. У меня сегодня здесь дела. Высокое, — указал я пальцем наверх, на ветви клена, — поручение. Поезжайте куда-нибудь и до вечера не возвращайтесь. И не сильно рассказывайте о том, что я у вас тут был, а то фельд-атаман будет недоволен.

— Сделаем в лучшем виде! — заверил меня приободрившийся казак. — Ни одной живой душе...

С преувеличенной молодцеватостью казак и байкер загрузились в свой мотоциклет и укатили вдаль, унося с собой противный треск прохуdivшегося глушителя. В сквере снова стало тихо и пустынно. Торопиться мне было некуда. Следующая электричка в Москву только в двенадцатом часу. Тем не менее я не хотел злоупотреблять своим везением. Возможно, фельд-атаман уже мчался по моим следам. Я покинул сквер, направляясь к станции.

Знакомая мне мотоциклетка стояла у той самой калитки, где плевался мужик в телогреечном пальто. На сей раз калитка была пуста, а из-за высокого, обшитого ржавой жестью забора на всю улицу слышался голос казака.

— Ах ты, черт немецкий, турецкого черта брат и товарищ! — доносилось до меня. — Какой ты, к черту, доносчик, а? Ты знаешь, под кого ты нас подставил? Ты под москвича нас подставил! Специально сделал это, да?

За высоким забором раздалось чье-то неразборчивое бормотание, прерванное звуком сильного удара.

— Думал, что мы его схватим, нагайками отделаем, а потом нас на свекольные поля отправят, да? Воли захотел, да? Я тебе сейчас такую волю покажу!

Снова раздался удар. Послышались сдавленные ругательства.

Я заглянул во двор и покачал головой.

— Я же ясно сказал: вы здесь больше не нужны, — как можно более холодно сказал я, — но, видимо, указания канцелярии президента игнорируются двадцать восьмой казачьей сотней. Сам собой возникает вопрос о состоянии дисциплины в вашем подразделении... Полагаю, что в Москве будут сделаны оргвыводы...

— Ваше сиятельство, я вас умоляю! — заорал казак, падая на колени и пытаясь поцеловать мой ботинок.

Я отшатнулся и закрыл калитку. Кажется, она ударила карателя по лбу.

Станция была пуста, лишь два человека сидели на лавочке вдалеке. Я приобрел билет в кассе, попутно заметив, что камера видеонаблюдения на углу здания ненастоящая.

Вдалеке раздался гудок. К перрону подкатила электричка в уже знакомых цветах российского флага и с шипением распахнула двери. Россия будущего имела ряд недостатков, но поезда в ней все-таки ходили по расписанию. После того как поселок образцового патриотизма остался позади, я с облегчением вздохнул. Думать не хотелось. Мне оставалось только смотреть, как за окном мелькала Россия, сливаясь из тысяч картинок в одно общее впечатление. Погода понемногу улучшалась. Между облаков снова мелькало солнце.

Двери вагона внезапно открылись. Из тамбура вошел мужчина в какой-то затертой черной куртке. На вид ему было лет сорок. Глаза мужчины почему-то виновато бегали из стороны в сторону, правая бровь была недавно рассечена. Почему-то он сразу направился ко мне и сел напротив.

— Как вы оцениваете стабильность нашей внутренней политики? — внезапно начал он, наклонившись ко мне.

— Что? — переспросил я.

— Да, я полностью с вами согласен. Наш президент — полный денатурат... простите, я хотел сказать, дегенерат. Вы тоже так считаете? Очень приятно. Я — официальный уполномоченный Пентагона. Давайте создадим тайное общество. Я расскажу вам, как поджигать полицейские машины. Встретимся завтра в условленном месте. У меня с собой будет канистра низкооктанового...

— На вас форменные брюки с лампасами, — холодно сказал я.

Мужчина опустил взгляд и покраснел.

— Это действительно так заметно? — спросил он расстроенным голосом. — А я-то думаю, почему мне никто не верит.

— Бросается в глаза, — подтвердил я. За это утро я уже успел преизрядно насмотреться на мундиры самых разных образцов. Мой собеседник, который так и не успел представиться, скрестил ноги и прикрыл лампасы руками.

— Вы не подумайте плохого, я не такой, — оправдываясь, начал он. — Я просто за квартиру триста тысяч коммуналки задолжал, больше всех в нашем подъезде. Вот меня и вызвали в полицию, мол, твой долг уже тянет на уголовку. Если не хочешь сесть, то походи по рынкам, поговори с людьми, создай экстремистское общество, а потом сдай его нам. Общество посадим, а тебе простим долг за квартиру, потому что способ-

ствуешь выполнению плана по раскрытию. Ну, меня у нас в Кубинке все знают, вот и езжу на электричках...

— И как, удается? — нейтральным голосом спросил я. Мужчина горестно обхватил голову руками, обнажая лампасы.

— Какое там! Меня ограбила шпана в Тучково, в Голицыно меня избили, а в Одиново чуть не выбросили из поезда. И никакого толку. Никто не верит. Езжу зайцем, но уже нарвался на восемь тысяч штрафа.

— Неужели полиция вам не дала проездной?

— Что вы!

— Но почему же вам тогда выдали брюки?

Мужчина снова покраснел.

— Эти брюки, — смущаясь, начал он, — я нашел на ведомственной помойке. Иду из полиции, смотрю — кто-то их выбросил. Хорошие такие, их еще носить и носить. Только на заднице сильно протерлись. Вот я их и вытащил... У меня семья... Работы нет... Въезд в Москву не разрешают... Надеть нечего... У нас всему подъезду из-за долгов отопление не включили...

Жизнь в России будущего за недолгий срок сделала меня тертым калачом.

— Скажите — сказал я, — а вы не боитесь, что вас посадят вместе с вашим экстремистским обществом? Или что вам в электричке не попадетсЯ агент тайной полиции? Они будут очень рады встретить официального уполномоченного Пентагона, ведь у них тоже наверняка есть план по раскрываемости...

У моего собеседника одновременно открылся рот и расширились глаза. Сейчас он стал похож на тургеневскую девушку, оказавшуюся в ночном клубе на конкурсе мокрых маек.

— А знаете, — еле вымолвил он, — я об этом даже не задумывался...

Пряча от меня взгляд, он поднялся с сиденья и удалился (его брюки действительно были сильно протерты сзади). По всей видимости, мои слова надломили в незнакомце веру в человечество. Со стуком сомкнулись двери тамбура, и в вагоне снова воцарилась тишина.

Мы постепенно приближались к Москве. Поля борщевика сменились оставленными под паром, а нежилые деревянные дома — обитаемыми белокирпичными. На их место приходили пятиэтажные панельные дома, построенные сотню лет назад, но держащиеся до сих пор. Пятиэтажки сменялись девятиэтажками, а вслед за ними появлялись все новые и новые высотки. Сколько людей жило в этих огромных каменных джунглях, где жители соседних домов, казалось, могут приветствовать по утрам друг друга рукопожатиями с балконов?

Электричка торжественно проехала над шестнадцатиполосным МКАДом, словно пересекая пограничный мост. Я приехал в Москву. Электричка изогнулась, выезжая к мосту. Москва-река несла свои серо-стальные воды вдаль. С грохотом мы перескочили на тот берег. Небоскребы, стоявшие здесь, были настолько высоки, что их было невозможно рассмотреть из окна. Поезд проехал совсем близко от них. За окном появилась какая-то многоуровневая развязка, которая тотчас превратилась в отгороженную трехметровыми щитами дорогу. Смотреть стало некуда.

Железная дорога, по которой мы ехали, внезапно разделилась стрелками на боковые пути, разошлась в стороны рельсами, словно куст хризантем, возникающий из одного побега. Это был Белорусский вокзал.

Я ступил на плитку перрона и снова, в который раз за эти сутки, решительно пошел вперед. Дорожный анабазис подходил к концу.

Москва

Но что же делать дальше? В гостиницу с моими документами нельзя. Может быть, отправиться по адресам московских друзей, если они еще там живут? Или пойти к ДК Горбунова, чтобы встретить Светлану? Или отправиться на Старую площадь, как требовал Алексей?

В здании вокзала перед рамами металлоискателей с вывеской «Визовый контроль» выстроилась длинная очередь. Несколько сотрудников не то полиции на транспорте, не то еще какой-то службы проверяли у людей документы. Я уже привычным движением показал издали удостоверение сотрудника канцелярии и спокойно миновал кордон. Один из служащих любезно открыл для меня створки турникета; я кивнул ему в знак благодарности. Толкнув сопротивляющуюся дверь, я вышел наружу.

Бывшая площадь Белорусского, а ныне, как это следовало из огромной надписи на здании, Минского вокзала встретила меня городским шумом, запахами автомобильных выхлопов и невероятным количеством спешащих людей. Перед входом в метро выстроилась просто невообразимая очередь. У дверей, где стоял наряд полиции, висели два больших стенда:

ВХОД В МЕТРО ТОЛЬКО ПО ПАСПОРТУ ГРАЖДАНИНА МОСКВЫ

и

ПРЕДЪЯВИ ВЕЩИ К ДОСМОТРУ

Поразмыслив, я решил прогуляться пешком. У меня не было желания рисковать, подвергаясь второй проверке документов за десять минут. К тому же я хотел посмотреть Москву надземную.

Я шел по Тверской улице к Кремлю. Я смотрел на Москву, а Москва смотрела на меня, коренного провинциала. Москва смотрела на меня десятками окон, чистых и пыльных, открытых и затворенных, больших, в человеческий рост, и маленьких, словно слуховые окошки чердаков. Москва смотрела на меня горящими фарами автомобилей и сложенными из десятков светодиодов фасетчатыми глазами светофоров. Москва смотрела на меня глазами сотен пешеходов, что спешили куда-то по делам в этот осенний день.

Столичность незримо ощущалась во всем. В людях: в быстрой и уверенной походке москвичей, в выражении их лиц, в какой-то целеустремленности, что была присуща каждому из прохожих и свидетельствовала о том, что в глубине каждого из них скрывается какая-то московская мечта, что незримо и гарантированно отличает жителя метрополии от провинциала. В зданиях: в огромных, облицованных по-осеннему холодным мрамором высотках, с дверьми подъездов высотой в два этажа, с окнами в фигурном обрамлении, с мемориальными досками, свидетельствующими о том, какие славные события происходили здесь и какие вершители истории когда-то смотрели на Москву из этих окон. Даже в автомобилях: ухоженных, многочисленных, солидных, многих — с замененными эмблемами производителей, но в прекрасном состоянии. Казалось невероятным, что всего в паре часов езды отсюда люди получают зарплату просроченными продуктами и надевают брюки, найденные на помойках, а люди в черной форме бьют резиновыми дубинками тех, кто пытается проникнуть в этот рай. Да, я действительно попал в другой, лучший мир.

Половину полос Тверской ремонтировали. За сетчатым забором было видно, как укладывают тяжелые мраморные плиты на проезжую часть. Изумительный белоснежный мрамор, по которому я ступал, казался брошенным в пропасть осенней слякоти.

Откуда-то повеяло восхитительным ароматом свежей выпечки. Повинуясь даже не интуиции, а желанию подкрепиться, я свернул в булочную, где на прилавках лежали кренделя, слойки, плюшки, пироги, пирожки и прочие произведения пекарного искусства.

— Дайте, пожалуйста, курник, — обратился я к молодой симпатичной девушке с убранный набок челкой и небольшой мушкой на носу. Мне даже в голову не пришло спросить, сделан ли курник из пшеницы и не соевая ли внутри курица? Это показалось мне таким же неуместным, как поинтересоваться возрастом девушки с челкой. — И еще чай.

— Пажаааауиста! — ответила девушка, непривычно для меня произнося букву «а». Мне показалось непривычным, что с меня в этот раз не взяли никаких пошлин или сборов. Как я и ожидал, это был прекрасный курник без малейшего намека на какие-то добавки. Москва встретила меня гостеприимно.

Ощущая приятную тяжесть после сытного обеда, я вышел наружу, в мир броуновского людского движения. Я подошел к Бульварному кольцу и остановился на переходе. Кольцо стояло в такой же бесконечной пробке, как и Тверская, так что при желании я мог бы спокойно перейти улицу, пролезая между машинами.

Я услышал неприятное, резкое кряканье автомобильного спецсигнала и оглянулся. По мраморному пешеходному тротуару Тверской улицы ехали пять джипов, каждый из которых был покрыт сусальным золотом. На секунду мне показалось, что я оказался в клипе какого-то американского рэп-исполнителя и что сейчас из позолоченных джипов выйдут высокие подтянутые негры, которые будут мастерски играть в баскетбол, а стройные девушки с афрокосичками начнут зажигательно танцевать хип-хоп под ритмичную музыку, льющуюся из большого серебристого магнитофона.

— Дорогу патриарху Симону, — произнес искусственным голосом громкоговоритель на одной из машин. — Расходимся, расходимся, поживее!

Да, это было даже не нью-йоркское гетто. Я, как и остальные пешеходы, шагнул к стене здания. Слева от меня, почти упираясь в меня локтем, стояла рыжеволосая девушка в зеленом пальто. Я чуть отодвинулся в сторону, пропуская ее в более безопасное место, где в стене здания была небольшая ниша. Девушка благодарно кивнула мне, и я почувствовал себя рыцарем, защищающим прекрасную даму от дракона.

Я прошел мимо богато украшенного здания, немного напомнившего мне Арсенал в Старом городе Гданьска. Очевидно, это была мэрия. Прямо у входа стояла роскошная резная карета черного полированного дерева, запряженная шестеркой оленей. Стоящие на запятках лакеи в идеально сшитых бархатных ливреях брусничного цвета даже не посмотрели на меня. Не желая показывать свою провинциальность, я прошел не оглядываясь, словно каждый день только и делал, что ходил мимо карет, запряженных оленями.

Неторопливым шагом я вышел к Манежной площади и замер от удивления. Кремль почти не изменился за прошедшие годы. Даже огромные спирали из колючей проволоки поверх стен не бросались в глаза. Куда как более заметным и удивительным был шестиметровый сухой ров, идущий вокруг Кремля и заполненный проволочными заграждениями почти доверху. На углу, возле круглой башни, чье название я так и не мог вспомнить, стояла вышка. На ней, за маскировочной сеткой, виднелись фигуры часовых и что-то непонятное, напоминавшее станковый пулемет.

Ступая по брусчатке мимо знака нулевого километра, я вышел на Красную площадь. Сухой ров уходил дальше, к Москве-реке. На месте мавзолея располагался серый

бетонный дот. С его крыши в небо вздымались спаренные стволы малокалиберных зенитных пушек.

Я стоял посередине Красной площади, греясь в лучах рыжего осеннего солнца. В десятке метров от меня, перед рвом, располагался невысокий, примерно по грудь, забор из колючей проволоки. Судя по небольшому искрению и легкому запаху озона (я с чувством ностальгии вспомнил, что в детстве точно так же пахло от телевизора), по нему шел ток. Небольшие таблички извещали, что проход категорически запрещен, а к нарушителю будет немедленно применено оружие. Похоже, надо было идти на Старую площадь. Я не вполне знал, где она располагается, но почему-то предположил, что это в противоположной стороне от Нового Арбата.

— Стойте! Подождите! — раздался чей-то крик, оборвавший мои размышления. От Спасской башни ко мне бежал худой, одетый в строгий темно-синий пиджак мужчина совершенно гражданского вида. Он был высок и в меру худ; на вид ему было за сорок. Ежик русских волос, так же как и усы, топорщился во все стороны. — Не убегайте!

Незнакомец крепко взял меня под локоть и поволок к Спасской башне.

— Пойдемте скорее! Мы вас ждем с самого утра! — сообщил он мне крайне взволнованным голосом. — Почему вы сразу не пошли в Кремль?

— А вы, вообще, собственно, кто? — поинтересовался я, делая попытку высвободить локоть.

Перед моими глазами раскрылось и тут же закрылось удостоверение, свидетельствующее, что предъявитель сего, господин Д., является Чрезвычайным и Уполномоченным Членом Президента по общению с населением.

Мы приблизились к блокпосту у Спасской башни, где в карауле возле бронетранспортера стояли пятеро солдат. Чрезвычайный член вцепился в мой локоть мертвой хваткой и буквально протащил меня мимо них, по пути гаркнув часовым: «Он со мной!»

По ту сторону Спасской башни нас встретили три танка, стоявшие прямо напротив ворот. Метрах в двухстах впереди за мешками с песком размещалась минометная батарея, а на небольшой посадочной площадке — два пожилых, но еще, судя по всему, работоспособных вертолета.

— Какие здесь солидные укрепления, — сказал я, оглядываясь.

— Конечно же! Как же иначе! Как-никак, здесь живет и работает президент. Лет тридцать пять назад многие выходили на площадь протестовать, и это ужасно мешало работать. Сначала мы разгоняли митингующих, но потом господин президент придумал гениальное решение: если в Москве не будет площадей, то людям будет некуда выходить с протестами!

— Да?

— Нет, ну конечно, мы не все площади убрали. Только центр Москвы. Красную и Манежную перекопали, Пушкинскую застроили жилыми домами, а на Болотной разместили несколько дотов и пулеметную вышку...

Мы обогнули минометную батарею. Солдаты с любопытством посмотрели на нас, но остановить не решились. Я увидел, что из склона Боровицкого холма вырастает громадный бетонный бункер.

— Скажите, а где у вас здесь бронепоезд? — как бы невзначай поинтересовался я.

— Он не здесь, — бросил мой собеседник. — Стоит на Брянском вокзале. Правда, это уже совсем запасной вариант. Зато в нем хватит топлива, чтобы в случае необходимости добраться до черноморских баз, где наготове ждет быстроходный катер. Вы правильно делали, что добирались до Москвы инкогнито, — похвалил он меня, ловко уходя от темы. — Если бы вы вели себя как обычный человек, то вас бы очень

быстро взяли. Понимаете, наши спецслужбы умеют арестовывать только законопослушных людей. Вы же действовали как настоящий преступник: переодевания, смена электричек, поддельные документы... Я восхищен вами.

— Разве у меня подделка?

— Ах да, конечно же, нет, у вас настоящие. В общем, вы обыграли наши спецслужбы.

Обогнув колокольню (там располагался наблюдательный пункт и блестели линзы артиллерийского дальномера), мы перешли Соборную площадь и поднялись по лестнице Грановитой палаты, миновав еще один пост. Мы миновали высокую залу, расписанную фресками. Мягкая красная ковровая дорожка заглушала шаги. Дорогой дубовый паркет матово сиял в свете роскошных золотых люстр.

— Президент примет вас в своем малом кабинете, — пояснил член президента. — Нам нужно спешить.

Двери на вершине лестницы были закрыты. Сбоку на стене располагался домофон в виде бронзовой львиной морды.

— Откройте, это мы! — радостно сказал льву в пасть член президента. В стене слышалось какое-то жужжание. Тяжелые двери открылись, и мы одновременно перешагнули через порог. Чрезвычайный член снова сжал мой локоть, словно боялся, что я сейчас ударю его по голове и сбегу.

— Господин президент Российской Федерации! — торжественно провозгласил он. — Я привел его!

После путешествия по роскошным коридорам я ожидал увидеть что-то потрясающее и похожее на тронный зал в королевском дворце, но даже не мог представить себе, что окажусь в большом кабинете с крайне простой, на грани аскетизма, отделкой. Стены были обшиты желтыми деревянными панелями. Вдоль них стояли шкафы сурового стиля. На полках в рабочем беспорядке лежали книги и папки бумаг. Неподалеку, возле двух больших сейфов, висела большая карта России. Дальше шли стол того же сурового стиля с документами, стол с компьютером (это был импортный агрегат футуристического вида) и еще один большой стол, за которым сидел сам господин президент. Одну из стен украшало большое панно с металлическим двуглавым орлом высотой в полтора человеческих роста. Я уже успел отвыкнуть от старого герба.

Президент сидел за столом и вытирал вспотевший лоб салфеткой. Его рубашка была расстегнута. Вид у президента был грустный.

Президент выкинул смятую салфетку в урну, одернул рубашку и преобразился в одну секунду. Перед нами был лидер сверхдержавы, в каждом движении которого ощущалась уверенность в завтрашнем дне. Он вышел из-за стола к нам.

— Я рад приветствовать вас, — обратился он ко мне, протягивая руку. Президентское рукопожатие было крепким. — Надеюсь, что незначительные инциденты в дороге не доставили вам каких-то неудобств. Мои люди порой так спешат выполнить мои приказы. Это происходит исключительно от любви к родине.

— Ничего страшного, — солгал я из вежливости.

— Вот и славно. Садитесь, — любезно, но несколько двусмысленно сказал президент.

Какое-то время мы сидели в тишине. Президент внимательно смотрел на меня, не произнося ни слова. Потом сложил руки в замок.

— Я объясню вам суть проблемы. Вас, как и ваших отпечатков, нет в общероссийском государственном реестре физических лиц. Вы не пересекали границу страны, по крайней мере, не пересекали легально. У вас на руках настоящий российский загранпаспорт международного образца с настоящей визой. Их не выдавали уже тридцать лет. Тем не менее запрос показал, что шесть лет назад один из паспортов был изготовлен и вручен. Вам. В книге регистрации почему-то даже есть запись о моем личном раз-

решении. Дайте мне договорить, — остановил он меня. — Вы приходите в банк и меняете валюту так, словно делаете это каждый день. Вы знаете, как минимум, два иностранных языка. С ног до головы вы одеты в зарубежную одежду. Экспертиза показала, что вашей куртке не больше года.

— Это запрещено?

— Да. Если бы вы могли носить новую зарубежную куртку, свитер, рубашку, джинсы, носки и ботинки, то я знал бы вас лично. У меня прекрасная память на лица. Дайте ваш паспорт для проведения экспертизы и установления подлинности.

Президент взял паспорт, очень внимательно рассмотрел вкладку с шенгенской визой, подозрительно взглянул на меня и открыл страницу с разрешением на выезд.

— Выездная виза. Как вы ее получили? Почему здесь стоит моя личная подпись и моя личная печать?

Президент убрал мой паспорт в верхний ящик своего стола и задвинул его с глухим стуком.

— Прежде чем мы продолжим, я обязан спросить у вас еще одну вещь. Вы — прогрессор из будущего?

— Нет, — коротко ответил я.

Если мне суждено попасть в одно из заведений, расположенных на улице Матросская Тишина, то уж пусть это будет не спецклиника для путешественников во времени.

— Это хорошо, — президент с видимым облегчением откинулся назад. — Тогда ответьте, кто же вы?

Я вздохнул, размышляя, как лучше ответить на этот вопрос. Не желая отказывать лидеру страны или же прибегать к обману, в то же время я не хотел открывать все карты. Поэтому я ответил президенту уклончиво.

— Я тот, для которого производится колбаса из сои и водка из опилок. Я тот, кто ест печеный картофель, и тот, кого кормят историями о величии страны. Я тот, кто ездит в столыпинском вагоне, и я тот, кого приходят арестовывать утром. Я тот, кого бережет наша полиция, и тот, кого учат патриотизму дружинники. Я тот, кто оскорбляет чувства верующих, и тот, кто разжигает рознь. Я обычный гражданин России. Мое имя — легион!

— Да-да, а живете вы в землянке под холмом, — саркастически прокомментировал президент.

Я удивился его начитанности. Мне захотелось сострить, что федеральная программа «Доступное жилье каждому россиянину» еще не дошла до меня, но я сдержался.

— Я не обрадован вашим ответом, — резко сказал президент, обрывая ход моих мыслей, — но в сложившейся ситуации будем считать, что меня удовлетворили ваши слова. Следующий вопрос. Как вы получили паспорт международного образца?

— Для этого я написал заявление в соответствующие органы и целый день ждал в очереди, — честно ответил я. Этот ответ тоже не сильно обрадовал президента. Он поморщился.

— А как вы получили шенгенскую визу?

— Я пришел в консульство и отдал паспорт, — снова ответил я чистую правду, умолчав о том, что мне пришлось достаточно долго копить на нее.

Брови президента снова сдвинулись.

— Вы напоминаете мне моего премьер-министра. Он тоже дает абсолютно точные и абсолютно бесполезные ответы. Полагаю, бессмысленно спрашивать, как вы пересекали границу. Впрочем, думаю, этого достаточно. Перейдем к делу. Хотите кофе?

— С удовольствием выпью, — честно признался я. — Только, пожалуйста, не цикориевый и не импортозаместительный.

Президент посмотрел на меня с каким-то недоумением, а затем произнес фразу, которую я запомнил навсегда:

— Президент России не пьет импортозаместительный кофе.

Я смутился и перевел взгляд в окно, за которым открывался прекрасный вид на Москву-реку. Цвета были незначительно искажены, как это бывает при зеркальной тонировке стекол. Мой собеседник нажал одну из кнопок на столешнице и произнес в зеленую настольную лампу:

— Кофе, пожалуйста. И две чашки.

Я решил устроиться с комфортом.

— Скажите, а у вас не найдется к кофе немного амаретто? — спросил я.

— Принесите амаретто, — добавил президент, обращаясь к лампе.

— Спасибо. Какой у вас необычный кабинет, — прокомментировал я.

Президент кивнул.

— Это мой рабочий кабинет. Там, во дворце, я только подписываю бумаги, провожу совещания, принимаю чиновников и осуществляю прочую имитацию бурной деятельности, ну а здесь я работаю с документами.

Негромко прозвучал зуммер. Президент нажал еще одну из кнопок. Один из боковых шкафов пришел в движение, открывая небольшую дверь. Секретарша с абсолютно не запоминающейся модельной внешностью внесла поднос с кофейником, двумя чашками тончайшего фарфора, бутылкой ликера и сахарницей и тут же, развернувшись, ушла. Шкаф вернулся на свое место.

Я налил себе кофе и размешал сахар. Ложка была серебряной и тяжелой, с двуглавым орлом на рукоятке. Фарфор чашки был украшен восхитительным пасторальным сюжетом в стиле восемнадцатого века.

— Спасибо за кофе, — поблагодарил я гостеприимного хозяина, добавляя в чашку немного амаретто из приятной на ощупь квадратной бутылки. — Какой у вас красивый сервиз.

— Это один из императорских сервизов.

— Наверное, эпохи дворцовых переворотов? — предположил я, еще раз приглядываясь к пасторальному сюжету.

— За нашу и вашу безопасность, — произнес президент.

Это был тост. Мы негромко чокнулись чашками. Кофе с амаретто был поистине превосходен, но на месте президента первый тост я бы провозгласил за долготерпение русского народа.

Поставив благородный фарфор на блюдце, президент снова нажал одну из кнопок и спросил у лампы:

— Министр иностранных дел еще не приехал?

— Он уже в пути, — женским голосом ответили настольные малахитовые часы. — Будет не раньше чем через полчаса.

— Как приедет, пусть немедленно отправляется ко мне, — президент держался столь солидно, словно разговаривал не с зеленым абажуром, а с парламентом. — Так на чем мы остановились?

Этот вопрос предназначался уже мне.

— Вы хотели перейти к делу, — вежливо ответил я.

— Да. Буду краток. Вы нужны своей стране.

— Я весь внимание, — произнес я.

Президент поднялся из кресла и подошел к большой карте России, что висела на стене.

— Подойдите поближе. Общеизвестно, что наша с вами страна, — торжественно начал он, — вот уже свыше сорока лет находится в незримом кольце блокады. Вокруг

нас замкнулся фронт невидимой войны. Страны Запада желают сокрушить нас, воспользоваться малейшей из наших ошибок, чтобы проникнуть к нам, расколоть Россию, превратить ее в политическую марионетку, разрушить нашу стабильность и поставить страну на колени. Но мы не сдаемся. Россия не сдастся. Вся Россия — фронт, и каждый в ней — солдат. Мы не имеем права отступить, как не имели права отступить воины Невского и Суворова, Кутузова и Алексеева...

Я молчал, не перебивая президента, а он все говорил и говорил, про санкции и русский мир, про духовные скрепы и геополитику, про сферы влияния и пятые колонны, про цветные революции и многополярный мир, про национальные интересы и традиционные ценности, про зерновые сверхдержавы и симметричные ответы на агрессию западных стран. Я слушал его и думал только об одном: неужели, сдавая экзамен по социологии, я выглядел со стороны так же? Пожалуй, мне следовало бы поблагодарить преподавателей, все-таки поставивших мне тогда оценку из уважения к уверенному виду, с которым я нес чушь. Наконец я не выдержал и дважды зевнул во время одного очень длинного и поэтического высказывания о лодке, расклевываемой в шторм. Судя по всему, президента это несколько обидело. Он надулся и замолчал.

— Прошу прощения, — извинился я. — Мне сегодня не дали выспаться.

Мои слова смягчили недовольство.

— Тогда перейду ближе к делу. На всякой войне, — обстоятельно сказал он, подчеркнув последнее слово, — и в любых битвах есть солдаты и командиры. Есть разведчики и тыловики. А еще существуют парламентарии. Мой друг! Пробил тот час, когда только вы можете взять на себя эту благороднейшую из обязанностей. Родина нуждается в вас, в своем сыне, который единственный может отправиться в логово врага, презрев ожидающие его на этом пути опасности.

— Вы хотите, чтобы я поехал за границу послом?

— Именно так, — подтвердил президент, возвращаясь к своему обычному тону. — Вы будете должны провести ряд переговоров. Видите ли, — он вернулся за стол и сел в кресло, — враждебные страны Запада категорически отказываются обсуждать некоторые вопросы по телетайпу...

Какие-то тонкие нотки в голосе президента говорили, что государственный лидер несколько лукавит.

— ...Поэтому, — продолжал он, — нам нужны вы. Вы отправитесь в Германию, Швейцарию и США. Мы с министром составим подробный план переговоров сегодня вечером. Пока же расскажу о вашей миссии вкратце.

Президент ловким движением положил на стол лист бумаги и взмахом ручки нарисовал единицу.

— Для начала вы должны провести переговоры с представителями фармацевтических компаний. Наверное, вы уже слышали, что мы вынуждены закупать некоторые лекарства за рубежом.

— Бессмертные? — вспомнил я слова Харона.

Президент поморщился, тщетно пытаясь устыдить меня взглядом.

— Это абсолютно неправильный и некорректный термин. Я попрошу не использовать его. Этот термин придумали купленные Западом оппозиционеры, чтобы дестабилизировать ситуацию, поэтому я был вынужден их арестовать. Употребляйте слова «Лица, имеющие право на особый уровень медицинской помощи». Все люди, что входят в этот список, являются государственными мужами высшего класса. Их опыт и знания нужны России. Нет ничего ценнее, чем стаж, накопленный руководителем. Император Франц-Иосиф правил Австро-Венгерской империей свыше шестидесяти лет, и вы знаете, что случилось с его страной, когда он умер?

— Что?

— Она развалилась, — испуганным голосом прошептал президент. — Поэтому мой долг — править Россией как можно дольше. Я руковожу страной пока меньше, чем император Франц-Иосиф, но нет предела совершенству. Особый уровень медицинской помощи дает возможность мне и другим членам списка реализовать весь свой богатейший опыт на благо страны. Если же на мой пост сядет человек без опыта, то буквально через месяц Россия будет разрушена странами Запада до основания. Погибнет все то, что я создавал годами. В стране будет еще хуже, чем сейчас, так что я остаюсь на этом посту только из-за любви к родине. И принимаю лекарства — тоже. Надеюсь, что лет сто у меня еще есть.

Я сидел, стараясь делать непроницаемое лицо.

— Вернемся к переговорам. Западные фармацевтические компании убеждают нас, что нужные нам препараты выпускаются только в виде, гм, свечей. Я им не верю. На мой взгляд, это провокационное оскорбление государственного уровня. Вы должны разобраться и убедить фармацевтов продавать нужные нам лекарства в форме таблеток. Ну или хотя бы внутримышечных уколов. Хотя бы только для меня. Думаю, что остальные согласятся потерпеть.

Президент написал на листе бумаги двойку.

— И наконец, ваше главное задание. Вам предстоит сделать исключительно важный шаг, направленный на повышение международного престижа нашей страны. Как я уже говорил, вы поедете в Берлин. Я уполномочу вас урегулировать некоторые финансово-территориальные вопросы. Невзирая на враждебное отношение стран Запада, нам предстоит сделать первый шаг и протянуть руку дружбы. Узнайте, заинтересована ли Германия в возвращении ей северной части бывшей Восточной Пруссии.

— То есть Калининградской области?

— Вы совершенно правы. И если Германия в этом заинтересована, то следует узнать, на какие взаимные шаги она готова пойти. Вопрос даже не в деньгах. Я хочу, чтобы ООН сняла выездные санкции с высшего руководства России и распустила трибунал. Германия как постоянный член Совбеза ООН, заменившая там Россию, вполне может пролоббировать наши интересы.

Мне отчетливо вспомнилось пророчество Харона. Кажется, пришла пора вступить на тонкий лед.

— Я правильно понимаю, что вы хотите обменять Калининград на роспуск трибунала?

Президент недовольно вздохнул.

— Я повторю еще раз, что весь мир ведет необъявленную войну с Россией, и мы живем в осажденной крепости. Каждый гражданин нашей страны — воин, а воин должен с мужеством идти на любые жертвы ради своей родины. Ситуация намного сложнее, чем может показаться вам. В этом нелегком мире Россия должна вести агрессивную внешнюю политику. Для того чтобы наш голос был услышан, нам необходимы, во-первых, визы на право въезда во весь остальной мир и, во-вторых, гарантии того, что никого из нас там не посадят. Как можно действовать на благо родины, когда тебя могут арестовать в любую минуту?

— Я вас очень понимаю, — дипломатично согласился я.

— Чтобы получить все это, нужно предложить что-то взамен, — продолжил президент. — У вас есть какие-то другие варианты?

Я напряженно думал. Неужели меня позвали в Кремль только ради этого? Наверное, решил я, в деле есть какие-то скрытые обстоятельства, которые, по всей видимости, мне не спешат сообщать.

— Или вы хотите, чтобы мы снова жили, как в тридцатые годы? — спросил президент, неправильно истолковав мое молчание. — Когда денег в России хватало только

на лекарства для меня и моих друзей, а вся остальная страна жила в нищете? Я и мои друзья не против, а вы?

— Нет, — честно ответил я.

— А может быть, вы просто либерал? Я же вижу, что вы — представитель пятой колонны, который хочет вычистить сапоги американскому солдату! — президент резко облизал пересохшие от гнева губы и налил себе кофе. — Должно быть, это о вас Достоевский написал: «Все наше хают и бранят, а сало русское едят!» Вы национал-предатель и русофоб!

А вот это уже было обидно.

— Товарищ, — сказал я, стараясь придать голосу вес. — Я родился в Советском Союзе и до сих пор предан своей социалистической родине. Поэтому я вынужден отдать приказ о вашем аресте. Кремль оцеплен. Сопrotивление бесполезно. Сейчас за вами придут латышские стрелки и увезут в ЧК для допроса. Расстрел назначен на завтра, форма одежды свободная.

Президент едва не захлебнулся кофе. Он отчаянно кашлял, как минимум, полминуты, а я колебался: постучать ли его по спине или лучше не надо? Рассудив, что за нанесение побоев президенту мне могут дать пожизненное, я воздержался.

— В детстве... — прохрипел президент и снова закашлялся, — в детстве таким шутникам, как вы, я плевал в спину жеваной бумагой. Из трубочки.

— Ну, ну, конечно, я преувеличиваю, — извинился я. — Я просто родился в Советском Союзе. Да и положим, какая же я пятая колонна? Я учился исключительно в отечественных университетах, у меня нет недвижимости и банковских вкладов за рубежом, как нет и второго гражданства...

Президент немного покраснел. Скорее всего, это было следствием долгого кашля. Шумно выдохнув воздух, он продолжил:

— Вы выглядите идеологически сомнительно для такой миссии, поэтому я склоняюсь к мысли о том, что за границу нужно отправить вашего двойника. Мои спецслужбы уже изготовили латексную маску, в точности повторяющую вашу внешность...

Он прервался для того, чтобы извлечь из ящика стола жуткого вида маску, сделанную из грубой резины.

— Номер не пройдет, — предупредил я. — На въезде в Евросоюз у вашего двойника сверят отпечатки пальцев с теми, которые взяли у меня при выдаче визы. Они не совпадут, и ваш двойник поедет обратно. К тому же ваша маска совершенно не похожа на меня. Конечно, я толком не спал уже две ночи, но мне еще далеко до такого состояния...

Президент смял маску в руке (с нее начала отваливаться краска) и ударил кулаком по столу:

— Евросоюз — отвратительное полицейское государство!

Я перехватил инициативу в разговоре, чтобы президенту в голову не пришла еще какая-нибудь идея. Мне жизненно важно было поехать за границу.

— Но я вовсе не отказываюсь от дипломатической поездки, — заявил я. Президент с ощутимым облегчением выдохнул и чуть осел в кресле. — Вы неправильно меня поняли. Произошло недоразумение. Мне только хочется уточнить одну вещь. Если Калининградская область будет передана Германии, то жители останутся там?

— О жителях не волнуйтесь. Я не бросаю своих граждан. Население будет эвакуировано в Псковскую и Новгородскую области. Там как раз уже почти никого не осталось.

— Господин президент, у меня есть предложение, — сказал я. — Я поеду за границу и выполню то, о чем вы меня просите. Но пусть жители Калининградской области останутся там, где они сейчас живут.

Мне откровенно не нравилась Россия образца 2057 года. К моему огромному сожалению, исправить положение не представлялось возможным. Но не имея возможности обустроить большую родину целиком, я, похоже, еще мог спасти от нее свою малую родину.

Президент чуть наклонил голову в одну, затем в другую сторону, словно перекатывая в ней мысль. Затем резким движением вскинул глаза:

— Это исключено, — заявил он наконец. Его голос взвился к потолку. — Нет, это категорически недопустимо! Вы в Кремле, а не в фантастике! Заботьтесь о себе, а не о людях, которых вы в глаза не видели и не увидите. Какое вам дело до них? Просите себе все что угодно, но не пытайтесь решать судьбы других. Почему я должен потерять почти миллион человек? Это сплошной убыток! Получится слишком опасный прецедент! И, кстати, далеко не факт, что они захотят покинуть Россию!

— Тогда разрешите остаться тем, кто этого захочет, — сказал я, пока президент перевел дыхание.

— Вы — сепаратист! — гневно сказал президент, ударив кулаком по столу.

— Нет, это не я хочу обменять область на трибунал!

Президент глубоко вздохнул, потирая ушибленную руку.

— О людях речь не идет. Это исключено. Если я разрешу что-то подобное, то к вам в Калининград переедет четверть России, — сказал он, не пытаясь скрыть свое недовольство. — Кто будет работать на полях, если я начну отпускать население налево и направо? Я уже не говорю о том, что к вам гарантированно переберется вся элита России и я останусь в одиночестве.

Президент поднял трубку телефона и набрал номер.

— Привет, — сказал он голосом, еще не остывшим после нашей дискуссии. — Да, сейчас обсуждаем. Переселение миллиона человек на Северо-Запад. Так, по деньгам понятно, я выделю. Старый фонд и бараки? Заброшенные дома как вариант вполне подойдут, их там полно. Области стоят пустые. Вагоны для перевозки людей тебе выделяют. К тебе сейчас приедет мой гонец. Прими его как можно скорее и подпиши все документы! Все.

Положив трубку, президент обратился ко мне:

— Все жители Калининградской области в ближайшие сроки будут обеспечены на новом месте жильем, высокооплачиваемой работой и развитой общественной инфраструктурой. Видите мою заботу? Неужели вы думаете, что в Европе кто-то будет заботиться о людях, как забочусь я?

Президент достал из ящика стола простое серебряное кольцо и протянул мне. По ободу шла тонкая гравировка.

— «К вящей славе родины»? — прочитал я буквы-паутинки.

— Вы совершенно правы. Это особое кольцо, отличительный знак. Такие кольца имеют право носить только мои друзья. Если вы выполните две мои просьбы, оно станет вашим. Кольцо позволяет владельцу действовать от моего имени, а это бесценно. Человек с кольцом становится непогрешимым. Все его действия считаются произведенными для блага родины. Вы получите право на особый уровень медицинской помощи, что откроет вам путь к бессмертию. Однако, — тут он предостерегающе поднял палец, — кольценосец должен быть безоговорочно предан мне. Верните, пожалуйста, кольцо.

Я протянул президенту кольцо, успев заметить, что на его среднем пальце надето похожее, отличавшееся только гравировкой. «Родина — это я» — гласила надпись на кольце президента. Какая тонкая игра слов.

Переиграть президента я не мог при всем желании, но я пока обладал возможностью выйти из игры. Предстояло действовать тонко и аккуратно.

— Родина предлагает вам больше, чем кто бы то ни было, — сказал президент, убиравая кольцо. — Главное сейчас — распустить трибунал. Дальше действовать будем мы. Вы согласны поехать?

Похоже, выбора у меня не было. Не имея возможности помочь ни России, ни Калининграду, я еще мог спасти себя самого. Не я был первым беглецом из России, и не я буду последним. Смирись, сказал я себе; тысячи людей пытались сделать жизнь в России лучше, и у тысяч людей это не получалось. Родные края покидали князь Курбский и князь Юсупов; отчего бы мне не вписать свое имя в этот список?

— Да, — коротко согласился я.

— Превосходно, — президент потер руки, хрустнув суставами пальцев. — Для начала я подпишу приказ о назначении вас чрезвычайным и полномочным послом России во всех странах земного шара. Помимо этого, вам присваивается чин действительного государственного советника первого класса. Вы говорили, что у вас нет денег и недвижимости за рубежом?

— Нет, к сожалению, нет.

— Это очень хорошо. У многих ваших предшественников в прошлом возникало сильное желание остаться за рубежом. Я хочу полностью обеспечить вас здесь, чтобы вам было куда возвращаться. Вам выдадут трехуровневую квартиру с затемненными окнами и видом на Москву-реку. Служебные машины, налоговые льготы, уголовная неприкосновенность... — президент махнул рукой, показывая, что ему даже не хочется говорить о таких мелочах. — Еще вам нужно будет жениться.

— Зачем?

— Ну как же. Я ведь не могу приковать вас к себе наручниками на время поездки. Значит, нужны другие способы предотвратить ваш побег. Вы же не бросите жену одну в этой стране? Мы ее тут же посадим!

— Гм, — скептически сказал я.

— Завтра мы проведем смотрины в парадном зале, — продолжал президент заботливым тоном. — Там будет весь женский незамужний состав моей канцелярии. Выбирайте по собственному вкусу. Бракосочетание днем. Я полагаю, что мой Чрезвычайный и Уполномоченный член будет сватать свою дочь. Не рекомендую... Ах да, еще одна несущественная формальность. Так как вы занимаете важный пост, на вас необходимо иметь компромат. Это очень важно для функционирования вертикали власти.

Мне показалось, что президент немного лукавит, но я воздержался от комментариев.

— Выбирайте, какого рода компромат вы хотите завести на себя? Взятки? Связи с организованной преступностью? Женщины? Нам надо спешить. Взятку мы можем перевести вам хоть через час, только потом надо будет вернуть ее обратно. Если вы решите выбрать женщин, то съемки в гостинице сегодня вечером. Вот если оргпреступность, то здесь сложнее. Понимаете ли, бумажная волокита... Мы не успеем собрать организованную преступную группу раньше завтрашнего утра, а нам хорошо бы закончить с этим уже сегодня.

Похоже, сейчас, когда все дела были улажены, у меня оставался шанс напоследок сделать то, о чем я мечтал с прошлого вечера. Извечной мечтой каждого мыслящего человека в России является желание добраться на прием к доброму царю и рассказать ему про злых бояр. Эта мечта насчитывает не меньше лет, чем сама Россия; она прекрасна, как цветок василька, и бесплодна, как арктическая тундра, она оптимистична, как кудрявая весенняя березка, и трагична, как вся история моей страны.

— Господин президент! — начал я. — Пожалуйста, выслушайте меня! В стране полный...

Я вкратце обрисовал свои впечатления от всего увиденного, услышанного, прочитанного и обдуманного за неполные два дня, проведенные в удивительном госу-

дарстве будущего, стараясь при этом не называть конкретных имен. Все это время президент смотрел на меня с плохо скрываемым недоумением.

— Вы закончили? — поинтересовался он, и мне показалось, что я слышу некоторое участие в его голосе.

Президент ответил не сразу. На какую-то долю секунды мне показалось, что я пробудил в нем что-то доселе спящее и, по всей видимости, еще не до конца атрофированное. Президент открыл рот, и наваждение исчезло.

— Вы — первый честный человек, который вошел в этот кабинет за все время его существования. Я разбираюсь в людях, иначе бы не сидел здесь, поэтому я могу заявить это со всей уверенностью. Что же, налейте себе еще кофе и выслушайте меня не перебивая. Конечно, Россия не идеальна, но, к примеру, вы видели размер госдолга США? Вы знаете про социальную политику Украины? Вы слышали про положение русскоговорящих в Тимбукту? И вообще, я хоть сейчас могу назвать не меньше двух стран, в которых жить еще хуже, чем в России. Почему все сравнивают Россию с Америкой, но никто не хочет сравнивать с Афганистаном или Зимбабве? Благодаря моим заслугам мы пока еще живем лучше Афганистана! Вы говорили, что где-то в провинции делают хлеб из гороха, но если мы будем выпускать хлеб без гороха, то люди просто не смогут его купить: у них не хватит денег. Вы говорили, что зарплата маленькая и работать негде, но граждане как-то живут. От голода пока еще никто не умирает. Даже на Урале. И вообще, не будь призыва жителей всей остальной России в Трудовую армию, то им просто было бы нечем заняться в своих регионах! Пусть провинциалы вообще радуются, что они еще хоть где-то и для чего-то нужны!

Президент перевел дыхание и сделал глоток кофе, после чего продолжил:

— Проклятое наследие бесхозяйственности минувших лет. Прошлый президент довел страну просто до ручки. И вообще, за экономику я не отвечаю. Это все правительство. К сожалению, другого правительства у меня для вас нет. Так, что дальше? Вы упоминали, что люди недовольны выборами, но почему они тогда на них не ходят? Мы ведь еще проводим выборы и даже боремся за повышение явки. Люди сами не ходят на избирательные участки, а потом еще недовольны. Я мог бы назначить себя пожизненным президентом, но не сделал этого. Я честно выиграл все свои президентские выборы и буду выигрывать их впредь.

— Честно? — все-таки не удержался я. — Мне кажется, что система «Ниппель» несколько...

— Не перебивайте меня, — прервался президент на секунду. — Без деятельности контролирующих и надзирающих служб Россия неизбежно бы скатилась в бездну анархии. Ну, а что касается деятельности правоохранительных органов и вспомогательных патриотических бригад, то, конечно, временами происходят некоторые эксцессы. Люди, о которых вы говорили, — часть нашей страны, а не какие-то надсмотрщики из инкубатора. Я не могу запретить людям, которые любят Родину, объединяться в патриотические клубы и следить за порядком. Только благодаря им существует Россия, благодаря им наговские солдаты еще не шагают по Красной площади. Ну, и напоследок я выскажусь о территориальном вопросе Дальнего Востока. Регионы, о которых вы говорили, раньше приносили нам одни проблемы и убытки. Сейчас же они приносят нам прибыль в валюте. Если вы не можете содержать огромный дом, то разумно переехать в жильё поменьше.

— Простите, но так можно продать всю Россию, оставив только Москву. И еще Черноземье, чтобы было где выращивать хлеб.

— Я не намерен вступать в дискуссии, — очень холодно заметил президент. — Вы задали мне вопрос, я ответил по существу. Если уж на то пошло, то что сделали лично вы для того, чтобы жизнь в России стала лучше?

Мне в моей жизни задавали много нелегких вопросов, но ни один из них не ставил меня в тупик так, как этот.

— Вот и не критикуйте меня, — обиженно произнес президент.

— Это было то, что вы называли «честным ответом»? — на всякий случай поинтересовался я.

Совершенно неожиданно президент улыбнулся.

— Давно я так не беседовал, — сказал он. — Может, действительно, надо будет как-нибудь заgrimироваться и прогуляться по Москве, пообщаться с простыми людьми. Сотню лет так не делал. Нет, это было то, что я называю «обычным ответом». Ну, а если вы хотите честного ответа...

Он налил себе еще кофе и выпил.

— Я даже немного отвык. Посидите год в Кремле, сами поймете. Так вот, я президент России, а не бюро социальной защиты. Я занимаюсь политикой. Вы знаете, что такое «политика»?

— По одному из определений, — вспомнил я, — это наука о власти.

— Совершенно верно. Власть. Здесь где-то сказано об экономике и населении? Я строю русский мир; мне некогда думать о русском народе.

Президент отхлебнул кофе и продолжил:

— Родина — это я, а я благодаря достижениям зарубежной медицины смогу прожить еще очень много лет. Я окружаю себя наиболее бездарными политиками, чтобы хотя бы на их фоне казаться великим государственным деятелем. Я предпринял ряд локальных укреплений и совершенно не боюсь народного бунта. Революции делаются исключительно в столицах, а москвичей и петербуржцев я держу в лучших условиях, чем всех остальных. Кроме того, это позволяет расколоть страну. Провинциалы ненавидят москвичей за то, что те жируют, а москвичи ненавидят провинциалов за то, что они норовят перебраться в Москву.

— Разделяете и властвуете?

— Совершенно верно. Намного дешевле кормить два города, чем всю страну. Ну, а если где-то кто-то будет недоволен, как на Урале в тридцатых, то моя верная Госгвардия выедет на место и усмирит бунтарей. Об этом даже никто не узнает, потому что я давным-давно отменил Интернет. В общем, народа я не боюсь. Я заменил армию призывом в поля, потому что не хочу, чтобы мой народ умел стрелять. Это им совершенно не нужно. Я не боюсь и своих силовиков. Я делаю так, чтобы они конкурировали друг с другом. Пока получается. Пусть грызутся друг с другом. Говоря откровенно, небольшую опасность для меня представляют мои друзья, кольценоscopy.

— Но почему?

— Потому, что они мои друзья. А друзья иногда бывают недовольны. Иногда они хотят слишком многого, и мне приходится аккуратно останавливать их. Хоть они в этом и не признаются, они считают меня первым среди равных. К счастью, пока ситуация стабильна. Народ безмолвствует, силовики подчиняются, а друзья накормлены. — Президент глотнул еще кофе и продолжил: — Кстати, намного дешевле кормить одних только друзей, чем весь народ. А если у населения нет денег на водку, пусть пьют настойку боярышника. Мне ничего не угрожает. Разве что однажды силовики прекратят свою грызню, а мои друзья отвернутся от меня...

Президент на секунду прервался.

— Но так никогда не произойдет. Я хорошо зачистил поле власти. В стране есть только один политик — это я. Никто, кроме меня, — возвысил голос президент. — Все умрут, а я останусь.

— Мне кажется, что вы недооцениваете народ... — начал я, но президент перебил меня:

— И вы еще называли себя историческим консультантом! Назовите мне хоть одного российского лидера за последнюю тысячу лет, сброшенного народом. Керенский не легитимен и поэтому не считается.

— Ну, разве что Лжедмитрий... хотя нет. Кажется, там был заговор Шуйского...

— Вот именно. Заговор. Петр Третий — заговор. Павел Первый — заговор при влиянии пятой колонны англичан, — перечислял президент, загибая пальцы. — Опасны только те, кто близко. Декабристы никогда не страшны. Их вешают. Вы помните, кто отправил в феврале семнадцатого года трехсотлетнюю династию Романовых в отставку? Кто заставил отречься императора Николая Второго?

— Помню, хоть меня там и не было, — сказал я. — Председатель Государственной думы Родзянко, пять командующих фронтами и один адмирал.

— Вот вы сами все понимаете, мне даже не надо объяснять. А помните, кто арестовал Николая Романова, уже отправленного в отставку?

— Начальник Генерального штаба генерал Алексеев, — с трудом вспомнил я.

— У вас еще есть вопросы? — с внутренним торжеством спросил президент.

— Только один. Вы помните, что Февральская революция началась в очередях за хлебом?

— Я думаю, что вопросы продовольственного снабжения граждан России не входят в рамки нашей беседы, — президент вернулся на «вы», словно подводя какую-то черту в разговоре. — Не раскачивайте мою стабильность своими вопросами. А на будущее я вам скажу, что есть границы, которые нельзя пересекать даже моим друзьям. Ведь вы мой друг? А по существу вашего вопроса я скажу: в стране всегда можно ввести военное положение. Это помогает.

— Господин президент, — сообщили часы, — к вам министр иностранных дел.

— Впустите, — сказал он лампе и перевел взгляд на меня. — Я думаю, что мы с вами обсудили основные положения и пришли к консенсусу. Не будем выносить сор из избы.

Зажужжал небольшой шкаф, отодвигаясь в сторону. Дверь, что располагалась за ним, была удивительно низкой. Она открылась, впуская знакомого мне министра иностранных дел. На нем были новые очки, под которыми виднелся плохо припудренный синяк.

— Я всю ночь мотаюсь между Витебском и Вязьмой! — закричал министр. — Меня бьют опричники и травят сонным газом отморозки! У меня до сих пор трещит голова! Я сбегая из-под капельницы, мчусь к тебе!..

— Вот что, выпей кофе, чтобы голова не болела, и прекрати дерзить. Ты не в зале заседаний ООН.

Президент и министр общались друг с другом в той доверительной манере, которая бывает только у людей, прошедших вместе огонь, воду и многолетнюю государственную службу.

— Кстати, если уж мы заговорили про ООН! — воскликнул министр. — Ты мог бы, как минимум, продумать содержание дипломатического ультиматума...

— Я уже все продумал, — сообщил президент. — Если они не согласятся на наши условия, то я снесу Калининград и всю область бульдозерами. Если это не поможет, то я разнесу какой-нибудь из ненужных городов России. Например, Петрозаводск, Углич или Кострому. Нет, лучше Выборг, чтобы надавить на Финляндию! Населению я скажу, что нас разбомбили американцы, а список ненужных городов России я составлю к завтрашнему...

— Подождите, — торопливо встрял я. — Вы не говорили, что я повезу ультиматум!

— Не беспокойтесь, — твердо сказал президент. — В соответствии с нормами международного права посол является неприкосновенным лицом. Вам ничего за это не

будет. Но в случае чего мы скажем, что вас не посылали. На чем я остановился? Ах, да. Думаю, это заставит Запад пойти нам навстречу.

Я промолчал. Из этого будущего нужно было бежать, как из чумного барака. Похоже, в этих условиях мне действительно оставалось только одно: согласившись со всеми безумными требованиями президента, выехать за границу, после чего помахать провожающим меня людям рукой и отправиться восвояси. «И праха моего тебе не будет, неблагодарное отечество», как когда-то повелел написать на своем надгробии великий римский полководец Сципион, справлявшийся с чужими столицами лучше, чем со своей.

— У стран Запада появились новые правительства. Настало время снова надавить на зарубежных политиков. Они жалеют наше население, и это следует использовать в полную силу! Сейчас мы отправим уполномоченного посла с официальным ультиматумом, в котором будет перечислено все то, что я сделаю с Россией, если они не примут мои условия. У тебя есть предложения получше? А? Я что-то не слышу. Критиковать все горазды, а вот что-то предложить...

В этот момент на столе негромко зажужжал один из телефонов.

— Слушаю! — недовольно произнес в снова поднятую трубку президент. — Ты меня сейчас отвлекаешь. Да, ты все правильно понял. С этого момента в эфире ни единого плохого слова о Европе и США. Да, именно так. Про что тогда вообще передавать? Это, вообще-то, я должен спрашивать у тебя. Пусти цикл передач про нашу с ними дружбу. Да хоть про «Союз—Аполлон». Нет, про полярные конвои нежелательно. Это история! Это знать надо!

В трубке кто-то торопливо и неразборчиво возражал.

— Ты уже подготовил фильм про то, что я сделаю с Россией, если западные лидеры снова откажут мне? Нет? А резервную серию предвыборных фильмов? Тогда зачем ты вообще мне звонишь? Сколько тебе нужно выделить на мультипликацию? Сто миллиардов??? Обойдешься. Ах, так? Ну и уходи.

Президент положил трубку на рычаг и с гневным сопением посмотрел на нас.

— Вот видите, — обратился он к нам. — Вся страна на ручном управлении, пока не позвонишь и не вставишь, никто не будет работать.

Он щелкнул каким-то тумблером на столе, очевидно отключая телефоны, и гневно продолжал.

— Я хочу решать судьбы мира и определять будущее планеты, а что мне приходится делать вместо этого? Я не хочу и не буду заниматься всей этой дребеденью, с которой ко мне лезут, когда я обдумываю проект разделения сфер геополитического влияния на территории постсоветского пространства! Я хочу выступать на трибуне ООН, рассказывая о величии России и ее особом пути, и чтобы мне аплодировали слушатели!

— ООН у тебя будет, — заверил его министр, — а что до министра телепропаганды, то я просто посоветую снять его с поста и снять с него кольцо. Без лекарств он очень быстро станет дисциплинированным.

— Я тут внезапно подумал, — устало начал президент, облокотившись на стол и обхватив пальцами лоб, — что мне следует снимать кольца с вас всех. Вы только и умеете, что требовать денег и вечную жизнь. Я согласен покупать лекарства для друзей. В конце концов, друзья, которые давали мне списывать в школе, это святое. Я согласен выделять деньги на лекарства для жен друзей, все-таки семья — это тоже святое. Когда у меня начали просить лекарства для детей, я нахмурился, но согласился. Но теперь у меня начинают требовать лекарства для внуков, и я понимаю, что мой узкий элитарный клуб для избранных друзей превращается в проходной двор! По-

сбрасываю вас ко всем чертям в регионы и наберу себе новых друзей, которые будут меня слушаться. Они-то будут знать, кому они обязаны и кто здесь главный!

— Хорошая мысль, — сказал министр. — Тогда начни с твоих служивых, потому что они уже переходят всякие границы. Синяк у меня под глазом вопиет о той вседозволенности...

— Я знаю, — холодно ответил президент. — Но твое недовольство дестабилизирует страну. Если бы не мои служивые люди, то напротив меня сейчас сидели бы не вы, а солдаты НАТО.

— При чем тут НАТО? — возмутился министр. — Они просто везде! Мне выдали нового водителя, который не умеет переключать передачи и заводится с третьей попытки. Я потребовал его заменить, мне ответили: «Это наш информатор. Пусть остается».

Президент заглянул в кофейную чашку. Она была пуста, и президент с грустью поставил ее обратно.

— Мой милый наивный министр иностранных дел, — начал он с каким-то теплом в голосе, словно говорил с первоклассником. — Я могу отправить в отставку министра, это не трудно. Я даже могу распустить целую службу. Но я не могу отправить в отставку институт силовых структур, во-первых, служащий моей опорой, а во-вторых, специализирующийся на арестах. Он немедленно возродится из пепла, точно феникс. Какая тебе разница, арестует тебя федеральная опричная служба или возникшее вместо нее управление по защите конституционного строя? Если уж на то пошло, то я подозреваю, что у кого-нибудь из них есть не только дело на меня, но и мой двойник, который в случае необходимости просто наденет мою маску, сядет в это кресло, и никто даже не заметит разницы. Я же тем временем буду сидеть в карцере, либо у опричников на Александровском валу, либо в гостапо на улице Ивана Калиты, и я даже не знаю, что из этого хуже...

— Ну хорошо, силовиков я еще пойму! — министр иностранных дел всплеснул руками. — Но вчера, когда мой лучший переводчик начал повторять вслух английскую грамматику, его кто-то услышал. Неизвестные хулиганы выломали дверь, сказали, что он своими поступками оскорбляет русскоговорящих людей, избили его, сожгли на полу все учебники английского языка (чудо, что квартира не загорелась), а уходя, наклеили на стену подъезда бумагу о том, что здесь живет предатель родины, выявленный и обезвреженный Дружиной патриотической самообороны. Этот маразм из провинции уже дошел до Москвы! И только не надо втирать мне про то, что если бы к моему переводчику не пришли дружинники, то вместо них в дверь постучались бы солдаты НАТО!

— Я никому не втираю, — чуть склонив голову, сказал президент. — Какие у тебя есть доказательства, что к этому инциденту имеют отношение добровольческие бригады?

Министр иностранных дел даже не нашел слов, чтобы высказать все то, что было в этот момент в его взгляде. Президент продолжил:

— Однозначно, это провокации пятой колонны. Задумайся, кому выгоден этот поступок? Явно тем, кто хочет дестабилизировать обстановку и бросить тень на людей, любящих свою родину, на патриотов России, которые готовы отдать свою жизнь за суверенитет страны. Я не удивлюсь, — продолжил он, — если следствие установит, что твой переводчик сам заплатил нападавшим, чтобы организовать эту провокацию и оказать на тебя давление. И завербованные агенты Запада вовсю этим пользуются, чтобы выслужиться перед своими хозяевами и отчитаться за полученные средства... Кстати, про деньги. Ты составил смету?

Министр иностранных дел недовольно фыркнул и достал из портфеля пачку бумаг.

— Предварительные подсчеты таковы: разработка проекта и сметы — десять миллиардов рублей. Уплата выездных пошлин — пятнадцать миллиардов. Обязательное страхование жизни и здоровья — двадцать миллиардов. На поездку нашего посла до границы с Евросоюзом — сто миллиардов с учетом асфальтирования дорог и противоклещевой обработки местности. На поездку по Евросоюзу — двести миллиардов, без учета миллиарда суточных. На интеграцию со всемирной визовой системой — сорок миллиардов... на восстановление аппарата Министерства иностранных дел — пятьсот миллиардов...

Налившийся кровью президент впился пальцами в крышку стола и, глядя министру в глаза, медленно и отчетливо прошипел через плотно сжатые зубы:

— Ты можешь хотя бы сейчас не воровать?

Не находя слов, президент вытащил из чашки серебряную ложечку и согнул ее дрожащими руками прямо перед носом министра иностранных дел.

— Слушай сюда, — медленно прошипел президент, кладя согнутую ложечку на стол. — Двадцать миллиардов тебе на все. Если ты своруешь хотя бы рубль, я прикажу, чтобы тайная полиция переделась украинскими партизанами и публично расстреляла тебя на Лобном месте вместе со всем твоим аппаратом иностранных дел!

— Можно подумать, что ты платишь из своего кармана! — гневно возопил министр.

— В России — все деньги мои! — гневно сказал президент. — К тому же их мало.

— А почему поездка такая дорогая? — поинтересовался я. — Если что, я могу немного сэкономить.

В самом деле, я был готов несколько воздержаться в расходах, лишь бы поскорее покинуть Россию будущего.

— Это не поездка дорогая, это рубль дешевый, — коротко бросил министр иностранных дел.

Президент ударил ладонью по столу:

— Бери пример с нашего друга! Он безвозмездно едет в Европу! Я уверен, что на переговорах он будет держать себя на высоте и, в отличие от тебя, не высморкается в скатерть на званом обеде в Букингемском дворце. — Он облокотился на стол и посмотрел на меня. — Башни Кремля отбрасывают длинные тени. Наверное, наш разговор вам не очень интересен. Сейчас мы с господином министром иностранных дел проработаем все детали вашей поездки. Завтра утром будет совещание, а пока я предлагаю вам комфортабельно разместиться на новом месте. Я живу в Кремле и вам советую.

В дверь стоящего рядом несгораемого шкафа кто-то постучал изнутри. Президент открыл тяжелую железную створку. Из несгораемого шкафа проворно вылез самый необычный человек, которого я увидел за этот день. Он был невысок и худ; на вид его возраст чуть превышал пятьдесят лет. Темные волосы были слегка взъерошены.

— Я здесь, о мой повелитель, — почтительным тоном произнес человек.

— Познакомьтесь, это мой самый надежный друг, — представил нас президент. — По совместительству он работает у меня премьер-министром, но ценю я его вовсе не поэтому. Он полностью предан мне.

Премьер вздохнул. В его глазах светилась затаенная грусть.

Президент повернулся ко мне.

— Я очень рад нашей беседе и верю, что мы с вами сможем сделать Россию великой. Жду вас завтра здесь в восемь утра. Мы должны спешить!

Похоже, наша беседа подошла к концу. Я поднялся с нагретого кресла и попрощался с моими собеседниками.

— Прошу, — премьер-министр пригласил меня в несгораемый шкаф. Там была винтовая лестница, ведущая вниз.

— Это не шкаф, это потайной ход для доверенных лиц, — сказал премьер, спускающийся впереди меня. Винтовая лестница вела в коридор с богато украшенными золотом стенами. Под потолком сияли небольшие люстры богемского хрусталя. — Подземные коммуникации Кремля, — пояснил мне мой проводник. — Очень удобно в дождь. Приезжаешь прямо сюда на метро-два и идешь к себе в кабинет... Как я понял, вам предстоит исключительно важное и ответственное дело, но если вы позволите, то я ненадолго отвлеку вас.

— Да-да?

Премьер остановился и повернулся ко мне.

— Меня никто не уважает! — воскликнул он с искренним горем. — Меня делают каким-то мальчиком для битья и посмешищем всероссийского масштаба! Все плохое в стране валят на меня. Взбунтовался Урал, а виноват я. Растут цены, а виноват снова я. Хлеба нет, а ругают меня. Я поднял пенсию всем на пять рублей, а москвичам на десять, но мною снова недоволен! Мои подчиненные открыто смеются надо мной. Министр здравоохранения после рукопожатия со мной протирает руки сулемой, министр экономики заявил мне, чтобы я не лез в экономику, потому что я не умею считать, а министр культуры сочинил про меня оскорбительную частушку. На прошлой неделе кто-то перед совещанием подложил мне кнопку на стул; я подозреваю, что это был министр образования. И это еще не предел! Министр импортозамещения недавно угостил меня бутербродом с импортозаместительным сыром, после чего я три дня страдал жесточайшим расстройством желудка, а министр здравоохранения заявил, что поставил в церкви свечку за мое здоровье...

Так вот, к чему это я? Мне срочно нужно придумать какой-то громкий федеральный проект, чтобы выглядеть солидным государственным деятелем.

Мне стало по-своему жаль премьера.

— Ну, что бы такое придумать? — сказал я. — Отмените драконовские законы, разгоните ваших опричников и дружинников, посадите воров во власти, сделайте новые рабочие места, улучшите медицину, образование, постройте недорогое жилье для людей, снизьте налоги...

— Нет, нет, я так не сумею, — разочарованно протянул премьер-министр. — Это слишком сложно, да и президент меня не поймет. Потребуется потратить очень много денег и сил, а результат будет через годы или даже десятки лет. Мне нужно что-то быстрое, громкое, патриотичное, с чем бы я справился. Нужна какая-нибудь инновационная модернизация! Или лучше модернизационная инновация!

Я задумался. Слова «модернизация» и «инновация» казались невыразимо чуждыми в удивительной России будущего, звуча словно «Великая хартия вольностей» или «Золотая булла» в мрачную эпоху Ивана Четвертого.

— Я придумал. Есть у вас такая служба, Федеральное управление безопасности. Как я понял, расположено на Лубянке и на Якиманке. У них какая-то неблагозвучная аббревиатура. Переименуйте их в ЛУБ, Лубянское управление безопасности. Кратко, громко, патриотично.

Премьер-министр восхищенно вздохнул.

— Это просто невероятно! То, что нужно! Вы как никто другой понимаете нужды и задачи государственного управления. Понятно, что вы сейчас нужны родине за границей, но я всегда буду рад пригласить вас в свой кабинет министров. Я создам для вас Министерство инноваций. Условия стандартные: десять процентов вам, десять президенту, пять мне.

— Вы имеете в виду финансирование?

— А что же еще? — удивился премьер-министр. — Ну, а если получится, вы могли бы занять мое место. Впрочем, вернусь к финансированию...

Он остановил меня и приложил палец к своим губам. Пристально смотря на меня, премьер закрыл рукой небольшое отверстие в одной из стальных панелей.

— Говорите тише, — произнес он шепотом. — У меня есть еще один небольшое счет со сбережениями. Я дам вам его номер. Только, прошу, не говорите об этом президенту.

— Заначка? — понимающе ответил я таким же тихим голосом. Премьер кивнул.

— Он сам наделал уйму секретных счетов по всему миру, а мне не разрешает, — обиженно прозвучал премьерский шепот. — Чертов скопидом. Вы ведь знаете, из-за чего закрыли границы? Двадцать восьмой год. Президент уже тогда был невыездным. Он захотел вывезти часть своих денег за рубеж. Для этого он послал за границу своего доверенного музыканта якобы на гастроли. Чехол от контрабаса набили сто долларовыми бумажками. Конечно, это чрезвычайно маленькая сумма, но зато в наличных. Иногда это бывает очень ценно. В общем, музыкант выехал за границу и попросту сбежал с деньгами. Президент рассвирепел так, что в тот же вечер запретил выезд за границу любому гражданину России. Он давно хотел это сделать, просто не было удобного повода. Кстати, с тех пор он ненавидит контрабасовую музыку и контрабасистов в частности. Когда мы ходим на «Лебединое озеро» в Большой театр, то из оркестра удаляют всех контрабасистов...

— Можно смотреть «Лебединое озеро» по телевизору, — посоветовал я. — Это тоже очень впечатляющее зрелище...

— Я бы не сказал. Ничто не заменит живого исполнения. Жаль, что вам нельзя выходить из Кремля, иначе я бы с огромным удовольствием пригласил вас сегодня в ДК Горбунова на рок-фестиваль. Разумеется, строго анонимно: парик, темные очки, отдельный балкон... Уверяю, вас никто не узнает. Однако пойдете, а то нас заподозрят.

— Скажите, — как бы невзначай спросил я, когда мы вновь зашагали по коридору, — а что будет, если моя миссия закончится, так сказать, безрезультатно? Президент все равно начнет сносить города?

Премьер-министр развел руками.

— Может, и начнет, — произнес он. — Но, скорее всего, это будет уже после пере выборов в следующем году. Единственное, что я знаю — то, что наше телевидение на всякий случай уже готовит резервную серию телепередач о том, как коварные страны Запада, не желая идти на компромисс, грубо отказали нашему послу. То есть вам. Этим они продемонстрировали глубочайшее неуважение к нашей стране. В такой ситуации священным долгом граждан России будет сплочение вокруг любимого лидера... что весьма полезно перед пере выборами. Ничто так не способствует консолидации гражданского общества, как происки зарубежных стран. Вы дадите повод, ну, а дальше останкинские кудесники справятся сами.

— Какой продуманный план, — без тени иронии заметил я. — Если бы во времена Макиавелли существовало телевидение, то даже он не смог бы придумать более грамотной комбинации.

Мне хватало пищи для размышлений. За границу, положим, меня выпустят, но на что и где я буду жить там? На мою поездку выделяют миллиарды, но, узнав Россию будущего поближе, я вполне мог предполагать, что мне на руки достанутся несколько билетов на рейсовые автобусы, три евро суточных и спальный мешок для ночлега. Нужно было заранее продумать детали.

— И еще одна просьба, — словно извиняясь, произнес премьер, отрывая меня от раздумий. — Видите ли, у меня в Италии есть дача на острове Капри с видом на море. Я очень боюсь, что за прошедшие тридцать лет ее могли ограбить бездомные. По телевизору все время передают, что в Италии очень много хулиганствующих бродяг. Когда я там отдыхал, о таком даже нельзя было подумать. Могли бы вы на денек заехать туда и посмотреть, все ли там в порядке? Вы сразу узнаете мою дачу. Такое кра-

сивое трехэтажное здание, палладианский портик, перед ним фонтан. На воротах ограды позолоченный старый герб с орлом. Наверное, весь парк зарос, а виноградник пожрала медведка...

— Думаю, что медведка — это не самое страшное, что может случиться в жизни, — философски заметил я, стараясь сохранить нейтральное выражение лица. Кажется, в моем будущем забрезжила надежда. Сама судьба предоставляла мне кров и ночлег.

— Вы правы, — согласился премьер-министр громким шепотом. — Код отключения сигнализации семь, ноль пять, ноль восемь. Ключ под ковриком у входа. Там два коврика, хорасан и тебриз, так вот, ключ под хорасаном. Если хотите, можете даже переночевать там. Гостевая комната — третий этаж, как подниметесь по парадной лестнице, сверните направо. И если нетрудно, посмотрите, все ли в порядке в северной гостиной. Там на стене висит гобелен с изображением крестьян у очага. За ним скрыта маленькая дверца. Она ведет в каморку, доверху набитую деньгами. Я опасаюсь, что за это время банкноты могли отсыреть или привлечь грабителя. По телевизору только и говорят, что о нищете в Италии...

— Конечно же, я посмотрю, — заверил я премьера, надеясь, что у меня на лице не расплзается улыбка. В это мгновение я был готов провозгласить панегирик исполнительной власти России, что сейчас шагала рядом со мною. Похоже, я приобретал не только крышу над головой, но и финансовое благосостояние. Теперь оставалось только как можно скорее и аккуратнее выехать за границу.

— Для меня это не составит никакого труда. Если хотите, я даже могу перенести деньги в более сухое и безопасное место.

— Спасибо. Если нетрудно, перепрячьте их в гардеробную на третьем этаже, слева от лестницы, четвертая дверь. Вы меня просто выручили. Даже не знаю, как вас благодарить. Кстати, хотите медаль? — премьер вытащил из кармана брюк медаль «За заслуги перед родиной», которой его наградил президент. — У меня их уже девять некуда.

Я не был гордый.

— Давайте.

Медаль перекочевала ко мне в карман.

За одной из дверей, которую премьер снова открыл ключом, скрывалась лестница, ведущая наверх.

— Мы сейчас в Сенатском дворце, — объявил премьер, открывая еще одну дверь. — Тут у нас оборудована небольшая гостиница для высокопоставленных гостей. Располагайтесь, но прошу, не покидайте номер. Помните, что завтра в восемь у нас совещание. Наверное, через сутки вы уже будете ехать поездом к границе, а послезавтра окажетесь в Евросоюзе. Как печально, что я не на вашем месте.

— Ну, когда-нибудь... — неопределенно ответил я.

— Я верю в лучшее. Пусть ваша миссия увенчается успехом.

Мы шли по высокому коридору, стены которого украшала узорчатая золотая лепнина. Я выглянул в одно из больших окон. Солнце уже садилось. Президент был прав: башни Кремля отбрасывали длинные тени.

За одной из дверей, которую открыл премьер-министр, располагался просторный холл со светлыми панелями резного дерева на стенах и прекрасной мебелью, обитой золотой тканью. Тонированные окна были задернуты полупрозрачными занавесями. На диване у левой стены сидела молодая стройная светловолосая девушка лет двадцати, которая тут же поднялась при нашем появлении. Она была одета в изящную белую блузку и обтягивающую черную юбку.

— Познакомьтесь, это Жанна, — представил даму премьер-министр. — На время вашего пребывания здесь она будет вашим администратором. Если вам что-то потре-

буется, просто скажите ей. А теперь я должен идти, меня ждут важные государственные дела. Мне еще нужно вечером успеть на рок-фестиваль...

Мы пожали друг другу руки, и премьер ушел. Я удивленно оглядел холл. Как я вообще здесь оказался? Меньше чем за два дня, от вчерашнего рассвета и до сегодняшнего заката, я вознесся на вершины государственной власти. От этих размышлений меня отвлек высокий и приятный голос Жанны.

— Здесь гостиная, а здесь спальня и ванная комната, — указала она на двери в противоположных концах комнаты. — Если вы хотите поужинать, то сообщите мне, и вам принесут любое блюдо, которое вы закажете. Бар располагается в этом шкафчике. Коньяк, виски, шампанское, граппа, джин... Амаретто остался в кабинете президента, но если хотите, мы вам принесем. Если вас вдруг придут арестовывать утром, то по тайной ход в ванной комнате за зеркалом.

Мне внезапно очень захотелось спать. За все путешествие мне так толком и не удалось выспаться. Похоже, все запасы внутренней энергии и резервы моральных сил, на которых я добрался до Москвы, полностью подошли к концу. После двух предельно насыщенных дней я больше всего хотел упасть без сил.

— Пожалуй, я лягу спать, — сообщил я, направляясь в спальню. По пути я вспомнил, что оставил свою, а точнее, дембельскую куртку на вешалке перед кабинетом президента, но решил, что она там не пропадет. — Я ужасно устал в дороге.

В прекрасно обставленной спальне меня ждала роскошная четырехспальная кровать полированного дерева. Я устало сел на ее край и посмотрел на вошедшую за мной Жанну. Только сейчас я обратил внимание, что две верхние пуговицы ее блузки кокетливо расстегнуты, а из-под подола мини-юбки виднеются ажурные кружевные верхушки чулок явно французского производства. На тонкой ткани выделялись контуры нижнего белья, и я каким-то подсознательным ощущением понял, что департамент семейных ценностей явно не одобрил бы подобный фасон. Однако, по всей видимости, в Кремле эта служба была бессильна.

— Мне остаться? — поинтересовалась Жанна.

Я покачал головой. В конце концов, мне уже было столько лет, что я без малейших стеснений мог в выборе между женщиной и кроватью предпочесть кровать.

— Нет, спасибо. Я действительно очень устал.

— Если я вдруг понадобится, то я буду рядом.

— Хорошо.

Я сбросил с себя ботинки, не имея сил даже донести их до ближайшего шкафа, и они беззвучно упали на ковер. Я рухнул на кровать, проваливаясь в сны, как в спасение.

Где я?

...Сны были тяжелыми и неприятными. За границу меня так и не выпустили, потому что я не имел с собой огнетушителя и аптечки, зато премьер-министр все-таки выделил мне Министерство инноваций. Я начал разрабатывать проект инновационного прокремлевского движения «Няши» (милые девушки с накладными кошачьими ушками и пушистыми хвостиками должны были ходить по Красной площади и размахивать флажками), но тут ко мне пришла строгая женщина, похожая на прокурора, и заявила, что никаких таких организаций она не допустит. Я разочаровался, но все же подготовил законопроект о том, чтобы каждый раз, когда президент появляется в общественном месте, оркестр играл знаменитый марш гладиаторов. Еще не успели высохнуть чернила, как ко мне в кабинет зашел сам президент и потребовал, чтобы я прекратил заниматься ерундой и перешел к серьезным делам,

а именно: чтобы как можно скорее переименовал Россию в Федеративную Страну Будущего с гербом в виде двуглавого пса, сидящего на мешке с сахаром. Я потребовал, чтобы мне не мешали работать, и велел им всем идти в задницу, а если понадобится — то и дальше. Президент страшно обиделся и сказал, что на это он не пойдет, после чего выдвинул ультиматум: или я ухожу в отставку, или он прикуется духовными скрепами к Красной площади, обольется низкооктановым бензином из урановой канистры и превратит себя в радиоактивный пепел. Я любезно предложил президенту инновационную идею: подкинуть в костерок пару шин от грузовика, чтобы лучше дымил, но тут он затопал ножками и выгнал меня в отставку. К счастью, при этом мне выдали положенную по закону премию при увольнении, составляющую пятьсот миллионов рублей (как-никак, я был министром!).

— Вы сильно обидели президента, — сказали мне в канцелярии. — Он вас простит лет через пять, не раньше. Хотите пока поработать каким-нибудь региональным губернатором?

— Можно в Калининград? — попросил я.

Кресло калининградского губернатора оказалось занято, поэтому я решил отдохнуть. Выйдя в отставку, я незамедлительно отправился в Санкт-Петербург (как я уже упоминал, море дарует человеку свободу) и в знак гражданского протеста начал писать острополитическую пьесу «Два карлика и один чебурек», в которой хотел выразить свое крайнее недовольство внутренней политикой страны. Я уже было прописал действующих лиц и основу сюжета (высокие политики низкого роста, зашедшие в кремлевский буфет и отстоявшие длинную очередь к федеральной кормушке, внезапно обнаруживают, что все уже съедено до них, и теперь тщетно пытаются поделить позавчерашний чебурек), как вдруг мне прислали запретительную бумагу из цензурного комитета Республики Коми. С горя я сел на поребрик, но он тут же превратился в бордюр. Я зашел в кафе, чтобы подкрепиться курой с гречей, но при попытке их съесть они немедленно становились курицей с гречкой. Я было начал уходить дворами-колодцами Васильевского острова, но хохочущие строители возводили на моем пути уплотнительную застройку. Я повернулся и вышел к Благовещенскому мосту, но его развели прямо передо мной. Я подошел к пристани философских пароходов, но Нева потекла вспять.

Не находя себе места в России, я решил спиться. Вызвав талантливого журналиста Анатолия телеграммой с вокзального почтамта, я купил ящик коньяка. Мы сели на поезд до Калининграда и отправились в путь, разливая коньяк по подстаканникам и провозглашая тост на каждой из остановок. В городе Пушкине на поезд сел государь император, одетый в штатское; его выселили из императорского дворца под предлогом съемок патриотического кинофильма. От него мы узнали последние новости. Принц Дуболом занял мое место министра инноваций и занялся укреплением вертикали власти. Первым делом он приказал, чтобы в каждом публичном месте висело чучело президента, которому люди могли бы отдавать почести.

Содрогнувшись от ужаса таких инноваций, мы пришли к выводу, что отсюда надо немедленно бежать, и пригласили императора-изгнанника к нашему столу. Я рассказал, что, проезжая через Литву, на станции Гележинкеляй пассажир должен сделать три вещи: дернуть стоп-кран, вытянуть шнур и выдавить стекло. Этот план был единогласно одобрен, и мы сдвинули подстаканники в торжественном тосте. Государь император пил коньяк, аристократично отодвинув мизинец.

На станции Дно к нам в поезд вошел Олег в парадном дембельском костюме с колосьями и снопами. С трудом поставив под стол десятилитровую бутылку отборного пшеничного самогона, он рассказал, что впереди взбунтовались железнодорожники, поэтому поезд теперь идет в Псков. Дело усложнилось. Похоже, нам предстояло следовать в Калининград через Латвию, как в далеких девяностых годах. Это означало, что бежать придется на станции Дзельсцельш. Сделать это было не проще, чем выговорить.

Когда мы прибыли в Псков, в вагон зашла женщина, похожая на прокурора, арестовала государя императора и увела его в автозак, грубо подталкивая в спину резиновой дубинкой. Выяснилось, что поезд не проедет и здесь, поскольку взбунтовавшихся железнодорожников арестовала Госгвардия, переименованная премьер-министром в жандармерию. Вагон с арестованными прицепили к нашему поезду, и мы поехали в Воркуту. Это была судьба.

Соображая на троих, мы с Анатолием и Олегом доехали до Ухты. Олег вспоминал бесчисленные истории о службе, я рассказывал политические анекдоты, а Анатолий просто пил, утверждая, что за свою жизнь он уже написал столько, сколько нужно. Как раз в Ухте проводился традиционный местный конкурс на лучший политический анекдот. Пока нам меняли тепловоз, я изучал положение о конкурсе. Занявшему третье место давали три года за оскорбление чувств, занявшему второе место — пять лет за разжигание розни, а занявшему первое место — десять лет за экстремизм. В честь обладателя гран-при переименовывали мост. Помимо этого, для всех участников предусматривалось множество поощрительных административных призов самого разного характера: от удара дубинкой до миллионного штрафа. Я сказал, что не собираюсь конкурировать с такими бородатыми анекдотами, и выглянул в окно. За стеклом на перроне покачивалось чучело президента, подвешенное к вокзальным часам. Рабочие в грязных брезентовых спецовках вешали ему на шею табличку с какой-то очередной цитатой о величии России. К чучелу уже выстроилась очередь людей с цветами. Дрогнувшей от ужаса рукой я задернул шторы, и мы отправились в путь.

Проехав Печору, мы попали в снежный занос и начали замерзать. Топливо кончилось, и с каждой минутой становилось все холоднее и холоднее. Завернувшись в три слоя белых простыней, мы пили коньяк, а Анатолий рассказывал про повесть ужасов, идея которой только что пришла к нему. К нам в купе зашел Человек в Черном, одетый в костюм начальника поезда (разумеется, черного цвета), и учтиво поклонился. Я понял, что это конец.

Подняв подстаканник с последним глотком коньяка, я из последних сил провозгласил:

— Да здравствует Россия! — после чего испил чашу до дна...

Мысленно поставив отточие, я выпил еще чаю и поставил чашку на стол в вагонном салоне. Создавать книгу без бумаги, в одном только своем воображении, было достаточно непростым занятием. Почему-то она начала придумываться с последней, весьма абсурдной главы. Сюрреалистичный мир, созданный моей фантазией, совершенно не уступал тому миру, из которого меня сейчас на полной скорости уносил поезд-люкс. Я специально старался не вспоминать все события этой ночи. Мне снова не дали выспаться.

— Президент сказал, что надо спешить, — сказала мне администратор Жанна, разбудив меня во втором часу ночи. Торопливый не то завтрак, не то ужин в четырехспальную постель, короткий инструктаж о моем посольском вояже, поездка бронетранспортером (у него был изумительный интерьер с мягкими, обитыми темно-вишневой кожей сиденьями) по ночной Тверской улице; Минский вокзал, взятый в кольцо боевого оцепления; прощание с президентом на перроне; все это промелькнуло так быстро, что я не успел толком ничего осознать. Просыпаться я начал только после того, как поезд тронулся.

Вагон ощутимо качнуло. Большие часы с мерно покачивающимся бронзовым маятником показывали 7.30. Приближались рассвет и граница России; пространство и время, как я уже успел неоднократно убедиться, были неделимы. Белые полупрозрачные шторы закрывали окна, так что я не мог ничего увидеть. Мне почему-то подумалось, что это сделано специально, чтобы высокопоставленные чиновники во время

путешествий были избавлены от тяжелой и неприятной картины России за окном. В самом деле, изысканный интерьер салона с панелями полированного красного дерева слишком сильно контрастировал с пейзажами провинциальных городов.

Чашка опустела. Можно было бы попросить еще одну, но мне не хотелось лишний раз видеть сопровождающих, которыми был полон соседний вагон. По той же причине я не потребовал ни бумаги, ни ручки. Душой и мыслями я был уже не здесь, и у меня не было желания лишний раз напоминать себе о том, что мое тело, к сожалению, еще находится в салоне спецпоезда-люкс. Одиночество позволяло собраться с мыслями. Я твердо решил, что, перебравшись через границу, немедленно отправлюсь на дачу премьер-министра и не покину ее до тех пор, пока не будет закончена работа над моей книгой. Конечно, этот процесс мог затянуться, но я предполагал, что запасов денег в каморке хватит надолго.

Совершенно неожиданно для меня поезд начал резко замедлять ход. Меня вжало в спинку кресла. Чашка поехала по столику и упала на ковер. Тормоза издали пронзительный, режущий душу звук; состав дернулся и остановился. Наступила тишина.

Я вскочил на ноги, ища глазами предмет, который можно было бы использовать в рукопашной схватке. Неужели меня снова пришли арестовывать на рассвете? Успею ли я забаррикадировать дверь декоративной пальмой в кадке? Замерев на мгновение, я бросился к мини-бару в виде глобуса и схватил бутылку коньяка «мартель»; из всего, что там было, именно она наилучшим образом легла в руку для самообороны.

Дверь салона открылась, пропуская внутрь Человека в Черном. Я с изумлением посмотрел на него. Казалось, что со времен нашей прошлой беседы на берегу Преголи прошло не двое суток, а двадцать лет.

— Добрый день, — вежливо и с предельной невозмутимостью произнес Человек в Черном. Сейчас на нем был изысканный смокинг с блестящими атласными лацканами. В левой руке он держал черный саквояж. — Я не сомневаюсь, что вам есть о чем рассказать мне, но я предлагаю перейти к этому позже.

Это была прекрасная идея. В первую секунду единственной приличной мыслью, появившейся у меня в голове, была только фраза: «Явился — не запылится».

— Я взял на себя ответственность ненадолго остановить ход спецпоезда, — продолжил он своим бархатным голосом. — Вы проделали большой путь, и я полагаю, что можно сделать небольшую остановку. Я весьма впечатлен. Кстати, вы не находите забавным, что каждый раз, когда мы встречаемся, вы держите в руках бутылку коньяка?

Мне отчего-то захотелось глупо захохотать, глядя ему в глаза.

— Хорошо, что я не успел бросить в вас бутылкой, — сказал я, ставя коньяк на стол. — Будь мы на Диком Западе, я бы уже начал стрелять в дверь из своего «смит-вессона».

— Ничего страшного, — сказал мой собеседник столь вежливо, словно я извинялся перед ним за невыглаженность своих брюк. — В любом из этих случаев вам было бы не под силу причинить мне какой-либо вред. Но я вижу, что вы определенно набрались жизненного опыта. Вы прекрасно действовали. Оказываясь в нужном месте в нужное время, вы совершали нужные поступки. Тем не менее вы вправе задать вопрос, почему я появился только сейчас.

— Да, я неоднократно задавался этим вопросом. Помню, в Вязьме...

Человек в Черном остановил меня жестом руки.

— В вашем путешествии вы прекрасно справлялись и без меня, — сказал он, — но полагаю, сейчас действительно может потребоваться мое вмешательство. Я позволил себе ознакомиться с замыслом вашей будущей книги.

— Она еще не вполне готова, — заметил я. Первый шок проходил, и я мог свободно поддерживать светскую беседу, попутно радуясь тому, что она происходит не на

тонущем корабле и не в жерле вулкана. Почему-то я почувствовал, что рафинированная лексика нашей беседы поднимает нас над обстановкой.

— Это вопрос времени, — обстоятельно сказал Человек в Черном. — Так вот, вы показали себя с прекрасной стороны. Пройдя нелегкий путь, полный испытаний, вы вышли на финишную прямую, которая приведет вас к прекрасной вилле на берегу Средиземного моря. Денег, хранящихся в каморке, хватит даже вашим детям, а мир настоящего, — мой собеседник подчеркнул это слово, — будущего приятно вас удивит. Конечно, до идеального мира «Гуманности Андромеды» еще далеко, но уровень технического и гуманитарного прогресса покажется вам колоссальным. Можно сказать, что вы это заслужили.

Я промолчал.

— Единственной, конечно, не самой существенной проблемой может стать то, что ваша книга будет несколько несвоевременной и маловостребованной. На мой взгляд, она может принести гораздо больше пользы в вашем времени, сорок лет назад. Как вы считаете?

Этот вопрос прозвучал весьма буднично и как бы вскользь, но я уже без труда почувствовал его скрытый смысл.

— Да, я тоже об этом задумывался, — заметил я, стараясь ответить как можно нейтральнее. — Если я уютно расположусь на вилле премьер-министра и напишу задуманную мною книгу, то в лучшем случае я стану беглецом-публицистом. Если же я вернусь в свое время, то стану писателем-провидцем, а это представляется мне куда более почетным.

Мой собеседник на долю секунды слегка прищурил глаза. Я продолжал:

— По этой причине я предпочел бы написать книгу в более привычной эпохе. Однако передо мною возникает одно препятствие: беседовать с президентами или обводить вокруг пальца генералов у меня уже получается, но вот путешествовать во времени пока удастся только вперед ...

— Поверьте, возвращаться в свое время гораздо проще, чем кажется, — Человек в Черном улыбнулся мне половинкой лица. — Иногда для этого достаточно просто сойти с поезда, и мне кажется, что сейчас наступил вполне подходящий для этого момент.

Внезапно мне показалось, что салон поезда физически давит на меня, подобно тесному пальто. Я с каким-то отвращением посмотрел на большой позолоченный герб, украшавший стену. Человек в Черном дипломатично ждал моего ответа.

— Вы знаете, я, пожалуй, сойду, — сказал я. — Мне хватило двух дней в этом будущем, и даже заграница мне не поможет. Кроме того, мне будет весьма неприятно жить на итальянской вилле, в то время как мой родной город сносят бульдозерами.

— Вы достойный сын своей родины, — с уважением прокомментировал Человек в Черном.

— Впрочем, даже если у меня не получится с книгой, — прагматично продолжил я, — уехать за границу никогда не рано: что в пятьдесят седьмом, что в семнадцатом. Так что я ничего не теряю.

— Вы мыслите здраво. Отправляйтесь домой, налейте себе чашку крепкого черного чая с лимоном и приступайте к работе над книгой.

— Но мне тогда нужно забрать кое-что...

Человек в Черном сделал три шага и повернул ручку сейфа. Дверца открылась. Я вспомнил, как президент лично закрывал ее на два ключа. Один из них лежал у меня в кармане, другой же хранился у крупного, серьезного вида мужчины в штатском, что при выезде из Москвы разместился в соседнем вагоне.

— Вы хотите взять выделенные вам на поездку деньги? — с какой-то тонкой провокацией в голосе спросил у меня Человек в Черном, указывая на металлическую опломбированную коробку.

Я пожал плечами.

— Конечно, это очень заманчивая идея, — сказал я, — но меня останавливает то, что эти деньги заработаны рабским трудом людей на полях. Боюсь, что моя совесть просто не позволит мне тратить банкноты с такой дурной кармой.

Человек в Черном рассмеялся.

— Если бы все сильные мира сего так относились к людям и финансам, то ваш мир стал бы намного лучше, — заметил он. — Но что же вам тогда понадобилось?

— Здесь остался мой загранпаспорт, — пояснил я, беря в руки опечатанный сургучом конверт.

Человек в Черном остановил мою руку, вынимая из нее конверт.

— Вынужден вам сообщить, что этот паспорт, выданный вам семнадцатого сентября 2050 года, вам не принадлежит, — сказал он, возвращая конверт на полку сейфа. — Согласно одному из федеральных законов тридцатых годов, он является собственностью государства, выданной вам во временное пользование. Я полагаю, что вы, даже будучи госслужащим, все-таки не захотите отягощать свою карму кражей государственной собственности. Кроме этого, у вас ведь есть свой не менее замечательный загранпаспорт, полученный вами семнадцатого сентября 2010 года. Он лежит у вас дома в ящике стола и ждет, когда вы вернетесь к нему из будущего... если, конечно, вы захотите это сделать.

— Я уже говорил, что захочу, — сказал я, кладя на стол ставший ненужным ключ от сейфа. — Однако если у нас есть еще одна минута, то я хотел бы поставить завершающий штрих. Два дня назад все началось с того, что я так и не успел допить бутылочку. Я отказываюсь от прекрасного будущего и не беру с собой проклятые деньги, но полагаю, что на прощание могу позволить себе глоток коньяка.

— Конечно же, можете, — с дипломатичной сдержанной улыбкой сказал Человек в Черном, наблюдая, как я откупориваю бутылку и делаю большой глоток из горлышка. Мне не хотелось тратить время на поиски рюмки. — Если бы все сильные мира сего были так же воздержаны в страстях своих, как вы, то ваш мир стал бы немного лучше. Я до сих пор удивлен тем, что за всю поездку вы потратили меньше пяти процентов от выданных мною денег. Однако нам действительно пора.

В тамбуре, где при отъезде размещались сразу трое людей в штатском, сейчас никого не было.

— Как они могут здесь быть, если двое из них еще не родились, а третий только готовится пойти в школу? — пояснил мне Человек в Черном, открывая вагонную дверь. На меня пахло холодным и сырым воздухом осеннего леса.

Я нерешительно выглянул наружу. Все вокруг было окутано призрачно-белым туманом. Мы находились на какой-то безлюдной, давно заброшенной маленькой станции. Двухэтажный старенький домик из красного кирпича одиноко возвышался возле ржавых железнодорожных путей. Станцию окружал редкий лес. Из белой зыбкой мглы тянулись ветви деревьев с остатками желтой, еще не опавшей листвы. Я посмотрел вверх. Небо уходило во все четыре стороны одним бесконечным облаком цвета затертой охры. Это была странная осенняя станция, островок призрачной действительности посреди моря тумана.

— Первоклассная *mise en scene* требует первоклассных декораций, — с каким-то нехарактерным для него теплом в голосе сказал Человек в Черном. Он запустил руку во внутренний карман смокинга и извлек оттуда пятисотрублевую купюру. Это была

знакомая мне «петенька» с двуглавым орлом в углу, подобная той, на которую я купил бутылку «Старого Кёнигсберга» два дня и сорок лет назад.

— Ваши дорожные расходы все еще входят в мою ответственность, — пояснил Человек в Черном, вручая мне деньги. — Вам еще предстоит дорога домой, а бензин сейчас не дешев. Да, возьмите еще вот это.

Он извлек из саквояжа большой пухлый конверт из плотной коричневой бумаги и передал мне. Я попытался что-то сказать, но мне ничего не приходило на ум.

— Слова излишни, — откликнулся Человек в Черном, доставая из саквояжа вслед за конвертом черную фуражку с большой серебряной кокардой и надевая ее. — Вам предстоит многое написать. Действуйте. Кстати, не рекомендую брать эпиграф из Пушкина. Это будет слишком обязывать.

— Может быть, «Прощай, немытая Россия»? — поинтересовался я.

— Право же, вашу книгу предстоит писать вам, а не мне, — вежливо, но твердо ответил Человек в Черном, извлекая из своего бездонного саквояжа флажок пронзительно-желтого цвета.

Взявшись за обитый бархатом поручень, я спустился по рубчатым железным ступеням на остатки перрона, поросшие травой.

— Думаю, что мы еще определенно увидимся с вами, — сказал Человек в Черном, высовываясь в вагонную дверь. — Калининград тесен.

— До встречи, — вежливо ответил я, стоя по колено в море тумана.

Человек в Черном начал поднимать руку с флажком, потом, вспомнив что-то, на секунду остановился и сказал:

— Да, кстати, подучите все-таки немецкий до разговорного уровня. Я бы хотел как-нибудь потом пригласить вас на завтрак к Канту.

Повернувшись в сторону локомотива, Человек в Черном высоко поднял желтый флажок. Зашипели пневматические системы. Лязгнули, растягиваясь, металлические сцепки вагонов. Поезд начал набирать ход. Колесные пары прокатились меньше чем в метре от меня, и я отступил на шаг, успев увидеть, как Человек в Черном, широко улыбаясь, снимает с себя фуражку и машет мне рукой. Пронзительно засвистел удаляющийся локомотив, и пять вагонов скрылись в море тумана.

Стук колес затих, и я остался в тишине. Я стоял один на давно заброшенной станции, посреди ржавых путей, поросших длинной тонкой травой, печальной и пожухлой, и белый туман струился вокруг меня. Между двумя шпалами, прямо передо мною, поднималась молодая березка, с которой уже облетела вся листва. Здесь не могло быть никакого поезда: он смял бы несчастное деревце. Я перевел взгляд вдаль, в ту точку, где исчезали рельсы. Там были лишь пустота и белое безмолвие.

Я открыл незапечатанный конверт. В нем обнаружилась сложенная карта Калининградской области. Почему-то это не вызвало у меня никаких эмоций. Я бросил ее в сумку.

Запустив руку во внутренний карман куртки, я осторожно вытащил оттуда мобильный телефон. Сеть едва ловилась. 31 октября 2017 года, вторник. 10.05 утра. Три пропущенных вызова и два сообщения. Одно из них: «Ну и зачем я тебя приглашала?» — от переводчицы. Я не стал отвечать.

Я пребывал в каком-то ступоре. Как я сюда попал? Что это вообще было? Неужели все это: Человек в Черном, стольпинские бронепоезда, евро по двадцать пять тысяч рублей, чиновники в ресторане, невыездные заместители министров, опричники и гос-тапо, премьер, годящийся только на то, чтобы переименовывать одну службу в другую, президент, перепутавший себя с родиной; неужели весь этот грандиозный всероссийский гиньоль мог существовать в действительности? Гнетущая тишина была мне ответом.

Не чувствуя ног, я прошел до необитаемого здания станции. Ее двери и окна наглухо закрывали стальные листы. Терраса у входа была вымощена черно-белой плиткой. Шахматный порядок кладки немедленно вызвал соответствующую ассоциацию: почему-то я почувствовал себя пешкой, прошедшей в ферзи.

Я вспомнил это место; несколько лет назад я проезжал здесь с друзьями. Это было Краснолесье — давно заброшенная железнодорожная станция в заповедном лесу Роминтен, где когда-то располагался охотничий дом кайзера Вильгельма Второго. Каким-то образом я оказался в самом дальнем углу Калининградской области.

Шум автомобильного мотора донесся до меня. На дороге, вымощенной бугристым, напоминавшим картофель булыжником, появилась машина. Белый «мерседес» с горящими фарами выплыл из молочного тумана, точно сказочный лебедь на волшебном пруду. Поравнявшись со зданием станции, он остановился.

Стекло в двери водителя опустилось.

— Привет, — обратился ко мне сидящий за рулем парень с выбритым виском. Он был моложе меня на пару лет. В машине, кроме него, сидели еще две девушки. — Слушай, не подскажешь, как тут к мосту проехать?

Почему-то будничность этого вопроса подкосила меня, словно молот судьбы. Право же, если бы сейчас в воздухе открылся межвременной портал и оттуда на меня набросилась группа захвата из генералов с золотыми погонами, я бы не так отреагировал. Вернее, я бы как раз отреагировал: два дня в будущем выработали во мне соответствующие рефлексy, но абсолютно безобидный вопрос выбил меня из колеи. Я вернулся из странного и страшного будущего, после которого будничность настоящего казалась невозможной.

— Ну, мост, — пояснил парень. — Железнодорожный, заброшенный. В Токаревке.

Я знал, про какой мост говорит водитель. Железная дорога, возле которой мы стояли, в нескольких километрах пересекала узкую, но достаточно глубокую долину реки Роминты. Пятиарочный мост, построенный в начале двадцатого века, являлся своеобразным памятником индустриальной архитектуры Восточной Пруссии. Все это было мне хорошо знакомо, но я еще никак не мог поверить, что нахожусь в своем мирном времени.

Я резко встряхнул головой, приходя в себя. Ступор исчез совершенно неожиданно для меня.

— Минуту, — сказал я, доставая карту из сумки. — Сейчас посмотрю.

Развернув ее, я пригляделся к топографическим знакам.

— В таком тумане непонятно, где север... — начал я, прикидывая направление. — Мы здесь. Смотри, вам нужно сейчас развернуться, проехать назад и свернуть направо. Через несколько километров снова направо. Там и будет мост.

Парень взгляделся в карту, а я тем временем продолжал.

— Слушайте, — сказал я. — Вы меня отсюда до города можете подбросить? Хотя бы до Гусева. Я сюда добрался, а вот обратно уехать не могу. На бензин подкину.

— Ну, залезай, — сказал парень. — Твоя карта нам пригодится, а то у навигатора села батарея. Представляешь, мы два часа сюда ехали, и будет очень обидно тут заблудиться и никуда не попасть.

— Мы после моста не в город, — предупредила девушка с рыжими вьющимися волосами, сидящая на переднем сиденье. — Мы еще в музей Донелайтиса поедем.

Я моментально вспомнил местонахождение музея. Поселок Чистые Пруды. Там ходит рейсовый автобус, а значит, этот вариант тоже подойдет.

— Тогда хотя бы до музея, — сказал я.

На заднем сиденье машины, куда поместился я, сидела совсем молодая девчушка, одетая в брутальную кожаную косуху. У девчушки были ярко-красные спутанные во-

лосы с полосой отросших неокрашенных корней в проборе и штанга пирсинга в брови. Из ее наушников доносился какой-то очень тяжелый рок.

— Место какое-то странное, — сказал парень, включая первую передачу. — Пять минут назад ни с того ни с сего появился туман. Не видно вообще ничего, навигатор сел, телефоны сеть не видят, да еще машина заглохла и не заводилась! Мистика какая-то!

Тронувшаяся с места машина провалилась колесом в неглубокую лужу; я услышал тихий плеск воды. Станция Роминтен осталась позади.

— Место тут такое, — подтвердил я бывалым тоном, протягивая водителю раскрытую карту. — Вот нам нужно сюда.

Девчушка, сидящая справа от меня, переключила песню на телефоне. На руке у нее были вытатуированы три маленькие цветные звездочки. Я вспомнил, где видел их, практически сразу.

— Скажите, — обратился я к ней, — вас, случаем, не Светлана зовут?

— Да, — удивленно сказала она, вытаскивая наушник. — Мы знакомы?

В ее взгляде читалось какое-то дипломатичное сомнение. Наверное, для этой девочки я казался очень пожилым динозавром, родившимся в эпоху Гагарина и олимпийского мишки. Внезапно я почувствовал себя ужасно старым. Она была молода, ярка и уверена в себе; жизнь еще не разбила ее надежды и мечты. На секунду я закрыл глаза, вспоминая плацкарт, несущийся на восток. Да, я вернулся в свое время, чтобы написать про будущее, но я не мог сказать этой девочке, что через сорок лет она будет зарабатывать на жизнь продажей старой одежды из Москвы, тайно храня свою косуху как святыню и опасаясь попасть в федеральный список неблагонадежных граждан. Нельзя бросаться на людей с суровой правдой наголо. Да, пусть такой и окажется моя будущая книга — в маске из горького и черного смеха.

— Кажется, мы виделись в башне Врангеля, — сказал я. — На концерте.

— А-а, — равнодушно сказала она, вдевая наушник.